

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова»

М. Д. Чертыкова

**СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНАЯ
ХАРАКТЕРИСТИКА ХАКАССКИХ ГЛАГОЛОВ
СО ЗНАЧЕНИЕМ ВОСПРИЯТИЯ
И ИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ
В ДРУГИХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ**

Абакан
2019

УДК 811.512.153`37:81`367.625
ББК 81.634.51-81.053
Ч505

*Печатается по рекомендации Научно-технического совета
и по решению Редакционно-издательского совета
ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова»*

Рецензенты: **А. Д. Каксин**, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова»;
И. М. Чебочакова, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора языка ГБНИУ РХ «Хакасский научно-исследовательский институт языка и литературы»

Чертыкова, Мария Дмитриевна

Семантико-когнитивная характеристика хакасских глаголов со значением восприятия и их лексических соответствий в других тюркских языках / М. Д. Чертыкова. – Абакан: Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2019. – 160 с.
ISBN 978-5-7810-1877-2

Монография посвящена системному семантико-когнитивному описанию хакасской глагольной лексики со значением восприятия и выявлению её лексико-семантической специфики, в ряде случаев приводится сравнение с лексическими соответствиями в других тюркских языках. При этом описание ведётся в парадигматическом аспекте: семантическое поле глаголов восприятия включает пять лексико-семантических групп глаголов со значениями зрительного, слухового, вкусового восприятий, а также осязания и обоняния. Детальный компонентный анализ семантической структуры исследуемых глаголов даётся с учётом их системных взаимоотношений, а также функциональных и когнитивных особенностей, что способствует дальнейшему решению лексико-семантических и сравнительно-сопоставительных вопросов в тюркском языкознании.

Издание предназначено широкому кругу лингвистов, языковедам-тюркологам, преподавателям, а также рассчитано на использование в вузовских лекционных и практических курсах, в частности, Института филологии и межкультурной коммуникации ХГУ им. Н. Ф. Катанова, при подготовке магистрантов по направлению 45.04.01 – Филология. Профиль: «Хакасский язык, литература, культура», бакалавров по специальностям 44.03.05 – Педагогическое образование. Профиль: «Хакасский язык и литература. История», 44.03.05 – Педагогическое образование. Профиль: «Хакасский язык и литература. Иностранный (английский) язык», аспирантов по специальности 45.06.01 – Языкознание и литературоведение: 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (хакасский язык).

Также результаты анализа фактического материала могут быть полезны при составлении словарей идеографического типа.

УДК 811.512.153`37:81`367.625
ББК 81.634.51-81.053

ISBN 978-5-7810-1877-2

© ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2019
© Чертыкова М. Д., 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ГЛАВА I. ГЛАГОЛЬНАЯ ЛЕКСИКА СО ЗНАЧЕНИЕМ ВОСПРИЯТИЯ КАК ОДНА ИЗ БАЗОВЫХ ЯЗЫКОВЫХ СТРУКТУР	7
1.1. Общие теоретические сведения о восприятии	7
1.2. Организация семантического поля глаголов со значением восприятия	10
1.2.1. Структурно-семантическая характеристика хакасских глаголов со значением восприятия	15
ГЛАВА II. ГЛАГОЛЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ	19
2.1. Семантико-когнитивная характеристика глаголов зрительного восприятия	19
2.2. Глагол <i>көр</i> - «смотреть; видеть»	20
2.3. Периферийные глаголы со значением зрительного восприятия	27
2.3.1. Межтюркские лексические соответствия хакасских глаголов зрительного восприятия	29
2.3.2. Глаголы, характерные для хакаского языка	40
2.4. Лексема <i>харах</i> «глаз; глаза» как опосредующее звено между телесной и духовной природой человека	45
2.4.1. Соматизм <i>харах</i> «глаз; глаза» в структуре фразеологических единиц	50
2.4.2. Концептуализация лексемы <i>харах</i> «глаз; глаза» как анатомического органа	55
2.5. Сочетание взгляда и ненависти в языковом выражении	58
2.6. Выражение понятий «вера» и «достоверность» сквозь призму зрительного кода	64
ГЛАВА III. ЗРЕНИЕ И СЛУХ КАК ДОМИНИРУЮЩИЙ ТИП ВОСПРИЯТИЯ?	71
3.1. Глаголы со значением слухового восприятия	71

3.2. Базовые глаголы со значениями зрительного и слухового восприятия.....	75
3.3. Дополнительные компоненты в семантике глаголов <i>kör</i> -«смотреть; видеть» и <i>is</i> - «слышать»	79
ГЛАВА IV. ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ЛСГ ПОЛЯ ГЛАГОЛОВ ВОСПРИЯТИЯ?.....	87
4.1. ЛСГ глаголов со значениями касания и осязания	87
4.1.1. Глаголы со значением касания.....	87
4.1.2. Глаголы со значениями осязания	91
4.2. ЛСГ глаголов со значением обоняния	93
4.3. ЛСГ глаголов со значением вкусового восприятия.....	103
ГЛАВА V. СИТУАТИВНО-СТРУКТУРНЫЕ МОДЕЛИ РЕАЛИЗАЦИИ ГЛАГОЛОВ ПАССИВНОГО ВОСПРИЯТИЯ	113
5.1. Структурно-ситуативные модели глаголов пассивного восприятия.....	114
5.2. Семантическая структура многозначного глагола <i>körin</i> -«смотреться; видно».....	118
5.3. Условия нейтрализации пассивного восприятия в семантике глаголов	119
ГЛАВА VI. ТИПОВАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ВОСПРИЯТИЯ.....	125
6.1. Роль субъекта в предложениях с глаголами восприятия	127
6.2. Выражение прямого объекта формой винительного падежа.....	131
6.3. Тернарная оппозиция смыслов: «воспринимать» – «восприниматься» – «использовать способность восприятия».....	136
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	142
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	146
СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ	154
СПИСОК ТЕКСТОВЫХ ИСТОЧНИКОВ	157
СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....	159

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая работа представляет собой первое в хакасском языкознании специальное системное исследование глагольной лексики со значением восприятия, в котором, помимо семантико-когнитивного, синтагматического описания, также сравнительно-сопоставительное освещение получили общетюркские базовые глаголы.

Целью данной работы является системное описание и выявление семантико-когнитивных, функциональных особенностей глагольной лексики со значением восприятия, а также выявление общностей и различий их лексических соответствий в других тюркских языках.

Восприятие человеком (и другими живыми существами) информации из окружающего мира происходит путём функционирования пяти органов чувств: зрения, слуха, обоняния, осязания, вкуса. Языковая концептуализация восприятия является объектом специальных исследований на материале многих языков. «Глаголы восприятия обозначают первый – произвольный и непроизвольный – контакт человека с объективным миром и поэтому являются номинантами первой сигнальной системы человека» [Моисеева, 2003, с. 106]. В тюркских языках перцептивная глагольная лексика исследована пока ещё недостаточно, хотя в некоторых языках она получила системное освещение с применением лексико-семантического, функционально-грамматического, сравнительного и этимологического подходов.

Восприятие окружающего мира является одним из важных аспектов жизнедеятельности человека. Понятие «восприятие» включает наименование органов чувств (глаза, уши, нос, кожа, язык) и процессов, связанных с их функционированием. Далее это общее понятие конкретизируется как в сфере имени (уточняется представление об органах чувств, в системе появляются слова типа «зрение», «слух», «осязание», «обоняние», «вкус»), так и, особенно, в сфере глагола (возникает лексико-семантическая группа (далее – ЛСГ) глаголов восприятия, устанавливаются многочисленные и разнообразные связи между фрагментами и отдельными членами этой и других ЛСГ глаголов).

К глаголам со значением восприятия мы относим глаголы, концептуализирующие фрагмент восприятия человеком окружающей действи-

тельности. Данный фрагмент включает получение субъектом информации об окружающей действительности, которую он мысленно обрабатывает и классифицирует. В последующих этапах данное восприятие оказывает влияние на эмоциональную, поведенческую, речевую, мыслительную деятельность субъекта.

В семантическое поле глаголов со значением восприятия выделяются пять ЛСГ глаголов: 1) глаголы со значением зрительного восприятия; 2) глаголы со значением слухового восприятия; 3) глаголы со значением касания и осязания; 4) глаголы со значением обоняния; 5) глаголы со значением вкусового восприятия. Подход к изучению данных глаголов, как микросистемы языка, предусматривает комплексный анализ их функциональных, семантических, когнитивных и других существенных параметров.

Материалом для исследования послужила выборка глагольной лексики из художественных и фольклорных произведений, газет и журналов, а также словарные статьи из двуязычных словарей.

Монография включает предисловие, шесть глав, заключение, списки литературы, лексикографических источников, текстовых источников, условных сокращений.

ГЛАВА I.

ГЛАГОЛЬНАЯ ЛЕКСИКА СО ЗНАЧЕНИЕМ ВОСПРИЯТИЯ КАК ОДНА ИЗ БАЗОВЫХ ЯЗЫКОВЫХ СТРУКТУР

1.1. ОБЩИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ВОСПРИЯТИИ

В последние десятилетия мы наблюдаем активное развитие лингвокультурологии как науки, изучающей факты проявления в языке базовых для мировидения нации концептуальных структур. Исследования в данной области доказывают, что языковые вербализации тех или иных концептов отражают национальную картину мира – ментально-нравственные устои жизни общества и нации [Вежбицка, 1996; Арутюнова, 1999; Урысон, 2003; Падучева, 2004; Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2005; Апресян, 2009; Талапова, 2010 и др.]. Семантико-когнитивный анализ понятийного содержания определённых языковых структур и концептов позволяет выявить их роль в создании цельного (рационально и чувственно) образа человека, владеющего определённым языком и тем самым причастного к той или иной культуре.

Язык является системой, в которой результаты познания и деятельности человека отлиты в формы, действительные для всех говорящих на этом языке. Языковых форм очень много, они различны по своей сути, характеру, но мозг человека позволяет ему свободно и легко оперировать огромным числом языковых единиц. Лингвисты в этой большой, кажущейся безграничной системе всё-таки вычленяют отдельные классы, и в результате подробной, тщательной таксономии выясняется, что именные и, в противоположность им, глагольные слова занимают одно из главных мест в общей системе. Далее в части дифференциации общего массива, учитывая разные признаки и свойства глагольных слов, исследователь естественно и закономерно выходит на ЛСГ, в том числе – на группу глаголов восприятия. При этом основным признаком, позволяющим объединить искомые слова в один класс, является семантический; в случае с рассматриваемыми глаголами он тоже вполне ясен: все они обозначают действия, свойства человека, связанные с восприятием окружающей действительности.

Физиологические способности человека, основанные на возможности своеобразного видения мира, на потребности восприятия окружающей действительности, являются базой его духовно-психической деятельности. Потребность человека познавать мир удовлетворяется за счёт использования органов чувств (частей тела): глаз, ушей, носа, языка и кожи (особенно – на пальцах рук), с помощью которых человек видит, слышит, обоняет, ощущает и осязает. Особенности восприятия (или перцепции) человеком мира и окружающей действительности, как самые значимые виды его жизнедеятельности, представляют несомненный интерес в таких сферах науки, как психология, философия, языкознание, литературоведение и др. В процессе исследования восприятия в рамках отдельных дисциплин выработано множество определений данного понятия. Восприятие – это живое, активное взаимодействие с миром, с окружающей средой, направленное на приспособление человека к среде и к его выживанию [КСКТ, 1997, с. 17]. Восприятие – это форма чувственного отражения действительности в сознании, способность обнаруживать, принимать, различать и усваивать явления внешнего мира и формировать их образы [Моисеева, 2005, с. 19].

Восприятие представляет собой живую неразрывную связь человека с окружающей действительностью, тем самым, играет значимую роль в различных видах его деятельности: мыслительной, поведенческой, речевой, эмоциональной и др. При этом ученые отмечают избирательный характер процесса восприятия [Чейф, 1983; Найссер, 1981; Кубрякова, 1999 и др.]. Определённым образом это связано с тем обстоятельством, что речь порождает конкретный человек: для обозначения той или иной ситуации у него есть множество способов (слов, моделей, оборотов и т. п.), но он выбирает всегда какой-то один, наиболее адекватный. «В процессе взаимодействия с окружающим миром из всего обилия информации человек выбирает ту, которая для него в данный момент наиболее важна и значима. Остальная информация временно отодвигается на задний план» [Новоселова, <http://md.islu.ru>]. Таким образом, процесс восприятия имеет субъективный статус: человек, хоть и не может влиять на ход событий, которых он воспринимает, но извлекает из него то, что хочет видеть, слышать, осязать; обработка и интерпретация полученной информации происходит в индивидуальном порядке. При этом, как отмечает С. А. Моисеева, процесс восприятия осуществляется в несколько этапов:

1) обнаружение объекта в воспринимаемом поле; 2) различение признаков и свойств объекта; 3) синтез указанных признаков [Моисеева, 2005, с. 69]. Как видим из сказанного, получается, что восприятие – это процесс распознавания, анализа и интерпретации объектов окружающего мира за счёт стимуляции сенсорных рецепторов. Человек воспринимает через органы чувств информацию, которую затем обрабатывает и классифицирует на мыслительном уровне, делает выводы, отождествляет с образами, хранящимися в памяти, в результате всё это оказывает большое влияние на моделирование им своей поведенческой, мыслительной и речевой деятельности в процессе коммуникации. «Способность воспринимать мир определённым органом чувств – это нецеленаправленный процесс (*видеть, слышать, осязать, обонять, чувствовать*), а глаголы с семой «использовать способность восприятия» выявляют целенаправленный процесс (*смотреть, слушать, пробовать, касаться*). Вторые обозначают действие благодаря тому, что включают сему «воля» и «намерение» [Пешковский, 1956, с. 79].

Как известно, восприятие играет жизнеутверждающую роль и в животном мире: всё живое на земле вступает в контакт с окружающей действительностью благодаря пяти видам чувственного восприятия – зрительного, слухового, вкусового, обонятельного и тактильного. Однако животные, в отличие от людей, воспринимают органами чувств окружающий мир в пределах своего обитания и только в рамках инстинктов и интуиций. Воспринятая ими на чувствительном уровне информация переходит в генетический опыт или сумму рефлексов, а не на познание и исследование поступающей через органы чувств информации – сигнала на абстрактном уровне. Восприятие человека намного сложнее и не останавливается на сиюминутном использовании предыдущего опыта. Оно характеризуется наличием дальнейших этапов: осознанием воспринимаемого, его обработкой (корректировкой), преобразованием в абстрактные модели, отложением результатов всех мыслительных процессов в памяти. С. А. Моисеева пишет: «Познание осуществляется как при помощи органов чувств, так и при помощи абстрактного мышления, которым располагает человек, оно формируется как результат непосредственного восприятия мира и его осмысления» [Моисеева, 2005, с. 12]. Согласно сказанному, познание – многогранно, способов познания очень много. В этом процессе важны все этапы, которых достаточно много,

(хотя и протекают они стремительно). Человек не просто воспринимает окружающую действительность: всё воспринятое (постигнутое) моделирует и логически упорядочивает. В нашем исследовании рассматриваются преимущественно те процессы восприятия, которые присущи только человеку.

Несмотря на то, что понятие восприятия обширно и обозначаемые им состояния и процессы обслуживают широкий ряд живых существ: людей, все имеющиеся виды флоры и фауны, глагольная система восприятия чётко организована и не сложна по своей семантической классификации. Как отмечает Ю. Д. Апресян, чем проще система, тем она более автономна. Чем сложнее система, тем она менее автономна, т. е. тем больше число других систем, которые она активирует или данными которых пользуется [Апресян, 1995, с. 47]. Из сказанного следует, что система восприятия автономна, поскольку видеть, слышать, обонять можно независимо от других систем жизнедеятельности человека. Однако при этом само восприятие является первоначальным актом других действий и процессов: можно обрадоваться или разозлиться, увидев кого-то-либо или услышав какую-либо информацию; брезговать, почувствовав какой-либо неприятный запах; разговаривать с кем-либо, при этом слушая ответы и мнения собеседника и т. д.

1.2. ОРГАНИЗАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ВОСПРИЯТИЯ

Лексический состав любого языка представляет собой систему, свойства которой в истории науки достаточно хорошо изучены. Системный подход изучения лексики – одна из характерных черт лингвистических исследований XX века, поскольку изучение не только отдельных слов, но и групп слов, как части системы языка, даёт возможность их более глубокого познания. В последние десятилетия такие системные группировки, как семантическое поле, ЛСГ глаголов в разных языках привлекают внимание как лексикологов, так и представителей смежных дисциплин. Системная лексика выполняет концептуализирующую роль в процессе создания образа человека, чему способствуют специфическая семантика глаголов и разнообразие оттенков, возникающих на синтагма-

тическом уровне. Совокупность анализируемых глагольных лексем, функционирующих в языке и речи, передает весь спектр действий, событий, процессов, состояний, характеризующих языковую личность.

Наиболее объёмной структурой лексической системы является *поле* (другими распространенными терминами в лингвистике являются *микрополя* или *макрополя*, *понятийное поле*, *ассоциативное поле*). Лингвисты приводят многочисленные определения понятия поля, предложенные учёными разных стран, однако пока не существует единой дефиниции. Обобщая эти определения, можно заключить, что центром, или ядром, семантического поля является некий общий смысл, именем которого и называется всё поле. Оно, как следует из такого названия, имеет полевую структуру, в которой выделяются центр и периферия. Центр поля представлен основными, базовыми глаголами, более частотными в языке и речи, а периферия – менее частотными. Между этими глаголами существуют парадигматические отношения, подобные родо-видовым. Семантическое поле рассматривается лингвистами как некое крупное объединение, включающее слова различных частей речи, которые связаны прямыми оппозициями, а соотносятся только ассоциативно. Большой объём семантического поля зачастую создается за счёт включения в него единиц различных частей речи [Гайсина, 1981; Слесарева, 1980; Гинзбург, 1971]. Ряд исследователей термин «семантическое поле» используют в отношении более узких лингвистических терминов (ЛСГ, синонимический ряд и т. п.), или же эти обозначения употребляются как терминологические синонимы [Моисеева, 2005]. Другой взгляд на определение семантического поля заключается в том, что оно состоит из лексических единиц только одной части речи – глаголов. Внутри семантического поля глаголы объединяются по общности архисемы в более мелкие семантические группы – лексико-семантические, синонимические. Мы придерживаемся второго взгляда на определение термина «семантическое поле» и исходим из положения, что семантическое поле – это крупное лексическое объединение, включающее в себя несколько ЛСГ по общности определённой архисемы.

Суммируя имеющиеся в лингвистике неоднозначные трактовки понятия ЛСГ, можно сделать вывод о том, что ЛСГ – это составная единица лексической системы, выделяемая на лингвистической и лингвологической основе, члены которой связаны на основе сходства, противополож-

ности и иерархии; а конкретнее – это совокупность слов, относящихся к одной и той же части речи, объединенных помимо грамматических сем, ещё общей категориально-лексической семьей (архисемой, классемой), которая является основной и существенной при выделении слов в одну ЛСГ. Исследователи отмечают важность исследования глагольных ЛСГ, как составной части языковой системы, не только в лексико-семантическом, но и грамматическом, синтагматическом, когнитивном и культурологическом аспектах. По мнению Э. В. Кузнецовой, «...в глагольной лексике в целом роль внутриязыковых системных факторов сильнее, чем в сфере имен существительных. Лексико-семантические группы глаголов более структурированы, что делает их благодатным материалом для изучения системных отношений в лексике» [Кузнецова, 1989, с. 12]. А. А. Уфимцева определяет ЛСГ также через изложение задач её исследования: «Самое двойное название группы «лексико-семантическая» говорит о том, что анализу подвергается слово как лексема, во всех его формах и лексических значениях, и что объединение слов как единицы словарного состава происходит по основному для слова признаку – по лексическому значению слова. Лингвистическому анализу подвергаются не только чисто семантические связи слов, как например, в антонимических и синонимических рядах слов, но и его лексико-грамматические связи, в форме которых реализуются отдельные значения слов; внутрисловные и внутригрупповые семантические различия слов выражаются разными видами словесных связей: формами одного и того же слова, своеобразными словосочетаниями в пределах синтагмы, наконец, постоянным противопоставлением в системе лексики в целом (синонимические и антонимические ряды слов)» [Уфимцева, 1962, с. 137]. В своей работе мы придерживаемся выдвинутого в трудах Э. В. Кузнецовой, И. Т. Вепревой, М. Л. Кусовой, Т. В. Матвеевой, Л. М. Васильева положения о том, что ЛСГ является структурным компонентом семантического поля, входит в его состав в качестве подсистемы.

В исследовании перцептивной лексики, её организации и системных взаимоотношений не наблюдается единых моделей исследований. Глаголы восприятия, или перцептивные глаголы, на материале русского и других разноструктурных языков изучались с различных точек зрения: их места в лексико-семантической системе языка [Васильев, 1981; Падучева, 2001, 2004; Кретов, 1978, 1980 и др.], функционирования в современных

художественных текстах [Сафонова, 2005а, 2005б; Архипова, 2000 и др.], сравнительно-сопоставительного изучения в разноструктурных языках [Гудавичюс, 1970; Моисеева, 2005; Щелкунова, 2009]; роли в концептуализации и категоризации в языковой картине мира [Урысон, 1997, 2003; Вежбицка, 1986; Падучева, 2001; Буданцева, 2014; Буглак, 2012; Каксин, 2016, 2017; Чертыкова, 2017 и др.], сравнительно-исторического развития [Пешковский, 1956; Глинка, 2003 и др.]. Часто в качестве объекта исследования лингвисты рассматривают только одну ЛСГ, связанную с одним лишь аспектом процесса восприятия, например, ЛСГ глаголов зрительного восприятия [Гудавичюс, 1970; Кретов, 1980], ЛСГ глаголов слухового восприятия [Осицкая, 2010]. Среди перцептивных, познавательных систем немаловажную роль играет зрительное и слуховое восприятие, так как считается, что большая часть информации из внешнего мира в мозг человека поступает именно через зрение и слух. В освоении окружающего мира человеком данные системы являются одними из основных каналов приёма, обработки и передачи информации. Доминирование зрительных и слуховых систем над остальными отражается и в их языковой репрезентации, о чём свидетельствует и тот факт, что лингвисты обращают свой исследовательский интерес именно на эти категории лексической системы.

В тюркских языках вопросы глаголов восприятия, в основном, зрительного и слухового, рассматривались в лексико-семантическом [Якупова, 2010; Чертыкова, 2018 и др.]; в структурно-семантическом и сопоставительном аспектах [Дадаев, 1997; Гарипова, 2013; Каксин, Чертыкова, 2009 и др.]. Сравнительно-историческому и этимологическому анализу подверглась базовая перцептивная лексика в известном труде А. А. Юлдашева «Глаголы чувственного восприятия (*verba sentiendi*) в тюркских языках» [Юлдашев, 1961]. На материале языков разных семей наиболее полно описаны глаголы зрительного и слухового восприятия: слух и зрение являются основными каналами восприятия внешнего мира человеком. Представляя глагольную лексику тюркских языков, исследователи также обращаются в основном к описанию глаголов зрительного и слухового восприятия [Усманова, 2012; Чертыкова, 2016 и др.]. В хакасском языке ЛСГ глаголов восприятия была исследована в рамках поля глаголов психической деятельности человека с точки зрения функционально-

семантической характеристики, а также семантико-когнитивной концептуализации [Чертыхова, 2016].

Основными критериями базовых перцептивных единиц лингвисты считают их обширную семантику и посему свободная сочетаемость, отсутствие стилистических функциональных ограничений. Подобная характеристика, как правило, свойственна наиболее частотным и ядерным лексемам. А. Вежбицка предлагает рассматривать глаголы чувственного восприятия таким образом: видеть – воспринимать глазами; слышать – воспринимать ушами; обонять – воспринимать носом; ощущать на вкус – воспринимать языком; осязать – воспринимать телом [Вежбицка, 1986, с. 338]. В семантике глаголов восприятия присутствует сема орудийности – восприятие окружающего мира при помощи органов чувств. С. А. Моисеева пишет, что локализация этих органов довольно неопределённая, они находятся где-то внутри реальных органов восприятия и обеспечивают их функционирование. Действительно, человек может иметь глаза, но быть слепым, иметь уши, но быть глухим, иметь нос, но не воспринимать запах. Значит, глаза, уши и нос – это просто части тела человека, а истинные органы восприятия невидимы, хотя и связаны с данными, телесными органами [Моисеева, 2005, с. 80]. «Проблемы исследования языковой картины мира», где автор придерживается мнения о том, что способности и возможности человека слышать, видеть, обонять, осязать актуализируются «невидимыми органами внутри человеческого тела»: зрением, слухом, осязанием, обонянием, в гораздо меньшей степени дающими представление о физических органах [Урысон, 2003, с. 45–47]. Согласно данным утверждениям, делаем выводы, что физические органы (глаза, нос, уши, кончики пальцев) – это всего лишь части тела, а зрение, слух, обоняние и осязание, благодаря которым человек получает информацию о мире, представляют собой функционирование этих органов.

По сравнению с другими ЛСГ, глаголы восприятия малочисленны, однако данный пробел восполняется за счёт их реализации в различных грамматических и аналитических структурах.

А. А. Юлдашев считает основной отличительной особенностью глаголов восприятия то, что они «обозначают не действие, активно вызываемое субъектом, а чувственное восприятие, констатируемое субъектом» [Юлдашев, 1961, с. 295]. Понятое таким образом восприятие пред-

ставляет собой активный процесс извлечения физиологическими органами информации из окружающего мира при помощи врождённых способностей чувственного восприятия. При актуализации данного процесса человек не совершает никаких физических, умственных или эмоциональных действий или усилий, т. е. пользуясь врождёнными способностями видеть, слышать, осязать и обонять, он воспринимает физический мир таким, какой он есть. Однако для всех глаголов с основным значением смотрения характерен семантический признак «открытые глаза», и субъект смотрящий всегда одушевлённый.

1.2.1. Структурно-семантическая характеристика хакасских глаголов со значением восприятия

В хакасском языке, как и в других тюркских языках, отсутствует единый конкретизатор, составляющий семантическую основу исследуемого поля и уточняющийся в каждом члене группы с помощью дифференциальных сем. Исходя из основных способов восприятия человеком окружающего мира (при помощи физических органов), в семантическом поле глаголов восприятия легко выделяются пять ЛСГ: глаголы зрительного восприятия, глаголы слухового восприятия, глаголы осязания, глаголы обоняния и глаголы вкусового восприятия.

Глаголы восприятия образуют семантическое поле на основании общности категориально-лексической семы «воспринимать окружающий мир определённым органом (зрением, слухом, обонянием, осязанием)», напр., **кӱр-** «смотреть», **ис-** «слышать», **чыста-** «нюхать», **тең-** «притрагиваться» и др. Они отражают процесс восприятия окружающего мира во всем его многообразии, в центре которого находится человек воспринимающий. Однако, как мы уже говорили, в отличие от других глаголов антропоцентричной сферы, глаголы восприятия обозначают такие процессы, которые присущи не только человеку, но и другим живым существам, т. е. функции восприятия свойственны всем живым существам. Мы считаем, что принципиальное разграничение восприятия окружающего мира людьми и животными состоит в осознании / познании воспринимаемой информации.

В хакасском языке, как и в других языках, ядро семантического поля глаголов восприятия составляют глаголы с наиболее обобщённым поня-

тийным содержанием **кӧр-** «смотреть», **ис-** «слушать»; более узкие значения у глаголов **чыста-** «нюхать», **тең-** «притрагиваться». Они же являются доминантными в своих ЛСГ. Наиболее обширными по количеству лексико-семантических вариантов (далее – ЛСВ) и частотными по употребительности являются глаголы **кӧр-** «смотреть, видеть» и **ис-** «слышать». Эти глаголы, кроме обозначения процесса восприятия, ещё имеют значение способности субъекта воспринимать. А. М. Пешковский предлагает эти два аспекта противопоставить по шкале нецеленаправленности / целенаправленности процесса: «Способность воспринимать мир определённым органом чувств – это нецеленаправленный процесс (*видеть, слышать, осязать, обонять, чувствовать*), а глаголы с семой «использовать способность восприятия» выявляют целенаправленный процесс (*смотреть, слушать, пробовать, касаться*). Вторые обозначают действие благодаря тому, что включают сему «воля» и «намерение» [Пешковский, 1956, с. 79]. В хакасском языке способность человека воспринимать мир посредством органов чувств обозначается в основном непереходными глаголами общетюркского происхождения. Они также в употреблении могут быть безобъектными и, тем самым, выражать способность человека воспринимать окружающую действительность, например, глагол **кӧр-** «смотреть, видеть» обозначает способность видеть, а глагол **ис-** «слушать» обозначает «иметь способность слышать». *Кирибіскенде, Сандырның харахтары хомай кӧр сыхханнар* – У Сандра, когда он стал стариться, глаза плохо стали видеть. *Уучамның хулахтары чарых, ам даа чохсы исче* – У [моей] бабушки уши здоровые (букв. светлые), она хорошо слышит. Глаголы **ис-** и **кӧр-** широко употребительны: в контекстах с их участием может выражаться значение улучшения, ослабления или полной потери сенсорной способности (*плохо видеть / слышать, хорошо видеть / слышать, вообще не видеть / не слышать*). Таким образом, в жизнедеятельности человека восприятие различных явлений окружающего мира в полном многообразии их форм, качеств и свойств играет одну из важнейших ролей, выполняя ориентирующую и регулирующую функции в интеллектуальном, эмоциональном и речевом поведении индивида.

По поводу выделенных А. М. Пешковским глаголов, относящихся ко второй категории по семам «воля» и «намерение» [Пешковский, 1956, с. 79], хотелось бы добавить, что в хакасском языке эти семы «включают-

ся» в семантику не одного, а разных глаголов, что рассмотрим на примере глаголов **кӧр-** «смотреть, видеть», **ис-** «слышать» с одной стороны и **харахсын-** «1) высматривать что-л., находящееся вдали; 2) обозревать, озираться вокруг», **тыңна-** «внимательно слушать; прислушиваться; подслушивать» – с другой. Эти глаголы противопоставлены друг другу по семам нецеленаправленности / целенаправленности процесса и активности / пассивности субъекта. *Хараам сӱскенче дее ылгазам, харах чазымны кӧрбессӱң* (П, 98) – Хоть буду плакать до опухания глаз, но ты **не увидишь** моих слёз. *Пазох пессер одыңнар сухчам, От – нанчы, сыгырыбыс, истим* (В. Майнашев) – Опять я кладу полена в печку, Свистни, друг Огонь, я **послушаю**. *Ибӱре харахсынзабыс, пістің чирдең ооллар парох полтыр* (Чкч, 216) – Мы **поозирались** вокруг, оказалось, что из нашей родины там были и другие парни. *Азам тадар ибде нымахты, хайлап, ысчатханын тыңнирға хынчаңмыс* – Мы **любили подслушивать**, как [наш] дед рассказывал сказания горловым пением. В контекстах с глаголами **харахсын-** и **тыңна-** наблюдается целенаправленное действие: субъект прилагает усилия для совершения этих действий. Чтобы увидеть следы пролитых слёз, нужно достаточно долго вглядываться в лицо того, кто проливал обильные слёзы. Чтобы услышать искорки огня, надо сосредоточенно вслушиваться в звуки, исходящие из печи при горении дров. Увидеть знакомые лица в толпе народа можно только после целенаправленного поиска их взглядом.

Глаголы зрительного (**кӧр-** «смотреть, видеть», **харахсын-** «1) высматривать что-л., находящееся вдали; 2) обозревать, озираться вокруг») и слухового восприятий (**ис-** «слышать», **тыңна-** «внимательно слушать; прислушиваться; подслушивать») симметричны и образуют определённую субъектно-объектную корреляцию. В первом случае глаголы **кӧр-** «смотреть» и **ис-** «слышать» нейтральны в объектном отношении, значение вторых глаголов – **харахсын-** «1) высматривать что-л., находящееся вдали; 2) обозревать, озираться вокруг») и **тыңна-** «внимательно слушать; прислушиваться; подслушивать» – специализировано, в них содержится указание на целенаправленность действия: смотреть / слышать с целью увидеть / услышать что-л. *Малларымны харахсынын, пас чӧрчем* – Я хожу и **высматриваю свой скот** (т. е. хожу в поисках своего скота). *Радиодаң хакас сарыннарын тыңнапчам* – Я **слушаю хакаские песни** по радио. *Олганнар аның чоогын ситкіп тыңнапчалар* – Дети вни-

мательно слушают его рассказ. Как показывают примеры, субъект при этих глаголах активен и он совершает целенаправленные действия. Это обстоятельство вытекает также из факта выбора специализированных глаголов: **харахсын**- «высматривать *что-л.*», **тыцна**- «внимательно слушать; прислушиваться».

Благодаря нейтральности своей семантики первые глаголы (**кёр**- «смотреть» и **ис**- «слышать») характеризуются широкой употребительностью в речи и широким диапазоном сочетаемости, вторые (**харахсын**- «1) высматривать *что-л.*, находящееся вдали; 2) обозревать, озираться вокруг» и **тыцна**- «внимательно слушать; прислушиваться; подслушивать») требуют обязательного присутствия объектного указателя: высматривать / подслушивать + *что*.

Однако, с другой стороны, идею активности / пассивности субъекта восприятия С. А. Моисеева называет «парадоксом», поскольку субъект не может каузировать данный процесс, «субъект не является инициатором перцептивного события, он только воспринимает его, а на объект никоим образом процесс происходящего не влияет, на него не оказывается никакого воздействия. Глаголы восприятия выполняют в данном случае роль локализаторов, поскольку они лишены агентивности. Следовательно, в данном случае проявляется парадокс активность / пассивность» [Моисеева, 2005, с. 165]. Мы считаем, что субъект не может влиять на текущий процесс, однако он может проявить волю в отношении к нему. На примере двух категорий глаголов мы рассмотрели эти два действия с точки зрения их нецеленаправленности / целенаправленности, проявление которых зависит только от фиксации зрительных и слуховых возможностей субъекта.

ГЛАВА II.

ГЛАГОЛЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ

2.1. СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛАГОЛОВ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ

Глаголы зрительного восприятия отражают один из наиболее важных для человека видов перцептивной деятельности – восприятия окружающего мира органами зрения. «Перцептивный опыт в восприятии зрением складывается как опыт отражения «внешней» реальности, которая не только отражается, но и понимается, переживается, интерпретируется, и соответственно, опыт восприятия составляет часть когнитивного и эмоционально-оценочного опыта, что в языковом плане может фиксироваться в различных оценках, мнениях, знаниях, формируемых на основе воспринятого» [Колесов, 2009, с. 10]. Человек получает значительный объём информации из внешнего мира благодаря способности видеть.

Как известно, процесс восприятия окружающей действительности при помощи зрения многогранен и выражается в семантике разноуровневых лексем. Однако языковая объективация данного процесса чаще номинируется глагольными средствами. В хакасском языке, по нашим сведениям, помимо ядерного глагола – идентификатора **кӱр-** «смотреть; видеть» (с залоговыми производными: **кӱрӱн-** «виднеться», **кӱрӱл-** «рассматриваться», **кӱрӱс-** «видеться»), имеются и синонимичные глаголы, репрезентирующие различные компоненты ситуации зрительного восприятия и объединенные общим инвариантным признаком «воспринимать *что-л.* зрительно». Из них четыре глагола общетюркского происхождения: **хара-** «1) пристально смотреть; всматриваться; 2) обозревать *что-л.*»; **пахла-** «заглядывать, выглядывать через *что-л.* (напр., окно, дырку, забор и т. д.)»; **харахта-** «зырить». Другие глаголы, например, мы относим к ближней периферийной зоне ЛСГ хакасских глаголов зрительного восприятия: **харах таста-** «смотреть, бросать взгляд; букв. бросать глаз», **харахсын-** «1) высматривать *что-л.*, находящееся вдали; 2) обозревать, озираться вокруг»; **хылчацна-** «оглядываться по сторонам (чаще, назад)», **анды-** «1) смотреть пристально, в упор; всматриваться; уставиться глазами; *прост.* глазеть; 2) разглядывать, рассматривать» [ХРС,

2006, с. 66]. Глаголы дальней или промежуточной периферийной зоны выражают зрительный акт только в одном из своих контекстуальных значений: *Пурунгы сапхыны мындох тапханнар, «Туганнарни?» – тiп аңмайганнар* (Тч, 78) – Древнюю косу нашли здесь же. «Родственникам [принадлежит]?» – **ротозейничали** [т. е. **смотрели, не понимая**]. Глаголы ближней периферии зрительного восприятия ограничиваются обозначением зрительного акта во всех своих ЛСВ.

При описании семантики глаголов со значением зрительного восприятия важно учитывать такие смысловые признаки, как видимость объекта (беспрепятственное или ограниченное состояние освещённости пространства), дистанционное расположение объекта относительно субъекта (дальность, близость), широта охвата пространства, доступного зрению, местонахождение субъекта и т. д.

2.2. ГЛАГОЛ **кӧр-** «СМОТРЕТЬ; ВИДЕТЬ»

В хакасском языке, как и других тюркских языках, наиболее частотным и базовым глаголом со значением зрительного восприятия является глагол **кӧр-** «смотреть, видеть», который имеет, кроме основного, и переносные значения, покрывающие зрительные, ментальные и социальные аспекты жизнедеятельности человека. Он – есть базовый глагол ЛСГ глаголов с общим признаком восприятия окружающего мира органами зрения, а вокруг него располагаются, по нашим сведениям, семь глаголов, составляющие ближнюю периферию. Данный глагол в различных фонетических вариантах (**көр-** / **гөр-** / **qör-** / **күр-**) представлен во всех тюркских языках и его первоначальное значение «смотреть, видеть» получило семантическое развитие в вариантах: испытывать, ухаживать, считать, оценивать почти во всех тюркских языках. Однако в Древнетюркском словаре семантика данного глагола представлена несколько иначе: 1) видеть, смотреть [...]; 2) повиноваться, подчиняться [...]; 3) испытывать, иметь [...]; 4) слушать, воспринимать [...]; 5) загадывать [...]; 6) *в знач. служ. глаг.* [...] [ДТС, 1969, с. 317]. Этимология этого слова и его связь со словом *көз* «глаз» вызывает активный интерес лингвистов. А. А. Юлдашев пишет, что глагол **көр-** обнаруживает несомненную этимологическую связь с общетюркским словом **көз** «глаз», сопоставление с

которым делает возможным усмотреть в нем корень **кө** и формант **-р**, представленный также и в татарском **үкер-** «мычать», «выть» (ср. **үгез** «бык») и других образованиях. При таком предположении и соответствующий фонетический вариант **-з** в словах **көз** и **үгез** приходится рассматривать как формант [Юлдашев, 1961, с. 300]. По мнению Б. И. Татаринцева, «тюрк. глаг. **көр-** «смотреть» может быть интерпретирован так и как форма побуд. залога от указ. основы **кө-*, образованная с помощью форманта *-р-*. Эта форма конкурирующая по отношению к **көз*, которая и была затем вытеснена *көр-* из активного употребления» [ЭСТувЯ, 2004, с. 248].

В хакасском языке, как и в других тюркских языках, глагол **көр-** «смотреть, видеть», в силу своей частотности, является многозначным, помимо основного ЛСВ «смотреть, видеть», он выражает переносные неперцептивные значения: «1) видеть; обладать зрением; 2) смотреть, глядеть, воспринимать зрением *что-л.*; 3) присматривать, ухаживать за кем-л.; 4) испытывать, переносить, претерпевать, переживать *что-л.*; 5) сознавать, понимать *что-л.*; 6) находить, считать кем-л., чем-л., принимать за кого-л.; 7) в качестве вспомогательного глагола обозначает, что действие совершается для пробы; 8) вводное слово (выражает иронию); *көріңердек се аны* посмотрите-ка на него; 9) вводное слово (обозначает источник высказываемой мысли; *мин көргенде* на мой взгляд» [ХРС, 2006, с. 205–206]. По данным других тюркско-русских словарей, рассматриваемый глагол имеет идентичные с хакасскими ЛСВ глагола **көр-**, например, тувинский глагол **көөр-** / **көр-** [ТувРС, 1968, с. 183–184], якутский **көр-** [ЯРС, 1972, с. 180] и кыргызский **көр-** [КРС, 1985, с. 427–428] и др. Семантическое содержание алтайского варианта глагола **көр-** также имеет те же самые ЛСВ, но, в отличие от названных, он может выражать просьбу: «**угуп көр-** «пожалуйста, послушай»; **куучындажып көр-** «попробуй поговорить» [АРС, 2018, с. 381].

Размытость границ перцептивного акта порождается особенностями психологического восприятия субъектом окружающей действительности, о чём свидетельствует наличие различных номинаций зрительного процесса во всех языках, например, в русском языке «перцептивный компонент входит в значения очень многих глаголов (*любоваться, созерцать, наблюдать, искать, внимать, мелькать, промелькнуть, маячить, тор-*

чать, белеть, заглохнуть, заглушить, блестеть и т. д.), семантика которых предполагает Наблюдателя [Авдевина, 2012, с. 10].

Наиболее распространённым ЛСВ глагола **көр-** является «смотреть; видеть»: *Кізілердең чазырыза, харахтаң харахха көріс салчалар олар, уйадыбызып, пазох хыйа көрібісчелер* (Т, 14) – Они тайком от людей иногда **смотрят** друг другу в глаза, затем, застеснявшись, **смотрят** в сторону.

В целом, значение глагола **көр-**, помимо основного значения «смотреть, видеть», связано с различными сферами жизнедеятельности:

а) социальной. Здесь выделяются два ЛСВ: 1) присматривать за маленькими детьми. *Паланы көр – Присмотри* за ребенком; 2) ухаживать за пожилыми людьми, домашним скотом, хозяйством. *Ооллары кири ічелерін чахсы көрчелер* – Сыновья хорошо **ухаживают** за старой матерью; *Мин парыбыссам, малны, огородты көрерзер* – Когда я уеду, **ухаживайте** (букв. смотрите) за скотом и огородом. *Мин, ічем, амох килем, хойларымны көрерге парчам* (Хч, 182) – Я, мама, пойду **присмотрю** за овцами, сейчас же приду; 3) проверять состояние *какого-либо* объекта. *Наа чабан, тонанып, хазаалар көрібізерге сыххан* (Х, 4) – Новоиспечённый чабан, одевшись, вышел на улицу, чтобы **проверить** стайки. *Хараа мал көрерге чөргезің ме тіп сурганымда, худайга хойны хараазын хада-рар үчүн он ахча төлеп салгам тіпче* (Х, 13) – Когда я его спросил, ходил ли он ночью **проверить** скот, он ответил, что заплатил Богу 10 копеек за то, что он ночью сторожил овец;

б) эмоциональной. Глагол **көр-**, реализуясь в ЛСВ «испытывать, переносить, претерпевать, переживать *что-л.*», обычно управляет абстрактными именами, обозначающими какие-либо негативные переживания и состояния человека. *Че хайдаг даа хыйал көрзе, ол ибіркізіне чахсы ла идерге сагынчаң* (СкТ, 25) – Какие бы страдания она ни **испытывала** (букв. «ни видела»), она всегда старалась делать добро окружающим. *Ол чолда көп ирее көрген* (Чкч, 22) – Он много мучений **пережил** (букв. видел) в пути. *Мин чи ас па чобаг көргем* (Хч, 139) – А я мало что ли **видел** горя. Если же в объектной роли выступают имена с положительным содержанием, то глагол **көр-**, как правило, принимает аффикс отрицательной формы **-бе**: *Чылыг сугны ол азып, чахсы даа ниме көрбеен* (Чкч, 23) – Перейдя теплую воду, он **не видел** ничего хорошего. *Пу поэым полгали, хамның тузазын көрбедім* (Хл, 26) – Прожив на свете столько лет, я **не видел** пользу от шамана;

в) ментальной. Выступая в роли ментального глагола, **көр-** выражает логическое умозаключение субъекта о сущности конкретных ситуаций, явлений и т. д. и может управлять придаточным предложением. *Хайди син көрчезің, ол мында кирек пе?* – Как ты **считаешь**, он нужен здесь? *Постары көрзіннер, олох минің чоогымны олар испинчелер* – Пусть сами **решают**, всё равно они меня не слушают. *Мин тас чүректіг кизи нимеспін, сірернің илепчеткеніңер магаа аар сабыг, че полыс пирер алында арыг чүрекнең чоохтазып аларга сагынчам. Сірер чи хайди көрчезер?* (Хч, 175) – Моё сердце – не камень, ваши мученья для меня как сильный удар. Но, прежде чем помочь вам, я хочу поговорить откровенно. Как вы на это **смотрите**?

Помимо общетюркского глагола **көр-**, ментальное значение отмечается и у русского глагола *видеть* [Апресян, 2009, с. 297–306; Омельченко, 2004 и др.], актуализирующего данное значение «при помощи смысловой модели предложения, которая представляет собой энтимему, состоящую из «посылки» [...] и вывода [...]» [Омельченко, 2004, с. 224].

Как видим, во всех приведённых случаях глагол **көр-** имеет переносное значение. По свидетельству А. А. Юлдашева, эмоциональное и ментальное значения глагола **көр-** распространены во многих тюркских языках, что объясняется тем, что его «исходное значение охватывает весьма широкое понятие, связанное со множеством других, более частотных, но родственных с ним понятий» [Юлдашев, 1961, с. 303–304].

Кроме того, собранный нами материал в семантике данного глагола позволяет выделить следующие ЛСВ:

1) «быть зрителем на культурных, спортивных и др. мероприятиях»: *концерт (ойын, айтыс, кўрес, атчарызын и т. д.) көрерге* – смотреть концерт (спектакль, состязания тахпахчы, борьбу, скачки и т. д.). *Көргезер бе, чон чахсы, тадар көгенектіг хыстарның танецте айланчатханын* (Т, 15) – [Вы] **видели**, добрые люди, как девушки в хакасских платьях кружатся в танце;

2) «проводить медосмотр пациента». *Имчі чылдың сай аалдагы палаларның тістерін көрче* – Врач каждый год **проверяет** зубы сельских детей;

3) «встретиться с кем-л.». *Мин кичее Лизаны көргем* – Я вчера **встречала** Лизу. В подобных примерах обозначение объекта в вин. п.

обусловлено двумя факторами: а) инициатива встречи исходит от субъекта; б) особенностью повествования от имени говорящего;

4) «проверять что-л.». *Хыра көрерге чөр килдiм* (П, 5) – Я сходил, чтоб **посмотреть** за пашней (т. е. проверить, всё ли в порядке с пашнями). Во всех этих ЛСВ глагола **көр**- сохраняется сема перцептивности, хотя и перестаёт быть доминирующей;

5) в качестве вспомогательного глагола обозначает, что действие совершается для пробы («пробовать делать что-л.»). *Син адыңны пазох чiке тургыс көрдек* (Чкч, 195) – Ты **попробуй-ка** опять поставить на дыбы свою лошадь. *Пуўн фашисттер iкi танк полызиынаң сыын көргеннерөк* [Чкч, 199] – Сегодня фашисты с двумя танками тоже **пробовали** сунуться [к нам]. *Тогын көрзiн. Уезд ыстыр нооза* – нымзах сизiндiрче *Петр Иванович* – Пусть **поработает** (попробует поработать). [Его] уезд же направил к нам, **оказывается** – мягко замечает *Петр Иванович*.

При реализации глагола **көр**- в названных ЛСВ объект также предсказуем, специализирован, например, при реализации ЛСВ «испытывать, переносить, претерпевать, переживать что-л.» глагол **көр**- управляет объектом, выражающим отрицательные эмоции и состояния. *Андаг даа полза, ниме чахсызын көрчелер* (П, 6) – Если даже и так, что хорошего они **видят**. Нередко объектные описания показывают полярные качества состояний жизнедеятельности человека: *Мин өрiнiстi дее, чобагны даа, чахсыны даа, хомайны даа көргем* – Я **видел** и радость, и горе, и хорошее, и плохое. При помощи аффикса **-че** глагол **көр**- также может участвовать в сложной сравнительной конструкции, где первая часть представляет собой отрицательную оценку происходящей ситуации, а вторая часть – эталон решения вопроса: *Мындаг чуртасты көргенче, тайгада аңнар аразында чуртирчыкын* (П, 18) – Чем **видеть** такую жизнь, я бы лучше жила в тайге, среди зверей. *Ой, хыстар, хайди поларбыстар? Мин, андаг чуртас көргенче, өл парарбын* (П, 11) – Ой, девушки, что с нами будет? Чем **видеть** такую жизнь, я лучше умру.

Как видим, во всех перечисленных случаях глаголе **көр**- «смотреть; видеть» субъектом выступает одушевлённое лицо. Однако иногда данный глагол может реализоваться в переносном значении, при этом позицию субъекта может занимать наименование предмета: *Аның кискен киби прай намачылыг, иңнiн азыра артынчах артын салган, маймагы нинчегинче хати тагырагны көртiр* (Хч, 171) – Одежда, надетая на нём, [бы-

ла] вся в заплатках, за спиной [у него] была котомка, а [его] обувь, оказывается, **штопалась** много раз [букв. видела много починок].

Один из основных признаков семантики глагола **көр-** – это «направление взгляда», которая может быть конкретизирована дифференциальными признаками «вверх», «вниз», «назад», «в какую-либо сторону», «на все объекты». Данный признак чаще реализуется именем в вин. п., выражающим предмет или лицо. *Тагны көргелекке, идегің көдірбе, сугны көргелекке, маймаң суурба* (П, 22) – Пока **не увидел** гору, не поднимай [свой] подол, пока **не увидел** реку, не снимай [свою] обувь. *Андаг телефоннар полар: чоохтасчатхан кізіні телефонда көрерзің* (П, 54) – Будут такие телефоны: в телефоне будешь **видеть** человека, с которым разговариваешь. Однако в случаях, когда объект не конкретизируется, как правило, аффикс вин. п. выпадает: *Харол чи ниме көрче, ам чалчы тутчаң үлгү чоғыл* (П, 13) – А Харол куда **смотрит**, сейчас нет такого закона, чтоб держать батраков. *Сагам маңзыр даа ниме көрбинчем* (П, 35) – Пока **не вижу** повода торопиться.

Глагол **көр-** в роли деепричастия управляет именем с символическим содержанием, находящимся на пересечении ментального и материального восприятия ситуации, т. е. объектное слово с конкретным значением становится знаковым, репрезентирующим ядро концептуально-языкового понимания субъектом определённых ситуаций и явлений действительности. *Эх, Хароол..., Хароол, пай поларга сагынгазың, Кужаковтың пайын көріп, пазың айланыбысхан* (П, 33) – Эх, Хароол..., Хароол, [ты] хотел быть богатым, у тебя голова закружилась, **при виде** (букв. видя) богатства Кужакова. *Сині көріп, істім көйедір, Айдолай. Ир кізі андаг поларга кирек, пір нимее хомзынмас* (П, 6) – **При виде** (букв. видя) тебя, я завидую, Айдолай. Мужчина таким и должен быть, не надо ничему огорчаться. Главная часть таких сложноподчинённых предложений передаёт процесс, происходящий вследствие знаковых явлений и ситуаций. Однако зафиксированы также примеры, где глагол **көр-** в роли деепричастия управляют именем с предметным конкретным значением: *Хара хан тасхар, сині көріп, турчадыр* (Хл, 17) – Хара хан стоит на улице, **смотря** на тебя.

В качестве объекта смотрения нередко выступают описания ситуаций или явлений, оформленными в виде зависимых конструкций с главным словом с аффиксом вин. п. *Сойанны ат саларга кирек, паза минің*

Хызиркемзер чагын чөрбезін. Кичее хада ырласханнарын көргем (П, 23) – Надо пристрелить Союана, чтоб больше близко не подходил к моей Хызирке. Вчера [я] **видел**, как они пели вместе.

В контексте признак «направление взгляда» семантики глагола **көр-** нередко уточняется также существительным и местоимением в форме направительного падежа, например, **тағзар** «на гору», **минзер** «на меня», **чолзар** «на дорогу», **хыссар** «на девушку», **столзар** «на стол», **туразар** «на дом» и т. д. *Уғаа ачыныстығ сырай минзер сөрөн көрче* (Тч, 19) – Очень милое лицо холодно **смотрит** на меня. *Айып хараам, синзер көргем, ай-күннең чарых хынызым* (Тч, 14) – Ослепляя [мои] глаза, **смотрела** на тебя, [моя] любовь, которая светлее луны и солнца. В отличие от объектного выражения в вин. п., данный способ выражения направления взгляда шире, поскольку помимо основной цели взглядом охватываются и ее окружающие и близлежащие с объектом предметы и явления.

Признак «направление взгляда» семантики глагола **көр-** наиболее ярко проявляется в сочетании с наречиями типа **хыйа** «в сторону», **көні** «прямо», **өөр** «вверх», **алтынзар** «вниз», **ибіре** «вокруг», **тігзер** «туда» и т. д. *Хадарчы, хыйа көрібіскенде, ұстұнзер атыгыбысхам* (Чкч, 165) – Когда сторож **посмотрел в сторону**, [я] прыгнул на него.

Реализация признака «направление взгляда» требует обязательного объектного присутствия, что составляет основу описательного характера предложения. При этом признак «направление взгляда» неотделим с идеей внимания субъекта, позицию которого занимает имя антропоцентрической направленности. Сема «внимание» может эксплицироваться сочетанием глагола с деепричастием **ситкіп** «внимательно». *Tiği iki аңчыны ситкіп көр, чагдап одырзаларох, тизерзің – Внимательно смотри* на тех двух охотников, если они начнут приближаться, убегай. Таким образом, «интерпретация экспериента (в данном случае – субъекта – М. Ч.) соотносится не только с его восприятием окружающего мира, но и с психологическим и физиологическим аспектами его деятельности. Тем самым экспериент (субъект – М. Ч.), обладающий способностью воспринимать, противопоставляется объекту, который наделён силой воздействия на него [Чертыкова, 2017, с. 176].

В ЛСВ «иметь зрение (способность видеть)» глагол **көр-** легко сочетается с наречиями качества типа **чахсы** «хорошо», **хомай** «плохо», **чадап ла** «еле-еле, кое-как». *Конаң харындас пу чазына ам даа чохсы*

кӱрче – Брат Конан в своём пожилом возрасте ещё **хорошо видит**. Полное отсутствие зрения обозначается глаголом **кӱр-** в отрицательной форме: **кӱрбинче** «не видит» или же сочетанием **харах чох** «слепой; букв. без глаз».

Таким образом, многозначный глагол **кӱр-** обладает широкой сочетаемостью. В русском языке данному глаголу соответствует *видеть*, который допускает сдвинутые, образные и переносные употребления, нехарактерные для других синонимов.

Остальные глаголы зрительного восприятия отличаются от глагола **кӱр-** узостью семантики, выраженными в таких основных признаках, как целенаправленность действия и расстояние обзора от субъекта до объекта (вдаль / вблизи).

2.3. ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ГЛАГОЛЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ

Как известно, в любом парадигматическом образовании лексической системы имеются ядро и периферия. В ядро ЛСГ глаголов со значением восприятия в хакасском языке входят глаголы с категориальным значением зрительного восприятия: **кӱр-** «смотреть; видеть»; **ис-** «слышать»; **чыста-** «нюхать; обонять»; **тутхла-** «трогать; ощупывать»; **чӱп кӱр-** «попробовать (о вкусовом восприятии)». Данные глаголы, по сути, являются базовыми глаголами ЛСГ глаголов, репрезентирующих пять видов восприятия окружающего мира: зрение, слух, обоняние, осязание и вкус. На периферии данных семантических групп находятся глаголы с дифференциальным значением, актуализирующие те или иные дополнительные стороны перцепции. Более конкретное определение термина «периферия» даётся в статье Л. М. Малкиной: «Периферия – это постепенные переходы от одних уровней организации поля к другим, частичные пересечения, общие сегменты, она может быть ближней, дальней и крайней. Дальнюю и крайнюю периферию составляют единицы, способные входить и в другие семантические поля. В периферийных зонах наблюдается неполный набор из признаков и возможное их ослабление в наиболее удаленных от ядра участках поля» [Малкина, 1998, с. 153].

Анализ периферийных и контекстуально обусловленных хакасских глаголов со значением зрительного восприятия в сравнении с соответствующими лексическими параллелями в других тюркских языках позволяет выявлять их семантико-когнитивную специфику. Для сравнительного анализа мы привлекаем лексические данные двуязычных тюркских словарей. Хотя зрительное восприятие является одним из ведущих аспектов общего восприятия действительности субъектом, данное восприятие не всегда бывает объективным. Чаще субъект видит то, на чём акцентирует своё внимание или же то, что неизбежно попадает в поле его зрения.

Наиболее частотным и содержательным в хакасском языке, как и в других тюркских языках, является глагол **көр-** «смотреть; видеть». Остальные глаголы освещают те или иные стороны зрительного акта, т. е. различные способы взаимодействия субъекта (или наблюдателя) и объекта. В Словаре синонимов хакасского языка приводятся следующие синонимичные глаголы зрительного восприятия: **көрерге I** «смотреть». *Нога андаг пир дее көдл чохсың? Көрерге дее изі чох; Ол пістің машиналарга чапсаан. Иб істің көріп, ұгаа тың чапсыпчам: потолок архы даа чох тудылча* (В. Майнашев, Ио); **харирға** «пристально смотреть, всматриваться, обозревать». *Сині харап орайда, чалгыс чүреем чобалча* (Хч, 97, 6, 8); *Маллар харап, пас чөрчем; харахсынарға* «смотреть, посматривать, обозревать, присматривать, озираться, наблюдать». *Сиден пазына сығып алып, аалзар харахсынчам; андирға* «1) смотреть пристально, в упор, всматриваться; 2) глазеть». *Паарсап таа паарсабинча, аңдаплага; анзирға* «с жадностью смотреть» *Аннаны аңзап, көөм-саам прай түс парған; пағырарға* «пристально смотреть». *Нимее іди пағырчазың? пахлирға* «подсматривать, заглядывать»; *Соох кўннерде оолагас тасхар сых полбинча, көзенек ле өтіре пахлапча; сыртыйарға* «установиться»; *Аалчыларзар іди тың сыртайба; тазырайарға / тозырайарға* «смотреть, выпучив глаза». *Тапсабин даа, минзер тозырайлача* [ССХЯ, 2014, с. 56–57]. Отмеченные в данной словарной статье глаголы **анзирға** «с жадностью смотреть» и **пағырарға** «пристально смотреть», по нашим наблюдениям, малоупотребительны в хакасском языке и мы не располагаем достаточным иллюстрирующим материалом для анализа их семантических особенностей.

2.3.1. Межтюркские лексические соответствия хакасских глаголов зрительного восприятия

Глагол **хара-** в соответствующих фонетических вариантах функционирует во всех тюркских языках. Как свидетельствует Б. М. Юнусалиев, он заимствован с монгольского языка [Юнусалиев, 1959, с. 210]. В монгольском языке глагол **харах I** «(1) видеть; смотреть, глядеть; {...}» [БАМРС, 2001, с. 905–906] имеет обширную семантику и, соответственно, является наиболее употребительным. Однако в вопросе о производности глагола **хара-** (тув. вариант: **кара-**) от общетюркского существительного **харах** «глаз» (тув. вариант: **карак**) среди алтаистов нет единого мнения [ЭСТувЯ, 2000, с. 98–100]. Между тем Б. И. Татаринцев отмечает, что «монгольское слово типа п.-монг.: **qara-** «смотреть, глядеть, рассматривать, высматривать (с высокого места)», монг.: **хар-**, бур.: **хара-** «смотреть, глядеть, осматривать, обозревать», калм.: **хар-** «осматривать, наблюдать» и под. (Рассадин. Фонетика, 1980, с. 186; ЯМВМ, 230) было исконно тюркским. В то же время оно могло быть вторичным монгольским заимствованием в части тюркских языков и, скорее всего, является таковым, в частности, в тувинском и тофаларском языках: ср. тув.: **хара-** «смотреть сверху через *что-л.*; обозревать местность»; тоф.: **һара-** «прицеливаться, наблюдать; смотреть *откуда-л.* сверху» [ЭСТувЯ, 2004, с. 100]. Соглашаясь с мнением выдающегося тюрколога-тувиноведа Б. И. Татаринцева, отметим, что в пользу того, что **хара-** / **кара-** является тюркским глаголом по происхождению говорит его широкое распространение в тюркских языках. При этом в кыпчакских и огузских языках семантика данного глагола, помимо перцептивного обозначения, указывает и на другие сферы человеческой деятельности, например, в азербайджанском, каракалпакском языках данный глагол обладает ЛСВ «подчиняться». Тем самым на примере глагола **хара-** / **кара-** / **кара-** можно проследить, как процесс актуализации тех или иных его компонентов приводит к расширению его семантики и развитию многозначности, например, экспликация целенаправленности перцептивного акта в семантике тувинского глагола **хараалдаар-** и тофаларского глагола **һара-** [**һараар**] привела к развитию значения «прицеливаться», производные же от них существительные – тув.: **хараал** «прицел; мушка» и тоф.: **һараал** [**һараалы**] «(1) прицел (у ружья); 2) часовой сторож» [СТРиРТ, 2005, с. 54] – также

имеют несколько отвлечённое от перцепции значение. Для тувинского глагола **хара-** и тофаларского **һара-** характерен дифференциальный признак «[смотреть] *откуда-л. сверху*», чего не наблюдается в других тюркских языках.

Объективация смысловой ситуации «смотреть на дорогу в ожидании *кого-что-л.*», возможно, детерминирует формирование ЛСВ «ожидать; ждать», например, в семантике казахского **қарайлау**, карачаево-балкарского **къараргъа** и др. Или же частотность сочетания рассматриваемого глагола с объектными именами типа *мал* «скот», *пала* «дитя», (например, хак.: *мал харирга* «высматривать скот»), репрезентирует смысловое содержание «ходить и обозревать местность в поисках местонахождения скота (быка, коровы, овцы и др.) или ребёнка. Такая особенность валентностных маркировок сопровождается изменением смысловых компонентов на семантическом фоне глагола. Тем самым актуализация данного сигнификативного слоя стимулирует развитие значения «ухаживать, заботиться, присматривать (за скотом, ребёнком, больным)» в кыпчакских и огузских языках, например, башк.: *мал қарау* «ухаживать за скотом»; кирг.: *малга каралап, жайлоого көчтүм* заботясь о скоте, я откочевал в летовку; *жумушка каралап, жакада калдым* в заботах о работе (полевой) я остался на равнине (не выехал на джайлау); *мага каралап, ал кетпей калды* «ради меня (заботясь обо мне, ожидая меня), он остался»; *менин каралай турган кишим* человек, который заботится обо мне» [КРС, 2015, с. 387] и др. В казахском языке семантика глагола **қарайлау** содержит ЛСВ «заботиться», «оказывать помощь». Подобная семантическая тенденция наблюдается и в монгольском языке, о чём свидетельствует словарное толкование глагола **харах-**: «*мал харах* смотреть за скотом, пасти скот; *өнгө царай харах*: а) наблюдать; б) быть лицеприятным, лицеприятствовать; *хүүхэд харах* смотреть за ребёнком; *хүүхдүүдийг харж хандах* наблюдать, присматривать за детьми» [БАМРС, 2001, с. 206].

В татарском, башкирском и др. языках глагол **кара-**, в силу частотности употребления, принимает на себя модальное значение «попробовать», которое в хакасском и в других тюркских языках выполняет глагол **кёр-** «смотреть; видеть»: «тат.: *эйтеп кара* «попробуй попытаться сказать», *эшлеңкарагыз* «попробуйте попытаться сделать»; башк.: *казып*

каранык «мы попытались, пробовали копать», *язын карайык* «попробуем попытаться писать» и т. п.

В некоторых тюркских языках семантическая структура глагола **ха-ра-** / **кара-** обширнее также общетюркского глагола **көр-** / **qör-** / **күр-** «смотреть; видеть», о чём свидетельствуют словарные дефиниции этих глаголов в татарском языке: **карарга** 1) *в разн. знач.* смотреть, посмотреть, глядеть, поглядеть, взглянуть; 2) осматривать, осмотреть, обозревать, обозреть, взирать; 3) рассматривать, рассмотреть, разбирать, разобирать; 4) судить, обсуждать, обсудить; 5) нянчить (ребёнка); ухаживать (за больным); смотреть, присматривать; 6) воспитывать, воспитать; содержать (например, детей); 7) выходить; *тәрәзә урамга карый* окно выходит на улицу; 8) относиться, отнестись, касаться: *бу эш сиңа карамый* это дело к тебе не относится; 9) принадлежать, относиться, быть в ведении: *бу җир совхозга карый* эта земля принадлежит совхозу; *карап торучы* наблюдатель; *карап үстерергә* 1) воспитать, пестовать; 2) выращивать ◇ *карап күзгә* на вид [ТатРС, 1988, с. 139 140].

Күрергә 1) *в разн. знач.* видеть, увидеть, увидать, повидать; 2) замечать, заметить, подмечать, подметить; 3) чувствовать, понять; 4) думать, считать; 5) относиться, отнестись (к кому); 6) **күр-** вводн. сл. пожалуйста; *бара күр* иди (поезжай), пожалуйста ◇ *күр дә тор* несомненно, вот увидишь; *күрер күзгә* на глаз, по внешнему виду; *күрә торып* заведомо, зная [ТатРС, 1988, с. 199]. Как видим, Татарско-русский словарь [1988] у глагола **карарга** показывает 9, а у глагола **күрергә** – 6 ЛСВ. И. Д. Гарипова в диссертационном исследовании анализирует деривационный материал татарских глаголов **карау-** и **күрү-** в сравнении с русскими глаголами **видеть** и **смотреть** и отмечает, что глаголы **карау-** и **күрү-** в татарском языке содержат в себе общую, интегральную для всех единиц данной группы сему «воспринимать зрением *кого-что-л.*». «Будучи гиперонимами, они занимают в сознании носителей языка ведущее место, отличаются высокой употребительностью и нейтральной стилистической окраской» [Гарипова, 2013, с. 9].

В карачаево-балкарском языке глагол **къараргъа-** также имеет обширную семантическую структуру, включающую 16 ЛСВ: 1) смотреть, глядеть; {...}; 2) ухаживать, следить, присматривать за кем; {...}; 3) обеспечивать *кого чем*; {...}; 4) обращаться, считаться с кем, относиться к кому; {...}; 5) рассматривать *что*, обсуждать *кого-что*; {...};

6) искать *кого-что*; {...}; 7) слушать *кого-что*; 8) слушаться *кого-чего*, обращать внимание на *кого-что*; {...}; 9) наблюдать за *кем-чем*, сторожить *кого-что*; {...}; 10) выглядывать, показываться, высовываться *откуда-л.*, торчать; 11) смотреться; {...}; 12) ждать *кого*; {...}; 13) быть обращённым, выходить *куда-л.*; {...}; 14) управляться, справляться с *чем*; {...}; 15) проверять *кого-что*; {...}; 16) принадлежать *кому*, относиться, иметь отношение к *кому-чему*; {...} [КБРС, 1989, с. 392]. Широта и объёмность содержания анализируемого глагола в приведённых примерах показывает, что находящиеся между собой в отношениях производности лексико-семантические процессы, фиксируемые когнитивными представлениями, приводят к переориентации и фокусированию определённых элементов в семантике. С другой стороны, многообразные контекстные ситуации, передаваемые рассматриваемым глаголом, его широкая сочетаемость и богатство потенциала грамматических связей, в которые он может вступать, является доказательством его доминирующего характера.

Иная картина вырисовывается в сибирских тюркских языках, где семантика анализируемого глагола имеет обобщённый характер и редко выходит за пределы зрительного восприятия, также выделенные ЛСВ в его семантической структуре зависимы от контекстного употребления, например, алт.: **кара-** 1) смотреть, глядеть, заглядывать; *Јус кушкаш кёл карайт* (Заг.) Сто птичек заглядывают в озеро; 2) высматривать; *Кемди карап турун?* Кого высматриваешь?; 3) выглядывать; *Не карап турун?* Что ты выглядываешь? [АРС, 2018, с. 283]; телеут.: **кара-** «смотреть, глядеть, наблюдать» [ТелРС, 1995, с. 36] и др. Как видим, аккумуляция перцептивных смыслов в словарных дефинициях глагола концентрирована, что наглядно представляется в его сочетательных возможностях.

Семантическая структура глагола хакасского глагола **хара-** в ХРС 2006 года представлена таким образом: «1) пристально смотреть, всматриваться; *тигір харирга* всматриваться в небо; 2) обозревать *что-л.*; *ыраххы чазыны харирга* обозревать далёкую степь; 3) обращать внимание, (издали) наблюдать; присматривать, смотреть за *кем-л.*; *пала харап одырага* присматривать за детьми; *мал харап чөрерге* смотреть за скотом; ◇ *чир харирга* опустить (понузить голову)» [ХРС, 2006, с. 813]. Семантика данного глагола и его словарное указание содержат следующие

дифференциальные признаки, что и можно проследить в отдельных ситуативных контекстах:

а) [смотреть] внимательно, сосредоточенно. *Позы, пайагы тигірдең не түскен хұдайға чілі, Чорахазар харапча* (Т, 23) – Сам **смотрит** на Чораха (авт.: кличка собаки), как на бога, который спустился с небес;

б) [смотреть] в разные стороны. *Ол сүрееліг хынадыр чазыларны харирға* (Хл, 88) – Он очень любит **обозревать** степь.

в) [смотреть] в ожидании *кого-что-л.* *Сині харап орайда, чалгыс чүреем чобалча* (Хч, 97, 6, 8) – **Высматривая** тебя в сумерках, [моё] одинокое сердце страдает. *Улуг тойдагылар, хыс ағыларын сағып, харахтары суура харап парирлар* (Т, 8) – Гости большой свадьбы, ожидая, когда привезут невесту, **смотрят** [букв. так, что скоро их глаза отвалятся]. *Симок ырах нимес тōнде пастыхтар машиназы килібізерін харап турчатхан* (Х, 6) – Симок недалеко на бугорке и **смотрел** в ожидании того, что придёт машина начальников;

г) [смотреть] вдаль. *Көк чазының күреезі ырах, көстерің читсе, хараңар* (Т, 7) – Края зелёной степи далеки, если у вас зрение хорошее [букв. если хватит глаз], **смотрите**;

д) [смотреть] в поисках *кого-чего-л.* *Хызыл чазының хыри чох, хараңар, чідігні табыңар* (Т, 7) – Красная степь бескрайняя, **смотрите**, найдите потерю.

Употребление глагола **хара-** в инфинитивной форме эксплицирует целенаправленность зрительного действия: *Ол аңдар ахтарны харирға сых парған* (Хл, 96) – Он залез туда, чтоб **смотреть**, не появятся ли беляе.

Однако мы не утверждаем однозначно ограниченность семного состава глагола **хара-** в сибирских тюркских языках на фоне его очевидной многозначности в других тюркских языках, поскольку есть вероятность того, что словарные толкования и дефиниции могут быть представлены в разной степени, в том числе в некоторых словарях информация даётся в сжатом объёме. Детальное описание семантической структуры глагола в таких условиях представляется непростой задачей, например, словарное толкование тувинского глагола **хараар /хара*/** даёт два ЛСВ: «1) смотреть сверху через *что-л.*; 2) обозревать местность». Однако приведённые примеры в той же словарной статье показывают уменьшение перцептивной доли в его семантике при наличии когнитивных сем, указывающих на переход фазы восприятия на ментальные и поведенческие сферы ан-

тропоцентризма. «... *ажык хараар, кончаа хараар* думать о материальной выгоде; *оюн хараар* заигрывать; *хуузун хараар* преследовать личные цели; *беленин хараар, чиигин хараар* идти по линии наименьшего сопротивления» [ТувРС, 2008, с. 319].

Близким по семантическому содержанию к глаголу **хара-** является глагол **харахсын-** «1) смотреть, просматривать (вдаль), обозревать *что-л. (вокруг)* {...}; 2) присматривать за кем-л., чем-л. (время от времени); *паланы харахсынын одырагга* присматривать за ребёнком (на улице); 3) озиаться по сторонам; *мал харахсынарга* а) ходить в поисках скота; б) наблюдать, время от времени смотреть за скотом (его местонахождение); *харахсынын ала парарга* идти, озираясь по сторонам; 4) *перен.* ждать, надеяться, желать получить гостинец (*напр.*, от гостя, родственников и т. д.); *палалар харахсынадырлар* дети обычно ждут подарка (*напр.* от гостя и т. д.)» [ХРС, 2006, с. 811]. Глагол **харахсын-** образован путём присоединения к основе *харах* «глаз» глаголообразующего аффикса **-сын-**, дающего значение «чувствовать то, что обозначено исходной основой». И, насколько нам известно, данный глагол действует только в хакасском языке. Целенаправленность зрительного восприятия обеспечивается сочетанием глагола **харахсын-** с объектом в форме направительного падежа: *Körindesser körin, чарын килген омазынзар ачыргастыг харахсынча* (Т, 129) – [Он] с грустью **смотрит** на [своё] **отражение** в зеркале. *Silig хыс, син минзер харахсынма, мини хыгырып, харах сыгынма* (Р, 84) – Красавица, ты на меня **не смотри**, зовя меня, не подмигивай мне. Как видим, в подобных ситуациях рассматриваемый глагол реализует значение «смотреть», поэтому он без ущерба для семантики может взаимозаменяться с базовым глаголом **көр-** «смотреть; видеть». Также следует отметить, что глагол **көр-** «смотреть; видеть» с аффиксом многократного действия **-гле-** реализует значение «смотреть в разные стороны» и может синонимизироваться с глаголом **харахсын-**: *Körglebeңer мини пу чарыхта. Мин анда, хайда чоғыл түстер* (Т, 23) – **Не высматривайте** меня на этом пути. Я там, где нет снов.

Если же глагол **харахсын-** управляет прямым объектом в винительном падеже, то его семантическая сущность может характеризовать следующие ситуативные структуры:

а) обозревать местность в целях поиска *кого-что-л.* (данный ЛСВ условно обозначим как: **харахсын-:1**): *Уучазы, тәңзер сыгып алып, пар-*

халарын харахсынадыр – [Их] бабушка обычно с горки **высматривает** своих внуков. *Аңчылар, хараа тооза узубин, кииктерні харахсынганнар* – Охотники, не спали всю ночь и **высматривали** оленей. В качестве прямого объекта при глаголе **харахсын-** могут выступать и наименования неживых предметов: *тура* «дом», *самолёт* «самолёт», *агастар* «деревья», *мискелер* «грибы» и т. д. Смысловая специфика **харахсын-:1** заключается в том, что при акцентировании охвата взором окружающую местность, не уточняется результат поиска [взглядом] определённого объекта. Объектом наблюдения при данном глаголе предполагается значительная территория, доступная взору субъекта;

б) смотреть в одном направлении в ожидании *кого-что-л.* (**харахсын-:2**): *Аалдагылар иртен сай автобус харахсынчалар* – Сельчане каждое утро **смотрят** [на дорогу] в ожидании автобуса. *Тойга чыылысханнар иртеннең сыгара хысты харахсынганнар* – Гости свадьбы с самого утра **ждали** невесту [когда её привезут]. Если для **харахсын-:1** субъект лицезреет в разных направлениях, то при **харахсын-:2**, он, как правило, знает, откуда должен появиться объект ожидания, поэтому его взор направлен только в эту сторону. В обоих случаях предполагается только одно направление взгляда – вдаль.

Глагол **харахсын-:1** легко сочетается с наречиями с собирательным значением типа *андар-мындар* «туда-сюда», *аар-пеер* «туда-сюда», *ибіре-сібіре* «вокруг» и т. д. *Малын читпес санабызып, тың ұрұк парып, аар-пеер харахсынган* (Ат, 1991, 59) – Не досчитав свой скот, [он], сильно напугавшись, **оглядывался** по сторонам. Для глагола **харахсын-:2** характерны сочетания с наречиями образа действия, времени, места. *Олганнар хыр ұстүнде кұн тооза аалчыларны харахсындылар* – Дети целый день на крыше **ждали** гостей (т. е. высматривали дорогу, в надежде увидеть появления гостей);

в) наблюдать (присматривать) за *кем-чем-л.* в ожидании подарка (гостинцев) (**харахсын-:3**): *Кішіг палалыг туразар хуруг холлыг парарга чарабас, палалар харахсынчалар ноза* – В дом, где есть маленькие дети, нельзя идти с пустыми руками, ведь дети ждут гостинцев. **Харахсын-:3** отличается от **харахсын-:1** и **харахсын-:2** тем, что в своём содержании имплицитно подразумевает местонахождение субъекта (в своём доме) и близость расстояния между гостем и субъектом. В позиции субъекта всегда выступают маленькие дети примерно до 10 лет. Чаше семантика объекта в форме

направительного падежа в конструкциях глагола **харахсын-:3** конкретизируется именами типа *аалчы* «гость», *сумка* «сумка» и т. д.

В хакасском языке субъект зрительного восприятия при глаголах глаголы **хара-** и **харахсын-** часто находится на некотором возвышении (на холме, горе, на вершине дерева, на крыльце или др.). Ситуация обозрения местности и наблюдения предполагает обширное пространство, охватываемое зрением.

Следующий хакасский глагол, образованный от лексемы *харах* «глаз» путём присоединения глаголообразующего аффикса **-та-**: **харахта-**. И, по нашим наблюдениям, данный глагол действует только в сибирских тюркских языках. Однако словарная статья хакасского **харахта-** не указывает на перцептивный признак в его семантике, представив лишь его омонимичную словоформу: **харахтирға /харахта-/ 1)** вышивать узор по краям *чего-л.*; *погозын хызыл нинчинең харахтап салган* [своё] пого (свадебное нагрудное украшение) [она] расшила вокруг красным бисером; 2) вставлять глазок во *что-л.* (в кольцо, серьги и т. д.); *харахтап саларға* вставить глазок; *сурнаң харахтаан ызыргалар* серёжки с кораллами [ХРС, 2006, с. 811]. Наш материал в семантике этого глагола позволяет выделить ЛСВ «смотреть в одном направлении, зорко, пристально»: *Кўн тооза телевизор ла харахтап одыр* – Целыми днями сидит и **смотрит** телевизор. *Таң чараанча агаа угаа хоргыстыг полган, че Ах Тёс аргызы ээзінің хорыхханын пілген чіли, аннаң ырабин, андар ла харахтаан* (Хл, 91) – Пока не наступил рассвет, ему было очень страшно, но [его] друг Ах Тёс, как будто чувствовал страх [своего] хозяина, не отходя от него, **смотрел** только на него. *Оралдай іди чоохтапчадып, міні исче бе тіп, минзер харахтап салча* – Оралдай, продолжая свой рассказ, иногда **смотрел** на меня внимательно, чтоб убедиться, слушаю ли я. Признаки внимательности и целенаправленности зрительного восприятия в семантике глагола **харахта-** эксплицируются в его сочетании с объектным именем в форме направительного падежа.

Лексические соответствия данного глагола в шорском, якутском, тувинском, тофаларском языках также демонстрируют связь с внимательным и целенаправленным восприятием объекта. Более того в тувинском и тофаларском языках, видимо, произошёл семантический сдвиг в плане когнитивного соотношения зрительного и ментального процессов. Данное соотношение логически можно интерпретировать таким образом:

смотреть – наблюдать – выделять какие-то свойства объекта – делать выводы: **карактаар** /**каракта***/ 1) следить, присматривать за кем-л.; оберегать кого-л.; *бичии уругларны карактаар* присматривать за маленькими детьми; 2) *перен.* оказывать помощь, помогать друг другу [ТувРС, 2008, с. 163]; тоф. **каракта-** [**карактаар**] наблюдать, держать в поле зрения [СТРиРТ, 2005, с. 43]. В шорском языке значение «наблюдать; следить» может передаваться наслоением деепричастной и основной форм двух перцептивных глаголов: **карактап көр-**, где глагол **каракта-** выполняет характеризующую функцию.

В якутском языке обозначение данным глаголом зрительного восприятия является вторичным: **харахтаа-** *разг.* 1) возвращать зрение; 2) видеть; *хаһан да харахтаабатах киһим* этого человека я никогда не видел [ЯРС, 1972, с. 483].

На фоне передачи сибирскими тюркскими языками целенаправленного и внимательного зрительного восприятия глаголом **харахта-**, телеутский язык в этой же ситуации предпочитает глагол, образованный от синонима лексики *харах* «глаз» – *көс*, который в хакасском языке считается устарелым и встречается обычно в произведениях устного народного творчества: телеут.: **көстө-** «всматриваться» [ТелРС, 1995, с. 46]. Хакасский аналогичный глагол **көсте-** обладает более узким, специализированным семантическим объёмом, актуализирующим сему «внимательно», «прицеливаться».

Следующим глаголом, раскрывающим очередную семантическую особенность зрительного восприятия, сопровождающуюся дополнительными синтагматическими конкретизаторами является: **пахлирҕа** [**пахла-**] 1) подсматривать; *ізіктең пахлирҕа* подсматривать в дверь; 2) заглядывать куда-л.; выглядывать из-за чего-л.; *көзөнек пахлапча* [он] заглядывает (выглядывает в окно); *тура озаринаң пахлирҕа* выглядывать из-за дома; 3) высовываться из-за чего-л.; *тизіктең пахлирҕа* высовываться (выглядывать) из дыры; 4) *перен. употр. в отриц. форме* не подходить, не быть впору; *пöрік маҕаа пахлабиндаача* шапка на меня совсем не лезет; *пу маймах минің азам пахлабас таа* эта обувь мне совсем не подойдёт (мала) [ХРС, 2006, с. 354]. Как видим, в описании словарного содержания глагола **пахла-** ключевым звеном является использование предлогов «из-за», «через», что означает включение в семантику данного глагола дифференциального признака «нахождение субъекта рядом с каким-л. объек-

том, являющимся преградой для свободного зрительного восприятия». В контексте глагол **пахла-** обязательно указывает на позицию преграды между субъектом и объектом восприятия. *Көрібіссе, хананың чіктерінең ирке харагастар пахланчалар* (Чкч, 118) – Он увидел, что из щелей забора **выглядывают** детские глазки. *Мишка, көзенексер пахлабызып, анаң табырағынча айлан киліп, чарым табыснаң тапсаан: Хасхылар! ... Килибістілер!* (Хч, 32) – Мишка, **взглянув** в окно, резко повернулся и тихо сказал: «Бандиты!... Пришли!». *Иледе көдіріл килген кұн чиллерге сүрдірчеткен тизік сарыг пулуттар аразынаң пахланчатхан* (Х, 11) – Солнце в зените **выглядывало** через жёлтые дырявые облака. *Ипчим ағырыг, мооныбысхан ползам, палаларым нимее чарирчыхтар, өкіс халып, пасха кізі ізіктерін пахлап чөрерлер* (Х, 9) – [Моя] жена больна, если бы я повесился, что стало бы с [моими] детьми. Оставшись сиротами, они **ходили бы и заглядывали** в дверь чужих людей.

Аналогичное с хакасским значение имеет тувинский глагол **бакыла-ар-, бакылап көөр-** «выглянуть (посмотреть *откуда-либо*); выглянуть из окна *соңгадан бакылап көөр*» [ТувРС, 1980, с. 96] и якутский глагол **быгылаа-** *многокр. от бык-*; **быгылаан көр-** «выглядывать»; **быгыахтаа-** *разд. -кратн. от бык-* «высовываться, выглядывать (*поминутно или то тут, то там*)» [ЯРС, 1972, с. 91]. Как видим, в этих примерах глаголы предстают как синкретичное образование с характерной смысловой спецификой. С. А. Моисеева пишет: «Синкретизм лексем и вторичную сигнификацию порождает обработка сигнала от внешнего мира, которая проходит с одновременным участием нескольких каналов, ведущих к различным рецепторам в мозгу, следствием чего является переход от одного сенсорного модуса к другому или их совмещение» [Моисеева, 2008, с. 41]. При сочетании двух перцептивных глаголов один из них выполняет характеризующую функцию, а второй принимает на себя основную смысловую нагрузку. Также киргизский **бак-** и казахский **бакылау-** в качестве деепричастия могут сочетаться с синонимичным глаголом зрительного восприятия **кара-** / **карау-:** *багып карайт* «смотреть, высунувшись», *бақылап қарау* «присмотреть», например, кирг.: *Эшиктен баш багып карады* – [Он] посмотрел, высунув голову из-за двери. Подобное явление синкретизма – соединения дифференциальных и структурных признаков – наблюдается и в хакасском языке, например, *хылчаңнап көр-* «смотреть, оглядываясь». *Кодур – оол, Биче – хыс чуртапчатхан хара*

киис ибзер хылчаңнан, көр паризан (Хл, 62) – Кодур – оол **оглянулся** [букв. смотрел, оглядываясь] на чёрную юрту, в которой жила Биче – хыс.

Общее значение «выглядывать *откуда-л.*» хакасского **пахла-**, тувинского **бакылаар-**, якутского **быгыхтаа-** предполагает направление зрительного процесса «изнутри», т. е. субъект находится внутри какого-либо закрытого пространства, а его взгляд направлен за пределы данного места. Также эти глаголы называют зрительное восприятие, направленное внутрь объекта. Эти две противоположности зрительного процесса можно показать на примере: *көзөнектең пахлирга* «выглядывать в окно [находясь внутри дома]» и *көзөнексер пахлирга* «заглядывать в окно [внутри дома, находясь на улице]». В первом случае существительное *көзөнек* «окно» в форме исходного падежа, во втором – в форме направительного падежа. Падежные аффиксы в некоторых случаях могут выпадать, а значение зрительного восприятия «изнутри» или «внутри» объекта проясняет контекст.

Семантика тофаларского варианта этого глагола несколько отличается от рассмотренных: **«баъкъ- [баъһар]** 1) смотреть *откуда-л.* сверху; 2) любоваться» [СТРиРТ, 2005, с. 20].

В турецком языке глагол **bakmak-**, являясь одним из базовых глаголов зрительного восприятия, обслуживает различные стороны перцептивного пространства и связанного с ним других сфер деятельности человека. При этом его семантическая структура отражает связь восприятия, как зрительного акта, с ментальными и социальными действиями субъекта. Глагол **bakmak** 1) смотреть, рассматривать; {...}; 2) выходить, смотреть на..., быть обращённым *куда-л.* {...}; 3) смотреть, заботиться, ухаживать; {...}; 4) призывать, содержать, обеспечивать; 5) наблюдать (о враче); {...}; 6) обращать внимание на *кого-что-л.*; придавать значение *кому-чему-л.*; брать пример с *кого*; подражать *кому*; {...}; 7) искать, разыскивать; {...}; 8) пробовать, проверять; {...}; 9) намереваться, стараться; выжидать удобного случая (сделать *что-л.*); {...}; 10) зависеть от *чего*; {...}; 11) заниматься *чем*; {...}; 12) походить, быть близким (о цвете); {...} [ТурРС, 1977, с. 92]. Данная словарная статья глагола **bakmak-**, как типичный случай цепочечного развития многозначности (зрительное восприятие – фиксация – анализ – действие), демонстрирует ослаб-

ление исходного перцептивного признака в последующих вторичных значениях.

В киргизском языке глагол **бак-** также является частотным: «**бак-** IV 1) присматривать, ухаживать за кем-чем-л.; воспитывать (растить), пасти (скот); водить (птицу); разводить, возделывать (напр. хлебные злаки); {...}; 2) стеречь, охранять, наблюдать {...}; 3) смотреть; {...}; 4) в роли вспомогательного глагола *то же, что* **көр-** III; {...}» [КРС, 2015, с. 108]. Наиболее ярко выражают эти значения пословицы: *Атты така-лаганча, жолду бакала* погов – Чем лошадь ковать, лучше дорогу **выбери**. *Бир ата отуз уулду багат, отуз уул бир атаны багалбайт* погов (говорится с упрёком) – Один отец тридцать сыновей **кормит**, тридцать сыновей одного отца **прокормить** не могут. *Карга бакса, куш болбойт* погов – Как ни **воспитывай** ворону, она (ловчей) птицей не станет [КРС, 2015, с. 109]. В значении «заботиться (о сиротах, стариках)» употребляется парный вариант глаголов **көр-** и **бак-**: *Ата-энеси жок жана багар-көрөр киши* жок – У него нет родителей, некому о нём **заботиться**.

Казахский и башкирский варианты данного глагола частично совпадают с киргизским по семантическому объёму: **бақылау** «высматривать, контролировать, наблюдать, надзирать» [КазРС, 1999, с. 85]; башк.: **бағауыллау** – «присматривать, приглядывать за кем-чем, караулить кого-что; аттарзы бағауыллау приглядывать за конями» [БРС, 1996: 65].

2.3.2. Глаголы, характерные для хакасского языка

Семантика глагола **хылчаңна-** «оглядываться по сторонам» маркирована семами «поворачивая голову» и «по сторонам (чаще, назад)». В ХРС дано такое истолкование данного глагола: **хылчаңнирга /хылчаңна-/** оглядываться, озиаться по сторонам, оглядываться назад; *хылчаңнап парарга* идти, оглядываясь; *аар-пеер хылчаңнирга* озиаться по сторонам; ◇ *хылчаңнирга даа маңнанмассың* не успеешь даже оглянуться; *хылчаңнабин даа чүгүрерге* побежать без оглядки [ХРС, 2006, с. 888]. Фонетический вариант данного глагола, но с несколько отличающейся семантикой действует в телеутском языке: **кылчаңда-** «коситься (на кого-либо)» [ТелРС, 1995, с. 52], перцептивная функция которого ограничивается конкретным объектом. В хакасском же языке оформление объектного имени аффиксом направительного падежа предполагает на-

правление взгляда, охватывающего не только объект, но и окружающее его пространство. *Салыстырбас кізі таап ал, хылыхтанма магаа, – тіп Коля, Наташзар даа хылчаңнабин, турғанох чирінең пастыр салыбысхан* (Пт, 35) – Тогда найди человека, который не болтает что-попало. Не злись на меня, – сказав и даже **не оглянувшись** на Наташу, Коля отошёл от места, где стоял.

Сема «неоднократный поворот головы» глагола **хылчаңна-** конкретизируется сочетанием с наречиями с собирательным значением: *аар-пеер* «туда-сюда», *андар-мындар* «туда-сюда», *ибіре-сибіре* «туда-сюда»: *Аар-пеер хылчаңнап, табырағынча өдірген аңына ойлап одыр* (Хл, 101) – **Оглядываясь туда-сюда**, он побежал к убитому им зверю. *Ол, ибіре-сибіре хылчаңнапча* (Чкч, 26) – Он оглядывается вокруг [поворачивая голову]. Ранее мы отмечали, что глагол **харахсын-** «высматривать; обозревать» также легко сочетается с названными наречиями, однако он не акцентирует сему «поворачивая голову», свойственную для **хылчаңна-**. Также, в отличие от **хылчаңна-**, **харахсын-** может выражать целенаправленный перцептивный акт: обозревать местность в поисках кого-чего-л. или в ожидании кого-чего-л. Глагол **хылчаңна-** «оглядываться по сторонам, чаще, назад, поворачивая голову» в контексте не актуализирует направление взгляда и целенаправленность зрительного акта.

Следующий синонимичный по общему значению «оглядываться» глагол **хайбағынарға /хайбағын-/ сағ.** оглядываться; *іцезінсер хайбағынған* [он] посматривал на свою мать; *хайбағын халарға* оглянуться [ХРС, 2006, с. 781] характеризуется обозначением более широкой перцептивной зоны, поскольку может развивать ментальную сему. Насколько нам известно, глагол **хайбағын-** используется только в хакасском языке. При реализации данным глаголом переносного значения «вспоминать; думать (чаще о прошлом), оценивая» нейтрализуется перцептивная сема: *ирткен туссар хайбағынарға* «оглядываться в прошлое», *чирімнің тархынынзар хайбағынарға* «оглядываться в историю своей земли», *ирткен чайғызар хайбағынарға* «оглядываться в прошлое лето» и др.

Переносное значение «оглядываться на кого-л.» данного глагола реализуется в сочетании с объектом, выраженным одушевлённым именем в форме направительного падежа и актуализирует ситуацию, в которой субъект находится в зависимом положении относительно объектного лица, т. е. действует с оглядкой на его реакцию и оценку. Подобная си-

туация наиболее чётко выражается глаголом **хайбагын-** в деепричастной форме: *ічезінзер хайбагынын ала чоохтанарга* – говорить с оглядкой на [свою] маму; *пастыхсар хайбагынын ала тогынарга* – работать с оглядкой на начальство; *кiзiлернiң нiме тирiне хайбагынын ала чуртирга* – жить с оглядкой на мнения людей и др. Однако в некоторых ситуациях глагол **хайбагын-** демонстрирует двойственное значение: *Катя ибiнде дее, тогыста даа нiме дее итсiн, апсаанзар ла хайбагынадыр* – Катя, что бы ни делала дома ли на работе ли, всегда **оглядывается** только на мужа. Значение перцептивности или ментальности в семантике глагола **хайбагын-** определяется широким контекстом.

В целом, глаголы **хылчаңна-** и **хайбагын-** описывают ситуацию, в которой объект, оформленный направительным падежом, находится в стороне или же сзади от субъекта. Если же в предложении не указывается объект, то эти глаголы актуализируют в своём значении компонент «поворачивая голову»: *хайбагынарга даа маңнанмаан* – не успел даже оглянуться. *Хайбагызам, ічем теерпек кiдiрген кiлде сала-пула ла кiрiнче* (Т, 23) – Я **оглянулась**, а мама еле-еле видна в пыли, поднятой колёсами телег.

Глагол **анды-** «1) смотреть пристально, в упор; всматриваться; уставиться глазами; *прост.* глазеть; 2) разглядывать, рассматривать» [ХРС, 2006, с. 66] в хакасском языке используется редко. В его семантике доминирует признак целенаправленности и концентрации зрительного акта, при реализации которого глагол **анды-** в контексте может соседствовать с другими глаголами с аналогичной семой: *Пазыттарын ситкiпчeм, чоохтарын тыңнапчaм, кип-азахтарын аңдыпчaм* (Ат, 38, 45) – Я **внимаю** к их походке, **прислушиваюсь** к их разговорам, **разглядываю** их одежды.

В конструкциях данного глагола обязательно присутствие позиции объекта, выраженного именем в винительном или направительном падежах: *Ооллар харахтарын соолдыра аңдычаңнар мині, соолдыра...* (Хч, 138) – Парни **всматривались** в меня так, что высохали [их] глаза. *Паза пір астаан харагас, кiленіп, аңдыбас оларзар* (Т, 23) – Больше голодные глазки, **не будут смотреть** на них, прося что-либо. Сочетание данного глагола с именем в винительном падеже выражает непосредственный контакт зрительного восприятия с объектом. В роли объекта зрительного восприятия могут выступать имена, обозначающие одушевлённые лица

или неодушевлённые предметы. Оформление объекта именем в направлении падежа указывает на направление взгляда, который, помимо названного объекта, может охватывать и окружающее его пространство: *сузсар* «на реку», *минзер* «на меня», *киндезер* «на книгу», *оолахсар* «на мальчика» и т. д. *Хыс аар айланыбысхан туста, оол андар тың-тың аңдаан* – Пользуясь моментом, что девушка отвернулась, парень **смотрел на неё** пристально. Зрение и внимание также концентрируются на определённом объекте в условиях плохой видимости.

Таким образом, вокруг хакасского базового глагола зрительного восприятия **көр-** «смотреть, видеть» располагаются, по нашим сведениям, семь глаголов, составляющие периферию данной ЛСГ. Эти глаголы дифференцируются в обозначении:

- направления взгляда: смотреть, глядеть прямо, вдаль, в разные стороны, внутрь *чего-л.* или изнутри *чего-л.* и т. д. (**хара-; харахсын-; харахта-; пахла-**);

- целенаправленности / нецеленаправленности процесса: смотреть, глядеть в поиске или в ожидании *кого-чего-л.* (**харахсын-; анды-; хылчаңна-**);

- характеристики зрительного процесса: смотреть, глядеть, поворачивая голову, оглядываясь, в упор, внимательно и т. д. (**харахсын-; анды-; хылчаңна-**).

Лексические соответствия хакасских глаголов **хара-** «пристально смотреть; обозревать», **пахла-** «подсматривать, заглядывать» в других тюркских языках (например, в турецком, азербайджанском, татарском, башкирском, казахском) имеют обширную семантическую структуру и в результате развития многозначности они могут демонстрировать ослабление исходного перцептивного признака в последующих вторичных значениях. Глагол **хара-** / **кара-**, помимо перцептивного обозначения, указывает и на другие сферы человеческой деятельности, например, в азербайджанском, каракалпакском языках данный глагол обладает ЛСВ «подчиняться». В татарском, башкирском и других языках данный глагол в силу частотности употребления принимает на себя модальное значение «попробовать». В хакасском языке глагол **хара-** может приобретать переносное значение только в случаях сочетания с объектом абстрактной семантики: *Читкен үлүс-худын хари, чон таг-сугдина пазырча* (Тч, 47) –

Высматривая [свои] потерянные дух и долю, народ поклоняется [духам] гор и рек.

В сибирских тюркских же языках эти глаголы в своих ЛСВ обычно сохраняют перцептивную сему, только тув.: **каракта-** и тоф.: **каракта-** показывают семантический сдвиг в плане когнитивного соотношения зрительного и ментального процессов. Общее значение «выглядывать *откуда-л.*» хакасского **пахла-**, тувинского **бакылаар**, якутского **быгы-ахтаа-** предполагает направление зрительного процесса «изнутри», т. е. субъект находится внутри какого-либо закрытого пространства, а его взгляд направлен за пределы данного места или же, наоборот, внутрь какого-либо закрытого помещения.

По нашим наблюдениям, характерными для хакасского языка оказались глаголы **хылчаңна-**, **хайбағын-**, маркированные семой «[смотреть], поворачивая голову» и глагол **анды-**, актуализирующий признак целенаправленности и концентрации зрительного акта.

Сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что взаимодействие человека и окружающего мира находят отражение в языковых представлениях коллективного сознания, в данном случае, в репрезентации семантически взаимосвязанных и пересекающихся лексических единиц. Как отмечает З. С. Франгулис, «Физическое пространство в первую очередь осваивается «невидимой силой» взгляда. Языковая модель восприятия предполагает нечто вроде заполнения пространства увиденным и конструирование представления о мире, которое опосредовано зрением» [Франгулис, 2006, с. 118]. На примере рассмотренных периферийных глаголов мы видим, что лексическая система восприятия в тюркских языках предстаёт как сложное многомерное образование. При этом ЛСГ глаголов зрительного восприятия в каждом языке имеет иерархически организованную структуру, обусловленную универсальной природой перцептивного акта, а также во многом схожестью ментальных, когнитивных и культурных факторов. Различия же в семантическом объёме лексических соответствий на уровне актуализации определённых дифференциальных сем в кыпчакских, огузских и сибирских тюркских языках можно интерпретировать сложившимися в каждом языковом обществе ментально-духовными стереотипами и коллективным перцептивным опытом.

2.4. ЛЕКСЕМА ХАРАХ «ГЛАЗ; ГЛАЗА» КАК ОПОСРЕДУЮЩЕЕ ЗВЕНО МЕЖДУ ТЕЛЕСНОЙ И ДУХОВНОЙ ПРИРОДОЙ ЧЕЛОВЕКА

«Познание окружающего мира человек начинает с самого себя, поэтому кодирование культурного пространства посредством языковых сущностей носит антропоморфный характер, в нём активно участвуют соматизмы – названия частей тела человека, а также соматические фразеологизмы, включающие тот или иной соматизм» [Подсёвалова, 2009, с. 159]. В языковой концептуализации зрительного восприятия особую роль выполняет соматизм – глаза, который в комбинации с глаголами, а также другими словами передаёт различные перцептивные, ментальные и другие процессы, а также состояния человека. В последние десятилетия растёт интерес учёных к вопросам глазного поведения в различных областях науки, но в лингвистике данная тематика пока ещё мало исследована. Особое научное направление – окулесика – занимается изучением характеристик и функций глаз, особенностей визуального процесса, а также смыслов, передаваемых глазами и др. Как пишет Г. Е. Крейдлин: «Глаза человека способны выражать и передавать столько же, сколько и язык, но у языка глаз есть одно неоспоримое преимущество – для него не требуется словаря, ведь этот язык понятен всем» [Крейдлин, 2002, с. 374]. К сказанному добавим, что в разных языках глаза и собственный взгляд выступают как средство верификации происходящего, например, в хакасском языке: *пос хараана ла киртінерге* «верить только своим глазам», *хараам а киртінминчем* «не верю [своим] глазам» и др.: *Урунганнарның сөстеріне киртінме, поэциның на харахтарыңа киртін чөр* (Ат, 105) – Не верь словам каждого встречного, **верь** только своим **глазам**. *Позым харагына киртінминчем: тура нүкүлезінең тимде* (Кч, 32) – **Не верю своим глазам**: дом полностью готов. Семантико-когнитивные модели, репрезентирующие особенности вербализации зрительного восприятия и понятий «вера» и «достоверность» в хакасском языке описаны в разделе «Вера» и «достоверность» сквозь призму зрительного кода».

В тюркских языках глаза, как орган зрения и как взгляд, в соответствующих фонетических вариантах обозначаются *göz* и *karak* [СИГТЯ, 2001, с. 209–211]. Авторы СИГТЯ 2001 года отмечают, что эти соматические единицы являются древними производными от глаголов зрения *kör-* и *hara-*. Как правило, базовые глаголы восприятия в тюркских языках

имеют общетюркское происхождение, такая же картина наблюдается и в других разноструктурных языках, например, в хантыйском языке базовым глаголом зрительного восприятия является **вант-** «смотреть», в соответствующих фонетических вариантах представленный во всех финно-угорских языках и в их письменных памятниках. «Глагол **want-** обнаруживает несомненную этимологическую связь с общефинно-угорским словом **semō* «глаз» (ср. хант. **sem- tōrninlšta-** «пристально глядеть»; букв.: «глаза вытягивать»))» [Каксин, 2016, с. 105].

Однако относительно происхождения *karak* имеется и «другая этимология, поддержанная хотя и не с полной уверенностью, ЭСТЯ и трактующая это слово как образование от *kara* «чёрный» путём присоединения к нему уменьшительного аффикса *-к*» [ЭСТУВЯ, 2004, с. 98]. В Древнетюркском словаре (ДТС) дефиниции данных лексем представлены таким образом:

Köz глаз; *körür közüм körmäz tēg... bolti* зрячие мои глаза ... словно ослепли (КТ650); *künkä baqsa köz qamar* если смотреть на солнце, в глазах рябит (МК I 340); *jana iki közi körmäz erti* и оба его глаза не видели (КР24) [ДТС, 1969, с. 320].

Qaraq глаз, глазное яблоко (МЛ I, 382): *oyrayim kēndü jıraq / bulnadī mēni qaraq* место, куда я иду, далеко, / да пленили меня очи [одной красавицы] (МК III, 29); *uvutsuz bolur üstärigli qaraq* у бесстыжего [человека] отталкивающие глаза (QBN, 167); *başlarin bičturu ötürü qaraqların ötürü* срубая им головы, выкалывая им глаза (Suv 235) [ДТС, 1969, с. 425].

Как видим из словарных представлений, семантическая структура лексемы *köz* несколько шире, чем у *qaraq*, который в большинстве тюркских языков обозначает «глазное яблоко», «зрачок», а в сочетании с идентифицирующими именами – «радужная оболочка» (*qara qarak*), «зрачок» (*ot qaraq*), «белок глаза» (*ürün qaraq*) и др. [СИГТЯ, 2001, с. 210]; *qara qaraq* зрачок (МК I 382) [ДТС, 1969, с. 423].

В хакасском языке понятие «глаз как орган зрения» обозначается лексемой *xarax*, как и в других сибирских тюркских языках, например, тоф.: *қарақ*, тув.: *карак*, (но алт.: *көс*), а понятие «зрение» именуется как *xarax оды* «букв. огонь глаза». В СИГТЯ отмечается, что данное лексическое образование является исконно-тюркским: «ср. крх. -уйг. *ot qaraq*, каз. *köz zanary*, алт. *köstin ody*» [СИГТЯ, 2001, с. 211]. Хакасская лексема *xarax* участвует в образовании сложных слов, выражающих связанную с

глазами как органом зрения анатомическую терминологию: *харах агы* белок глаза; *харах оды* зрачок, зрительный нерв; *харах оймагы* или *харах уйазы* глазница; *харах олганагы* зрачок; *харах ныңмагы* глазное яблоко; *харах салы* плёнка в глазах; *харах сетчатказы* сетчатка глаза; *харах харазы бельт.* зрачок; *харах харачызы* зрачок глаза; *харах* – *хулах собир.* глаза и уши; *харах үстү* веко; *харах хартхылчагы* слёзный бугорок глаза. К категории часто используемых сложных слов относится *харах чазы* слеза: *Че нога за харахтар чазын позым үлүзіне харанчам* (Тч, 71) – Ну почему же я не могу лить **слёзы** на свою судьбу. *Харах час көп агысхан хакас төллер піске артысханнар тустыг көллер* (Р, 19) – Хакаские поколения, пролившие много **слёз**, нам оставили солёные озера. Подобная же словообразовательная и лексико-семантическая картина с лексемой *харах* наблюдается и в других тюркских языках, например, в якутском языке: {...} *харах олобо* глазница; *харах сетчатката* сетчатка глаза; *харах уута* слеза; *харах хаспаба* глазная впадина; *харах зргэтэ* бельмо; *анаар харах* одноглазый; *бүрүө харах* глаза, закрытые плёнкой плёнкой (напр, у птиц) {...} [ЯРС, 1972, с. 483].

Следует подчеркнуть одну важную особенность употребления лексемы *харах* в хакасском языке. Как показывает материал, данная лексема при реализации редко принимает аффикс множественного числа **-тар**, что говорит о том, что в хакасском языке, как и в других тюркских языках, не грамматикализуется обозначение парности (или двойственности) частей тела, возможно, из-за того, что в языковом представлении тюрков нейтрализуется понятие целостности и раздельности парных частей тела. В реализации таких парных частей тела, как например, *хулах* «ухо; уши», *хол* «рука; руки», *сыганах* «локоть; локти» и других используется форма единственного числа. Такую же особенность употребления существительных, выражающих парные части тела, а также соответствующих им предметов одежды в финно-угорских языках, в частности, в венгерском, хантыйском, мансийском языках, отмечают Е. С. Малах и А. Ю. Остроумова. При этом согласование парных предметов может происходить во множественном, единственном или двойственном числах [Малах, Остроумова, 2016, с. 126–129]. Но в русском языке эти понятия чётко противопоставляются, например, *чёрные глаза* (в хакасском языке – *хара харах* букв. чёрный глаз), *кривые ноги* (в хакасском языке – *талтах азах* букв.

кривая нога) и т. д. Выявление особенностей таких невидимых связей в национальном мировидении целостности / раздельности парных частей тела в тюркских языках и их языковом отражении требует углубленного изучения. Мы же в описании лексемы *харах* символично указываем его перевод как «глаз; глаза», подразумевая под ним целостность данного понятия.

Лексема *кӧс* в хакасском языке утрачивает своё первоначальное значение. В значении «глаз; глаза» она встречается чаще в произведениях устного народного творчества. *Кӧк чазының кӱреезі ырах, кӧстерің читсе, хараңар* (Т, 7) – Края зелёной степи далеки, если у вас **зрение** хорошее [букв. если хватит (или достанет) глаз], смотрите. Следует подчеркнуть, что в данном примере действует фразеологизм, передающий качество зрительной способности субъекта: *кӧс чит-* «мочь разглядеть; букв. хватать, доставать глаз». Но в хакасском языке в этом же значении вместо *кӧс* обычно используется *харах*. Невозможность что-либо разглядеть обозначается как *харах читпинче* «не мочь разглядеть; букв. глаза не достают». Также лексема *кӧс* может использоваться в поэтической речи, что объясняется широкими содержательными и безграничными возможностями данного жанра: *Сынында, чазырбин кӧңім, кӧзім пуртахтапчаттыр* (Тч, 75) – На самом деле, оказывается, [моя] душа, не скрывая, обманывает [мои] **глаза** (букв. загрязняет). *Ылган чӧрбезін кӧстерім* (Тч, 55) – Пусть не плачут [мои] **глаза**. От лексемы *кӧс* при помощи аффикса понудительного залога *-іт-* образован глагол *кӧзіт-* «показывать», который в хакасском языке широко употребителен: *Азыгыбысты хайдар таарлапчазар?! Кем чаратхан?! Пічігіңер кӧзідіңер!* (Х, 4) – Куда вы [наше] зерно грузите? Кто разрешил? **Показывайте** [ваши] документы!

Почти утратив своё первоначальное значение, лексема *кӧс* выступает в качестве послелого, управляющего творительным падежом *минің кӧзіме* «при мне», *харах кӧзіне* (или *кізі кӧзіне*) «прямо на глазах», *пастыхтың кӧзіне* «при начальнике», *кӧстең кӧске* «с глазу на глаз» и др. *Чох кізі ниме тіп алзын удур. Итсе чон кӧзіне іди пызырхап полбасчых* (Т, 24) – Бедный человек как может возразить. Вообще-то **при народе** (букв. в глазах народа) не смог бы так выступать. *Парлар чииттер, кізі кӧзіне угаа чахсылар* (Х, 13) – Есть такая молодёжь, которая **при людях** такая хорошая. Однако, как показывает словарная интерпретация лексемы *кӧс*, она приобрела другие, более узкие значения, основанные на ассоциатив-

ной связи глаза с отдельными элементами в бытовой сфере (см.: ЛСВ 3; 4; 5; 6): **кӧс** I уст. 1) глаз; ср. *харах*; *кӧс тартыл парган* глаз затянут (пеленой); *тӧрт кӧстиг адай* четырёхглазая собака (собака, у которой под глазами имеются точки); 2) зрение; *кӧзи чӧтиг* [у него] хорошее зрение; *кӧзим хомайланча* [у меня] зрение ухудшается; 3) ушко [иголки]; 4) петля [при вязании]; 5) ячейка (в сети); 6) глазок чего-л.; *тогыс кӧстиг тынныг хостоо* фольк. с девятью глазками огненная стрела; $\diamond$ *кӧстең кӧске* с глазу на глаз (наедине); *харах кӧзине* на глазах; $\square$ *сырай сӧлиш кӧс, тӧл сӧлиш сӧс* посл. лицо красно глазами, речь красна словами; *кӧзи кӧзине столга чарбыхпачаң погов.* в присутствии гостей нельзя лезть к столу (нравоучение детям) [ХРС, 2006, с. 207].

В хакасском языке, как и в других тюркских языках, широко используется существительное *кӧзенек* «окно». *Ос салаазы кӧзенееме кире пах-лир, кӧлине чӧзиме* (Тч, 18) – Ветка осины будет заглядывать ко мне, улыбаясь, через **окно**. «Относительно семантики общетюркского производного **kӧzenek* «окно; ячейка» отметим, что вопреки ЭСТЯ, естественно метафорическое употребление уменьшительного от названия части тела для называния артефакта» [СИГТЯ, 2001, с. 210]. Однако Б. И. Татаринцев придерживается иного мнения по вопросу происхождения данного слова: «{...} его основой может быть двухсложный глагол, произведённый от имени *кӧз*, который является кирг. *кӧзө- ~ кӧсө-* «просверливать, делать дырявым». В таком случае *кӧзе – нек* **< кӧзенек*, где **кӧзе-* – глагол, а *-нак* – вариант аффиксальной морфемы» [ЭСТувЯ, 2004, с. 236]. Но в тувинском языке, как отмечает Б. И. Татаринцев, данное слово обычно используется только в составе выражения *кӧс кӧр-* «смотреть глазами» (т. е. смотреть как следует, внимательно) [ЭСТувЯ, 2004, с. 249].

Однако в других тюркских (особенно, в кыпчакских и огузских) языках лексема *кӧс / gӧz* является широко используемой и, соответственно, обладает соответствующими словообразовательными и синтагматическими возможностями, например, в узбекском языке: «*кӧз қисмок* «моргнуть глазом, т. е. – для подачи какого-либо знака или сигнала закрыть один глаз», *кӧз олди, кӧз ўнги* «перед глазами», *кӧз ташламоқ* «бросить взгляд; посмотреть, взглянуть», *кӧздан қолмок* «потерять способность видеть», *кӧзи хира* «мутный глаз – плохо видящий» [Шокиров, 2017, с. 57]. Или же, подобно лексеме *харах, кӧс* в других тюркских языках образует семантическое гнездо медицинских терминов, связанных с

глазами, например, в телеутском языке: *кӧс агы* «глазной белок», *кӧс жетпес* «близорукий», *кӧс каразы* «зрачок», *кӧс орды* «глазница», *кӧс полчогы* «глазное яблоко», *кӧс чогы* «зрение» [ТелРС, 1995, с. 46] и т. д.

2.4.1. Соматизм *харах* «глаз; глаза» в структуре фразеологических единиц

В словарной статье лексемы *харах* «глаз; глаза» даётся целая группа фразеологических единиц (или ФЕ), где она является семантически стержневым компонентом. Все эти фразеологизмы имеют антропоцентрический характер, и лексема *харах* выступает в объектном значении, в основном, с нулевым аффиксом винительного падежа: *харах албасха* «смотреть внимательно, не сводить глаз (*букв.* глаз не убирать)»; *харах тастирга* «присматривать за кем/чем-л.»; *харах хыртирга* «коситься; смотреть косо»; *харах чазын хан идерге* «плакать, быть в трауре»; *харах алындырарга* 1) одурачивать кого-л.; 2) гипнотизировать; *харах саларга* 1) обращать внимание на кого-л.; 2) присматривать, ухаживать за кем-л.; заботиться о ком-л.; *харах таа салбасха* не обращать никакого внимания; *харах тартыларга* дёргаться (о глазах); *харах хайнирга* 1) считать кого-л. лишним (например, при желании занять его место); 2) быть ненасытным, жадным (по отношению к вещам); *харах хазартарга* зазнаваться; возноситься; *харах чазыргарга* 1) отводить глаза (взгляд); 2) избегать, сторониться кого-л.; *харах чаабызарга* умереть (*букв.* глаза закрыть); *постың хараана ла киртінерге* верить только себе; *хараа чарыптыр* эфв. родился (ребёнок); *харах сасна харасхы* очень темно; *кӧс харахха* на глазах (у всех), на виду у всех; *пайның хараана ис толбаан* погов. глаза бая богатством не насытятся; *харах хызарарга* соотв. рус. с жиру беситься (*букв.* глаза краснеть); *харахнаң кӧрчем, холнаң тут полбинчам* загадка вижу, но руками поймать не могу (тень) [ХРС, 2006, с. 810–811].

Как известно, анализ фразеологической лексики основывается во взаимодействии структурных и семантических принципов. Такой подход позволяет рассматривать «... употребления слов – соматизмов в различных синтаксических конструкциях с различными частями речи определение синтаксического статуса ФЕ; определение степени их семантической слитности. В парадигматическом отношении СФЕ являются уникальной экспериментальной базой для решения таких проблем, как разграничение

вариантов и синонимов, определение компонентного состава ФЕ» [Бердникова, 2000, с. 34]. Как показывает наш фактический материал, лексема *харах* «глаз; глаза» наиболее часто сочетается с глаголом **таста-** «бросать» в значении «смотреть, бросать взгляд; букв. бросать глаза». Мы предполагаем, что данный фразеологизм калькирован с русского *бросать взгляд*, значение которого авторами Толкового словаря русских глаголов определяется как «воспринимать (воспринять) *что-л.* зрением, быстро просматривая, вглядывая на определённый объект в течение небольшого промежутка времени, словно взмахом заставив взгляд лететь *куда-л.* и падать в *кого-л.*» [ТСРГ, 1999, с. 303].

В хакасском языке семантика данного фразеологизма предполагает конкретное место или объект зрительного восприятия, выраженный именем в форме направительного падежа с аффиксом **-сар / -сер; -зар / -зер:** – *Якынның хойы, – нандырган Айдо, хойларынзар харах тастан* (Хч, 8) – Овцы Якына, – ответил Айдо, **бросив взгляд** на овец. *Саста хас, пызо хуйдырчам, клубсар харах тастанчам* (Тч, 26) – На лугу гоняю гусей и телят, а сама **смотрю** (букв. бросаю глаза) на клуб. *Хайдар даа харах тастазам, прай чирде чахайахтар* – Куда **ни посмотрю**, везде цветы. Реже объект может быть выражен именем в дательном падеже с аффиксом **-а / -е; -ға / -ге, -ка / -ке:** *Ööрем, минің ööрем, син андар көрбе, Минің оолгычаама харах тастаба* (Т, 34) – Подруга, моя подруга, ты **не смотри** на него, на моего паренька взгляд не бросай.

Лексема *харах* «глаза» в сочетании с глаголами **ас-** «открывать» и **азыл-** «открываться» (страд. форма от **ас-** «открывать» + аффикс страд. залога **-ыл-**) в контекстах реализует следующие значения:

1) «открывать глаза». *Ол хараан даа ас полбин турган, тундыра сіс партыр* – Он не мог даже **открыть глаза**, опухли сильно. Данный ЛСВ значения рассматриваемой лексической единицы является основным или первичным и, соответственно, имеет «физическое» происхождение;

2) «просыпаться, пробуждаться». *Иртен харах ассамох, сагызым синзер ойланча* – Как только **просыпаюсь** (букв. открываю глаза) утром, [мои] мысли бегут к тебе. В данном случае в семантической структуре выражения *харах ас-* «открывать глаза» наблюдается развитие определённого ЛСВ, при этом сохраняется первичный «физический» компонент. Тем самым данное значение мотивируется от основного;

3) «визуально воспринимать, познавать что-л. новое». *Хараам, ізік чіли азылыбысты, кӱрбеем нимелерні кӱр сыхты* (Р, 68) – [Мои] **глаза стали открываться**, как двери, стали видеть то, что раньше не видел. Данный ЛСВ значения фразеологизма *харах азыл-* может послужить примером связи зрительного восприятия и ментального процесса, поскольку «большинство связанной со зрительных восприятием лексики естественным образом используется во вторичных (метафорических) значениях, которые обозначают разного рода ментальные явления» [Степанович, 2011, с. 308].

Тем самым для семантической структуры выражения *харах ас-* «открывать глаза» характерна цепочечная полисемия, т. е. каждый тип значения исходит от предыдущей. В результате развития подобных семантических механизмов на основе физических действий формируются дополнительные метафорические значения слов и выражений и одновременно расширяется их лексическая сочетаемость. Необходимо отметить, что названные ЛСВ выражения *харах ас-* «открывать глаза» (и *харах азыл-* «открываться глаза») перекликается с основным и переносным значениями русского *глаза открывать(ся)*.

И. М. Чебочакова отмечает, что при участии компонента *харах* были построены сложные слова с подчинительным отношением компонентов на основе изафетных связей, связанные с тематической группой «Болезнь»: *харах агыриш* (букв. глаз болезнь + его) {...}. {...} слова, характеризующие жидкость, выделяемую слезными железами, подвижные кожные складки вокруг глаза, части глаза: *харах чазы* «слеза; букв. глаз влага = его»; *харах ўстў* (букв. глаз верх = его) // *харах хахпагы* (веко; букв. глаз крышка = его) {...}» [Чебочакова, 2017, с. 214]. Далее автор отмечает, что «данный орган воспринимался хакасским народом как один из самых важных органов человека, как показатель его жизненной силы, что отразилось в созданных путём метафорических переносов наименованиях» [Чебочакова, 2017, с. 214].

В качестве объектного компонента, выражающего зрительный орган, лексема *харах* «глаз; глаза» состоит также в структуре следующих фразеологизмов: *харах тыпладарга* «моргать глазами»; *харах сыгынарга* «подмигивать»; *харах нугарга* «закрывать глаза; жмуриться»; *харах чабарга* «закрывать глаза» и др. Семантика последних двух фразеологизмов со значением «закрывать глаза» ассоциируется с понятием «смерть», и в

контексте они могут реализовывать метафорическое значение «умирать»: *Ана ол чыл пабам **харахтарын** нуубысхан* – В этот год [мой] отец **умер** [букв. закрыл глаза]. *Апсах, оолларына ынаг чуртурга чахыг пирін, саңайга **харахтарын** чабысхан* – Старик, **умер** [букв. закрыл глаза навсегда], наказав сыновьям жить дружно.

В хакасском языке, чаще в поэтической речи, известны разнообразные образные комбинации с лексемой *харах* «глаз; глаза», описывающие зрительные, эмоциональные и ментальные процессы и состояния:

а) *Харааңны пасха ома уттыр, чүрееңе пасха хыныс алдың* (Тч, 17) – [Твой] **глаза победил** другой образ, ты принял в [своё] сердце другую любовь. В данном примере выражение *харааңны уттыр*- «[твой] глаза победил, оказывается, (другой образ)» подразумевает ситуацию «быть очарованным (или быть пленённым) неким объектом, которого приятно воспринимать визуально»;

б) *Харах алнында нымырттар алчасча* – **Перед глазами** цветут черёмухи. Выражение *харах алнында* (пол-) «(быть) перед глазами» в сочетании с глаголами различной категориальной семантики (например, **тур**- «стоять», **одыр**- «сидеть», **ирт**- «проходить», **чат**- «лежать», **пар**- «идти», **тогын**- «работать», **ёс**- «расти» и т. д.) описывает целостное зрительное восприятие некоего наблюдаемого объекта. Однако часто восприятие объекта может иметь избирательный характер, поэтому привычны выражения типа *харах алнындагы даа нимені көрбинчезің* – не видишь даже то, что у тебя перед глазами. *Хайдаг чирде чөрчезің син – пілбеем, харах алнында полгазың – көрбеем* (Р, 62) – Я не знал, где ты ходишь, [ты] был перед глазами, а я не видел;

в) *Таңдагызы таңда полар, нүүн көрінмес **харахха*** (Р, 1) – Завтрашнее будет завтра, сегодня не покажется **на глаза**. Выражение *харахха көрін*- «видно глазам», по нашим наблюдениям, в хакасском языке используется в речи для акцентирования зрительного процесса: *Хайда чөрдің, **харахха** көрінмин?* – Где ты ходил? Тебя **не видно было (глазам)**. Но чаще данное устойчивое сочетание употребляется в значении «галлюционировать»: *аның **хараана** ниме көрінче* – он **страдает галлюцинациями** (букв. ему что-то видится).

Лексема *харах* «глаз; глаза» участвует в описании образной характеристики зрительного процесса: *харах тыплат*- «моргать глазами», *харах тозырат*- «смотреть во все глаза; букв. выкатывать глаза», *харах тай*-

дыр- «смотреть в сторону; букв. глаза отводить», *харах тошпайт-* «смотреть, выпучившись; букв. выпучивать глаза» и др. Эти фразеосочетания несут в себе оценочную коннотацию, характеризуя не только перцептивный акт, но и внутреннее эмоциональное состояние субъекта: – *Сынап ол чойга киртін пардар ба? – харахтарын тошпайтхан Симок* (Х, 52) – Вы что, поверили этому обманщику? – **смотрит, выпучив глаза**, Симок. В сочетании с базовым глаголом *көр-* «смотреть; видеть» эти же фразеосочетания принимают форму слитного деепричастия с аффиксом *-а-* и при этом утрачивают значение действия, выражая лишь его характеристику: *Сагаллары узун өскөп, кічичек күрең сырайы улам хара көрінчөткөн, хызарглап парган ниске харахтарын тайдыра көрчө* (Х, 9) – [Его] борода отросла, из-за этого [его] маленькое смуглое лицо казалось ещё чернее, [его] узкие покрасневшие глаза **смотрели косо (в сторону)**. – *Таң магаа күйлөчө ол? – улуг чабан, иди чоохтанып, настыхсар харагын тошпайта көрбөскөн* (Х, 13) – То ли он смеётся надо мной? – сказав, старший чабан устался [*букв. посмотрел, вытаращив глаза*] на начальника.

ФЕ *харах ал-* «соотв. русск. не сводить глаз; букв. брать глаз» всегда употребляется с отрицательным аффиксом *-ба:* – *Че ам аннаң харах алба, амох хайдар-хайдар күйкістіг полар, – тінче Пүдүрчүн* (Хт, 37) – Но теперь **не своди с него глаз**, будет ещё смешнее. Также встречаются сочетания с *харах* «глаз», которых нельзя назвать устойчивыми, поскольку допускаются промежуточные второстепенные члены: *Харахтары, сур чили, сурланып, оолахсар айланганнар* (Хч, 171) – Её **глаза**, блестя как жемчуга, **обратились** (*букв. повернулись*) в сторону мальчика.

В субъектной позиции лексема *харах* «глаз; глаза» используется в притяжательной форме с указанием их «обладателя». В сочетании с глаголом не только с перцептивной семантикой они передают зрительный процесс: *Агазының ус париган харахтары кемні-де тілееннер* (Хл, 97) – Угасающие **глаза** [его] отца **искали кого-то**. *Алыг кізінің хулагы нима исте чоғыл, харагы нима көре чоғыл погов* – Уши глупого человека ничего не слышат, **глаза ничего не видят**. Иногда в контексте «обладатель» глаз может не называться: *Харахтарының хайи хой хазаазынзар айланган. Че анда артых-пузук нима көрінмеенде, аттың ахсын тибіредіп, чөрібіскөн* (Хч, 182) – Он **обратил внимание** на овчарню [*букв. внимание его глаз обратилось*]. Но, не заметив там ничего лишнего, затянул уздой рот лошади и уехал.

Для характеристики алчного, ненасытного человека используются фразеологизмы *харах тоспас-* «глаза ненасытятся», *харах хызар-* «соотв. русскому с жиру беситься; букв. глаза краснеют»: *Піреезі харбанча, харбанча, артых таа чуртааннары чоғыл. Андаг кізінің харағы хачан даа тоспачаң* (Х, 8) – Кто-то хватает, хватает, но не видно, чтоб жил лучше. У таких людей **глаза** никогда **не насытятся**. *Кізі чуртында чырғап, харааң хызарча* – Живя (в благополучии) в чужом доме, **с жиру бесишься** (букв. [твои] глаза краснеют).

2.4.2. Концептуализация лексемы *харах* «глаз; глаза» как анатомического органа

Лексема *харах* концептуализируется как анатомический орган человеческого тела, которому свойственны характеристики внешнего вида, например:

а) цветовая гамма глаз (*хара* «чёрные», *кёк* «синие», *хастах* «зелёные (букв. неспелые)»; *күрең* «коричневые»). Разумеется, когда мы говорим о цвете глаз, имеем в виду цвет зрачка. Часто названные прилагательные употребляются с дополнительным оттенком интенсивности цветовой гаммы: *хап-хара* «чёрные-пречёрные», *көппегес* «синие-синие», *хап-хастах* «зелёные-зелёные», *күп-күрең* «очень коричневые». Чёрные глаза часто сравниваются с черёмухой: *нымырт харахтар* «букв. черёмуховые глаза». *Нымырт харахтыг хыс, син нога хыныснаң іди ойнапчазың?* (Р, 111) – Девушка **с глазами, как черёмуха**, почему ты так играешь с любовью?;

б) размер, расположение и форма глаз (*чоон* «большие», *азых* «открытые», *кічичек* «маленькие», *сізік* «опухшие», *ніске* «узкие», *тоғылах* «круглые», *тошпах* «навыкате», *хырна* «раскосые», *чагын* «близко посаженные», *хыйыр* «косые» и др.). Соотношение целого ряда положительных и приятных для восприятия признаков глаза обычно обозначается выражением *сіліг харах(тар)* «красивые глаз(а)»;

в) оценка психологического состояния и характера человека по состоянию его глаз. В русском языке бытует выражение «глаза – зеркало души» и считается, что состояние глаз может передавать разнообразные информации о человеке. Действительно, об эмоциях, мыслях, намерениях человека можно догадываться по глазам. В сочетании с прилагательными

mõñis «грустные», *õrçilig* «весёлые», *soxtançyx* «забавные», *xomзыныстыг* «печальные» лексема *харах(тар)* «глаз(а)» передаёт эмоциональные переживания человека. Также прилагательные *кõйтик* «хитрые», *хылыхтыг* «злые», *хыйга* «умные», *соох* «холодные», *паарсах* «ласковые, доброжелательные», *тоспас* «ненасытные», *хоргыстыг* «страшные», *хуруг* «пустые» в сочетании с *харах* используются для оценочного номинирования морально-этических, эмоциональных и личностных качеств человека. В данном случае очевиден метанимический перенос в семантике прилагательных, основанный на метафорическом сближении части и целого. Эти же прилагательные семантически согласовываются и с именем *кiзи* «человек».

Часто лексема *харах* с личным аффиксом может выступать в сочетании с объектным локативом, выраженным именем в форме местного падежа или же с наречием со значением места: *хараам – синде ле* – я смотрю только на тебя (*букв.* [мои] глаза только на тебе); *харахтарың – тас-хар ла* – [ты] смотришь только на улицу (*букв.* [твой] глаза только на улице); *харахтары – оолларда ла* [ты] смотришь только на парней (*букв.* [твой] глаза только на парнях); *харахтарыбыс – чолда ла* – [мы] смотрим только на дорогу (*букв.* [наши] глаза только на дороге) и т. д. *Хырых чазымны алтаан ползам даа, хараам – абахайларда ам даа* (Р, 69) – Хотя мне и за сорок лет, но [мои] глаза [видят] только красавиц (*букв.* [мои] глаза только на красавицах). В подобных предложениях лексема *харах* в сочетании с именем выражает целенаправленный зрительный процесс, а ограничительная частица *ла / ле* указывает на выделенный конкретный объект. Такие выражения описывают ситуации, которых можно отнести к категории молчаливого поведения глаз, ведь не зря бытует мнение о том, что глаза человека могут рассказать о многом: о его характере, о его переживаниях, о его отношении к людям, к миру и конкретно к происходящему событию и т. д.

Таким образом, мы приходим к следующим выводам:

1) в познании окружающей действительности человеком его глаза выполняют одну из ведущих ролей. Глаза – это не только зрительный орган, характеризующийся цветовой гаммой, теми или иными физическими признаками, они также представляют собой целую систему зрительного поведения. Глазное поведение со всеми его коммуникативными, ментальными, эмоциональными аспектами изучается специальным науч-

ным направлением – окулесикой. Специалисты выделяют специфические особенности глазного поведения у разных народов. Однако проблема языкового выражения особенностей глазного поведения в тюркских и других разноструктурных языках ещё ждёт своих исследователей;

2) в тюркских языках имеется два исконно-тюркских наименования глаз – *göz* и *karak*. В кыпчакских и огузских языках действует лексема *göz*, в сибирских же языках преобладает использование лексемы *karak*, но в алтайском – *кӧс*. Эти лексемы участвуют в образовании сложных слов, выражающих связанную с глазами, как органом зрения, анатомическую терминологию;

3) в хакасском языке, как и в других языках, имеется огромное количество структурно-концептуальных моделей реализации лексемы *харах* «глаз; глаза». По нашим наблюдениям, в хакасском языке употребляется 27 ФЕ с соматическим компонентом *харах* «глаз; глаза», которые в большинстве случаев описывают определённые аспекты зрительного процесса. Некоторая часть данных фразеологизмов используются для характеристики эмоционального, ментального или поведенческого процесса. А также в поэтической речи известны разнообразные образные комбинации с лексемой *харах* «глаз; глаза». Разнообразные синтагматические связи способствуют развитию многозначности фразеологических единиц и устойчивых выражений с участием лексемы *харах* «глаз; глаза»;

4) лексема *харах* «глаз; глаза» концептуализируется как анатомический орган человеческого тела, которому свойственны характеристики внешнего вида, эмоционального и ментального состояния субъекта;

5) мы в описании лексемы *харах* символично указываем его перевод как «глаз; глаза», так как в хакасском языке, как и в других тюркских и в некоторых финно-угорских языках, выражение парности частей тела редко обозначается формой множественного числа. На наш взгляд, в языковом представлении этих народов нейтрализуется понятие целостности и раздельности парных частей тела;

6) в результате проведённого исследования можно утверждать, что роль лексемы *харах* «глаз; глаза» значима в языковом отражении телесной и духовной природы человека.

2.5. СОЧЕТАНИЕ ВЗГЛЯДА И НЕНАВИСТИ В ЯЗЫКОВОМ ВЫРАЖЕНИИ

Ненависть – это сложное и глубокое чувство. Мы называем её чувством, поскольку она стабильна и субъекту (ненавидящему) нелегко от неё избавиться или преобразовать. Эмоция же (например, радость, гнев, раздражение, восторг и т. д.), как определённая реакция на те или другие раздражители, в отличие от чувства скоротечна, и она может меняться в зависимости от ситуаций. К тому же ненависть – многогранна. Её возникновению могут предшествовать такие эмоции, как обида, брезгливость, отвращение, злость, недовольство. Затем эти эмоции формируются в длительное чувство ненависти, включающую в себя злой умысел, желание зла, причинение боли социативному объекту, а также нежелание его видеть или же, наоборот, преследовать, проявляя свою агрессию в отношении к нему и т. д. Ненависть бывает обоснованной или же недостаточно обоснованной, а исходящей, прежде всего, от определённых характерных свойств ненавидящего человека.

Выражение чувства ненависти во многих разноструктурных языках связано со зрительным восприятием: с нежеланием видеть объект ненависти или же с ненавистным взглядом на объект. Толковые словари русского языка значение глагола *ненавидеть* интерпретируют однообразно: «испытывать чувство сильнейшей вражды, ненависти». Более оригинальное определение даётся в Толковом словаре русского языка: «1. Если вы ненавидите *кого-либо*, значит, вы очень не любите этого человека, испытываете к нему враждебные чувства. *Он его ненавидел и считал поддонком*. 2. Если вы ненавидите *что-либо*, например, какую-либо вещь, еду и т. п., значит, вы испытываете к ним отвращение. *Не предлагай мне уху, я ненавижу рыбу*» [ТСРЯ, 2003, с. 667]. При морфемном разборе русского глагола *ненавидеть* выделяется корень **-вид-** от глагола *видеть*. В русском языке Р. М. Гайсина глаголы со значением ненависти (например, *ненавидеть, презирать*) относит к зоне, переходной между состоянием и отношением [Гайсина, 1981]. Двоякость данного явления объясняется тем, что граница между глаголами эмоционального состояния и глаголами эмоционального отношения неустойчива и размыта. Так же, как и

эмоция любви, ненависть может быть постоянным чувством и в то же время обязательно направленным на кого-что-либо.

В ходе анализа с семантико-когнитивной точки зрения хакасских фразеологических единиц со значением ненависти и сравнения их с аналогичными лексемами в других тюркских языках мы попытаемся ответить на вопрос: почему в тюркских языках чувство ненависти проявляется через зрительный код.

В хантыйском языке чувства ненависти выражается словосочетанием *вэн лык* «большая злость». Ср.: *лыка йиты* «разозлиться», *лыкн этты* «злиться на кого-либо» и *вэн лыкн епатты* «кипеть ненавистью; букв. ненавистью выплескиваться». В некоторых случаях в подобном контексте используется образный оборот *оңта йиты* (о глазах) «превратиться в рог (рога)»: *Па имухты лўв нух лолюмтас, сэмңал оңта йисңан!* – И сразу он вскочил, взгляд его стал ненавидящим! (букв. глаза его превратились в рога!) [устная информация от А. Д. Каксина].

Е. В. Тюттешева (Николина) отмечает, что через глаза находит своё отражение проявление некоторых эмоций (удивление, испуг), а также определённых черт характера и стремлений человека – алчность, завистливость, сильное желание иметь что-л. [Тюттешева, 2006, с. 78]. В передаче названных чувств и эмоций, помимо глаз, в тюркских языках могут быть содействованы также такие соматизмы, как сердце (хак.: *чўрек хайна-* «волноваться; букв. сердце кипит»; як.: *сүрэхпэр таптал уйаланна* «влюбиться; букв. любовь свила гнездо в моём сердце»), душа (кирг.: *көңүлү тол-* «нравиться; букв. душа наполниться»; хак.: *көңніне кір-* «нравиться; букв. входить в душу»), конечности (хак.: *азах-хол сірлес-* «руки-ноги трястись»). Но чувство ненависти описывается исключительно через зрительный процесс. Фразеологические обороты со значением «ненавидеть» переводятся буквально, как:

а) «нет желания смотреть»: тув.: *көөр хөңнү чок болур* [КРТС, 1994, с. 187]; алт.: *көрөр күүни жок болор (жок бол-)* [РАС, 2015, с. 606]; хак.: *көрер көңні чогыл* и др. Как видим, семантико-структурная модель данных фразеологизмов одинаковая: глагол **көр-** «смотреть; видеть» в причастной форме + лексема *хөңнү / көңні / күүни* «душа» + *чок / жок / чогыл* «нет». В хакасском языке также используется вариант *көрер саам чогыл* «ненавижу; букв. нет [моей] мочи (сил) смотреть». *Амох килер. Хайдадар тарынчах. Пладыңар чахсы тартын салыңар, илбір – салбырларны көрер*

саам чогыл тидір (П, 11) – Сейчас придёт. Очень злой. Поправьте плитки. Говорит, что **ненавидит (терпеть не может)** нерях. В описании ненависти в тюркских языках фонетическими вариантами приведённой ФЕ субъект ненавидящий пассивен (т. е. не совершает никаких агрессивных действий), он может избегать встречи с объектом ненависти. Хак.: *Хайди полза, парыбысты. Көрер көңнім чогыл* (П, 9) – Наконец-то ушёл. **Смотреть на него не могу.** В тюркских языках лексема *хөңнү / көңні / күүни* «душа» широко используется в качестве соматического компонента фразеологических сочетаний. В традиционном языковом сознании народа данная лексема представляется как сосредоточие эмоций, желаний, настроений и в лексико-семантическом аспекте описана в работах Е. В. Тюттешевой [Тюттешева, 2006, с. 48], М. Д. Чертыковой [Чертыкова, 2013] и др.

Также ненависть может передаваться устойчивым выражением без лексемы *хөңнү / көңні / күүни* «душа», например, башк.: *күрә алмау* [<http://huzlek.bashqort.com/index.php?id=home>]; хак.: *көрчөө чогыл* «ненавидеть; букв.: не мочь смотреть»;

б) «плохо смотреть»: каз.: *жек көру, жаман көру* [онлайн-словарь: <https://sozdik.kz>]; кирг.: *жек көрүү, жаман көрүү* [РКС, 2000, с. 418]; як.: *абăсы көр-* [СЯЯ, 1958, с. 1157]; хак.: *чабал көр-* и т. д. В якутском языке функционирует также фразеологизм *доро көр-* «презирать» [СЯЯ, 1958, с. 1157]. В отличие от семантико-когнитивной модели «нет желания смотреть», ФЕ, заполняющие модель «смотреть + как» выражают действия агрессивного характера. Субъект ненавидящий более активен и готов действовать во вред объекта ненависти: як.: *өлөрдүү абааны көр-* «смертельно ненавидеть» [ЯРС, 1972, с. 285]; каз.: *иттің етінен жек көру* «ненавидеть всеми фибрами души» [онлайн-словарь: <https://sozdik.kz>].

В хакасском языке отсутствует самостоятельный глагол, передающий чувство ненависти и презрения. Однако татарский глагол **яратырга I** «1. в разн. знач. любить, полюбить; 2. одобрять, одобрить (напр., работу); *яратып бетермәскә* недолюбливать, не очень жаловать» [ТатРС, 1988, с. 407]; и башкирский **яратыу I** «1) в разн. знач. любить; *баланы яратыу* любить ребёнка; *тәбиғәт яратыу* любить природу; *эшләргә яратыу* любить работать; *яратып барыу* выходить замуж по любви; *яратып қарау* смотреть с любовью; одобрять; *ул минең эшемде яратты* он одобрил мою работу» [БРС, 1996, с. 844], а также казахский

жарату I «1) одобрять; склоняться; {...}; 2) тренировать; {...}; 3) использовать, употреблять; {...}; 4) тратить, издерживать; {...}» [https://sozdik.kz/ru] в отрицательной форме (башк.: *яратмау*; тат.: *ярат-мау*; каз.: *жаратпау*), согласно словарным трактовкам, дают значение «ненавидеть». Но хакасский фонетический аналог, по первоначальному семантическому признаку более приближенный к казахскому **жарату** I, – **чарадарга** /чарат-/ «1) одобрять, принимать *что-л.*; {...}; 2) удовлетворять *кого-л.*, *что-л.*; {...}; 3) разрешать, позволять *кому-л.*, *что-л.*; {...}; 4) решать; {...}» [ХРС, 2006, с. 943] в отрицательной форме обозначает «не разрешать; не удовлетворять». Также, в отличие от татарского и башкирского глаголов со значением любви, в отрицательной форме переходящих в семантическую категорию ненависти, хакасский глагол **хын-** «любить; хотеть» обозначает «не любить; не хотеть»: *Мин кӱйтӱк кӱзӱлерге хынминчам* – Я не люблю хитрых людей. *Пастагы туста, ол магаа хынардаң полып, кӱрерге дее хынмачаң* (П, 54) – В первое время она не то, чтобы меня любить, даже на меня смотреть не хотела. Тем самым выражаемая глаголом **хынмасха-** значение «не любить» определяется как неприязнь, антипатия, недружелюбие, скрытое враждебное отношение, но не как ненависть.

Базовый глагол зрительного восприятия **көр-** «смотреть; видеть» в некоторых языках с аффиксом отрицательной формы также может обозначать «ненавидеть», например, тув.: *көрбестээр* [КРТС, 1994, с. 187] и тоф.: *көрбестә-* /*көрбестээр*/ [СТРиРТ, 2005, с. 39]. В хакасском же языке от глагола **кӱр-** «смотреть; видеть» данное значение не проходит.

В хакасском языке основную функцию выражения ненависти выполняют синонимичные по значению «испытывать негативное и агрессивное отношение к *кому-чему-л.*» ФЕ **пу харахнаң кӱрбе-** «ненавидеть; букв. этими глазами не видеть» и **хырт кӱр-** «испытывать ненависть, неприязнь к *кому-либо*; букв. смотреть враждебно, раздражённо». В образовании этих ФЕ участвуют лексема *харах* «глаз; глаза», *хырт* «сущ. и прил. ненависть, неприязнь, раздражение; раздражительный»; *хырт кӱрӱс* «ненависть»; *палаларга хырт* «раздражительный по отношению к детям»; $\diamond$ *хырым тутча* [меня] зло берёт» [ХРС, 2006, с. 898] и многозначные глаголы **кӱр-** «смотреть» и **тут-** «держать». Эти глаголы в сочетании с корневой основой **хырт** глагола **хыртыстан-** «проявлять ненависть, враждебность, неприязнь, раздражение к *кому-л.*» [ХРС, 2006, с. 899] образуют семанти-

ческое гнездо с семантикой ненависти: **хырт көр**- «испытывать ненависть, неприязнь к кому-либо; букв. смотреть враждебно, раздражённо», **хырт тут**- «испытывать раздражение, скрытую ненависть к кому-л.; букв. держать раздражение». ФЕ **хырт хылын**- «раздражаться; букв. вести себя раздражённо» относится к категории лексики со значением поведения.

Объект ненависти может быть классифицирован по разным семантическим критериям: это может быть человек или группа людей, общество и даже страна, а также неживые предметы, абстрактные явления. Также субъект (ненавидящий) может рассматриваться как положительный, так и отрицательный, например, честные, добрые люди ненавидят войну, врагов, алчность, коррупцию или же убийца ненавидит судью, глупые люди ненавидят умных людей и т. д. Таким образом, можно считать, что ненависть – явление асемантическое, т. е. лишённое собственного значения. Однако в хакасском языковом сознании субъект (ненавидящий) наделяется отрицательным оттенком: он злой, раздражительный, враждебный, со злым умыслом. Данный признак имплицитруется в семантике анализируемых ФЕ.

Объект ненависти при фразеологизме **пу харахнаң көрбе**- «ненавидеть; букв. этими глазами не видеть» выражается одушевлёнными и неодушевлёнными именами, это могут быть наименования лиц, предметов, явлений, например, *пала* «ребёнок», *палыхчы* «рыбак», *аал* «деревня», *үгредіг* «учёба», *нымырха* «яйцо» и т. д. *Күлчүк минің не сөзім исче, пасказынаң ол ырахтынох тисче. Абанахнаң Коланы пу харахнаң көрбинче* (Птн, 50) – Кулчук слушается только меня, от других убегает издалека. **Ненавидит** Абанаха и Колу. *Оолахтар хоосхаларны пу харахнаң көрбинчелер* – Мальчики **ненавидят** кошек. *Кізілер дее аны пу харахнаң көрбинчелер, хыстар «чыстыг Тоёң» ат пир салтырлар* – И люди ненавидят его, девушки прозвали его «вонючий Тоён».

Объектом ненависти при **хырт көр**- «испытывать ненависть, неприязнь к кому-либо; букв. смотреть враждебно, раздражённо» могут быть только одушевлённые имена, например, *килген кізі* «приезжий», *адай* «собака», *садыгчы* «продавец» и т. д. *Хабан-Кешке пайларны хырт көрче* – Хабан-Кешке **ненавидит** богачей. *Олар Жанатастагы олганнарны нога-да хырт көрчеңнер* – Они почему-то **ненавидели** детей из Жанатаса. *Кирек хомай, Хыйлаг нанчы, прайзы пісті хырт көрчелер. Хомай хабарлар истілчелер* (П, 23) – Дела плохи, друг Хыйлаг, нас все

ненавидят. Плохие новости слышны. *Федор Павлович позын хырт көрчеткеннерін сизін салған* (Ба, 264) – Федор Павлович заметил, что его здесь **ненавидят.** *Ол Хапыңның родынаң хачаннаң ыырлығ, оларны хырт көредір* (Ба, 53) – Он издавна враждует с родом Хапына, **ненавидит** их. Однако нами обнаружен один пример, где в качестве объекта при **хырт көр-** выступает существительное с абстрактным значением: *Ноға сірер чуртазыңарны іди хырт көрчезер?* (Ит, 153) – Почему вы так **ненавидите** [свою] жизнь?

На наш взгляд, фразеологизм **пу харахнаң көрбе-** «ненавидеть; букв. этими глазами не видеть», в отличие от **хырт көр-** «испытывать ненависть, неприязнь к кому-либо; букв. смотреть враждебно, раздражённо», обозначает более насыщенную, напряжённую эмоцию ненависти, и субъект ненавидящий при нём более открыто выражает свою ненависть. В семантике ФЕ **хырт көр-** «испытывать ненависть, неприязнь к кому-либо; букв. смотреть враждебно, раздражённо» частично сохраняется перцептивный признак, соответственно, ненависть, выражаемый им, может быть скрытной.

Значение ненависти может передаваться также сравнительными оборотами. В хакасском языковом сознании *адай* «собака» ассоциируется с отрицательными эмоциями: злостью, раздражённостью, ненавистью. Глагол **адайлан-**, образованный при помощи глаголообразующего аффикса **-ла-** и аффикса возвратного залога **-н-**, имеет экспрессивное значение «злиться; гневаться». Образное сравнение *адай чілі көр-* «ненавидеть; букв. смотреть как собака» предусматривает сочетание злости и ненависти: *Сураp даа ізестіг кізі чоғыл, прайлары піссер адайлар чілі көрчелер* (П, 40) – Даже надёжного человека нет, у кого можно всё распросить, все **смотрят на нас как собаки, т. е. ненавидят.**

Как известно, в тюркском мировидении эмоции и чувства ассоциативно связаны с внутренними органами. «С сердцем ассоциируются самые разные эмоции и переживания (страдание, любовь, тоска, радость и др.). Связь других внутренних органов и эмоций более избирательна: с легкими ассоциируются злость и раздражение, с нутром – злость и зависть, с печенью – страдание, тоска» [Чертыкова, 2014, с. 200]. Также мы можем утверждать, что глаза ассоциативно связаны с ненавистью. Как показал анализ нашего материала, понятие «ненависть» представляет собой многослойную модель лексической системы не только тюркских

языков (см. примеры из русского и хантыйского языков). Данная модель выстраивается из различных негативных эмоций, формирующих чувство ненависти, на которую ассоциативно накладывается зрительный аспект и базируется на фразеологическом уровне. Как известно, фразеологическая картина мира наиболее ярко и чётко отражает национальный дух и обобщённый ментальный опыт конкретного народа. Получается, что в тюркском мире чувство ненависти передаётся через зрительные образы, которые, в целом, классифицируются в два типа: «нет желания смотреть» и «плохо смотреть». Мы предполагаем, что факт соотношения «взгляд – ненависть» объясняется тем, что ненависть, как результат сформировавшегося внутреннего негативного чувства, переходит на зрительный уровень. Тем самым зрительный процесс и враждебное отношение к кому-либо образуют единый взаимопроникающий и дополняющий друг друга лингвокультурологическую стратификацию, запечатлённую во фразеологических единицах. При этом хакасский язык, как и другие тюркские языки, не располагает лексико-семантическим разнообразием обозначений ненависти, так же, как и противопоставленному ей чувству любви.

2.6. ВЫРАЖЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ВЕРА» И «ДОСТОВЕРНОСТЬ» СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЗРИТЕЛЬНОГО КОДА

Одним из ключевых концептуальных составляющих в духовной жизни и мировоззренческой позиции человека является *вера*. Несомненно, концептуальная модель «когда увижу – поверю» является одной из самых значительных во всех культурах, поскольку она соседствует с такими важными для сообщества понятиями, как *истина* и *ложь*, *достоверность*, *ценность*, значимость которых также является следствием человеческого восприятия. Как мы уже отмечали, в хакасском языке наиболее частотной глагольной единицей, олицетворяющей зрительное восприятие, является глагол **көр-**, семантическая структура которого в ХРС представлена так: «**көрерге** /**көр-**/ 1) видеть, обладать зрением; 2) смотреть, глядеть, воспринимать зрением *что-л.*, глядеть на *что-л.*; 3) присматривать, ухаживать за *кем-л.*; 4) испытывать, переносить, терпеть, переживать *что-л.*; 5) сознавать, понимать *что-л.*; 6) находить,

считать кем-/чем-л., принимать за кого-л.; 7) в качестве вспомогательного глагола обозначает, что действие совершается для пробы; 8) вводное слово, (выражает иронию): *кõриңердек се* вы посмотрите-ка на него; 9) вводное слово (обозначает источник высказываемой мысли); 10) в функции вспомогательного глагола» [ХРС, 2006, с. 205–206]. Как видим, семантическая структура данного глагола достаточно широка, однако нас интересует лишь значение «2) смотреть, глядеть, воспринимать зрением *что-л.*, глядеть на *что-л.*». Отметим, что глагол **кõр-** — один из немногих многозначных в группе глаголов со значением восприятия. Остальные глаголы этого ряда, как правило, однозначны: их семантика не расширяется за пределы семантической зоны восприятия. Отмечаются и синонимы глагола **кõр-: хара-** «пристально смотреть по сторонам; выглядывать, обозревать *что-л.*», **харахсын-** «1) высматривать *что-л.*, находящееся вдали; 2) обозревать, озиаться вокруг», **пахла-** «1) заглядывать через *что-л.* (окно, дырку т. д.); 2) выглядывать из-за *чего-л.* (из-за дома, забора и т. д.)», **харахта-** «зырять; смотреть в одном направлении, зорко, пристально», **хылчаңна-** «оглядываться по сторонам, поворачивая голову (чаще назад)». Однако перечисленные глаголы не употребляются в сочетании с основным выразителем процесса (явления) веры **киртiн-** «1) надеяться на *кого-л.*; 2) верить в *кого-л.*, во *что-л.*, доверять *кому-л.*, *чему-л.*; 3) убеждаться, уверяться в *чем-л.*» [ХРС, 2006, с. 172]. Когнитивное содержание данного глагола соответствует семантической парадигме русского глагола *верить*, значение которого определяется как: «иметь твёрдую уверенность, не требующую никаких доказательств, быть убеждённым в чём-либо; вполне доверять».

Ю. Д. Апресян подчеркивает основные существенные черты в семантике данного глагола: «1) в нём отражен принципиально путативный (не фактивный) характер процесса, названного глаголом *верить*; 2) в нём отражена иррациональность *веры*: субъект веры не знает, почему он так считает; 3) в нём отражена эмоциональность и волевое начало *веры*: человек считает, что Р, потому что он хочет, чтобы было Р» [Апресян, 1995, с. 49].

Визуальное восприятие обычно сопровождается интерпретацией и осмыслением увиденного, поскольку «психика в целом детерминирована культурой, влияющей на психический мир человека» [Колесов, 2009, с. 10]. Когнитивный характер данного процесса ложится в основу сис-

темности языковой актуализации. В языке эта особенность восприятия выражается в приёмах построения и развёртывания коммуникации (контекста), с помощью которых передаётся содержание поля зрения субъекта и процесс его мысленной интерпретации, ср. *увидев, поверить* или *увидев, не поверить*. Результатом сближения (совпадения) результата зрительного восприятия (**кёр**- «смотреть; видеть») и понятия «вера» (**киртін**- «верить») в одном контексте является субъективное осмысление увиденного на предмет его достоверности. Семантика глагола **киртін**- «верить» передаёт, в целом, положительное (доверительное) отношение к определённому объекту (или событию), основанное на уверенности субъекта в его надёжности, достоверности, искренности и, соответственно, честности и добросовестности.

Как показал наш фактический материал, при взаимодействии зрительного восприятия и понятий «достоверность» и «вера» в хакасском языке возможны три семантико-когнитивных членения ситуаций (контекстов):

1) «созерцание ↔ достоверность, придающая уверенность субъекту». Денотативная ситуация включает некоего субъекта, объект созерцания и чувство уверенности (или веры) как результат ментальной интерпретации увиденного. Какие-либо качества воспринятого объекта служат неким импульсом к желаемым событиям, что позволяет субъекту смотреть в будущее с надеждой и уверенностью (субъект верит, что наступит благополучное будущее). *Иртенинде муңар тогысчылар, хызыл флагтыг крейсери кёр салып, революция чиңеріне уламох киртиніп настааннар* (Тс, 36) – Наутро, когда тысячи рабочих **увидели** красный флаг на крейсере, они ещё больше **стали верить** в победу революции. В таких конструкциях обычно глагол **кёр**- замыкает придаточную часть предложения в форме деепричастия на **-іп**, а объект восприятия выражается его описанием в форме вин. п. (**-ны/-ні**): *Амгы чииттєрні кёріп, киртинчєм: таңдагы кўнібіс туыстыг полар* – **Глядя** на сегодняшнюю молодёжь, **верю**, что [наш] завтрашний день будет достойным.

Процесс одновременности и параллельности процессов отражается в использовании глаголов **кёр**- «смотреть; видеть» и **киртін**- «верить» в одном контексте. Когнитивная особенность рассмотренной ситуации заключается в том, что зрительное восприятие субъекта служит предпосылкой для приобретения или укрепления его веры.

Возможны и случаи «якобы отрицания» веры: увиденное своими глазами негативное событие способствует потере веры в будущее. *Ол, ол саста чатчатхан інектің пұлес харахтарын көр салып, паза тур поларына киртінмеен* – Он, **увидев** мутные глаза коровы, лежащей на болоте, **не верил**, что она сможет встать.

«Якобы отрицание» веры может следовать и за оценкой (говорящим) субъекта действия как несопоставимого с определёнными качествами. При этом само действие может оцениваться говорящим как положительно, так и отрицательно. *Палгаан, хоостан тіккен, ағастаң кирткен нимелерні көрзең, кинек кізі иткен тіп киртінминчезің* (Хч, 8) – Когда **видишь** красиво вышитые и вырезанные из дерева вещи, **не веришь**, что всё это сделал человек-инвалид. *Ниме дее тізіннер, че мин киртінминчем синің андағ хомай кирек ит салғаныңа* – Пусть хоть что говорят, но я никогда **не поверю**, что ты мог это [такое, т. е. нехорошее действие] совершить!;

2) «созерцание ↔ вера субъекта в реальную действительность». Субъект верит лишь в то, что видит своими глазами, т. е. только собственный взгляд выступает регулятором надёжности и убеждения в истинности происходящего. Типичным маркером в подобных высказываниях является сочетание типа *пос хараанаң көрерге* – видеть своими глазами.

Кізі тылаасты иссе, тың на киртінминче, че пос хараанаң көрзе, ізеніс халбинча (Ат, 43) – Когда человек слышит какую-либо весть (слухи), **не совсем верит**, а **когда увидит своими глазами**, то не остаётся никаких сомнений. *Апсах, оолахтың ұс плинезін алып алып, тосханча азыранып алған – позым хараанаң көргем* (Хл, 6) – Старик, взяв три блина мальчика, наелся досыта – [я] **видел своими глазами**. Говорящий использует выражение *пос хараанаң көр-* «видеть своими глазами» для убеждения слушателей в истинности и достоверности происходящего.

В конструкциях с глаголом **киртін-** «верить» объект, выраженный именем в дат. п.: (напр., *сөстерге* «словам», *нымахтарға* «сказкам», *газеталарға* «газетам», *кізілерге* «людям» и т. д.), представляет собирательный образ информационной действительности с пространственно-временными и субъективными компонентами. Он может составлять оппозицию объекту, выраженному лексемой *харах(тар)* «глаз(а)», олицетворяющей способность субъекта видеть происходящее своими глазами, и приобретающей статус достоверности. Смысл таких предложений со-

стоит в следующем: говорящий как бы сомневается в истинности получаемой информации, поэтому он хочет всё увидеть своими глазами. *Урунганнарның сөстөрине киртінме, поэзияның на харахтарыңа киртін чөр* (Ат, 105) – **Не верь словам** каждого встречного, **верь** только своим **глазам**. *Поэым көрдім, киртіндім, үзөлең не мындаг чоон, пик агасты толгабысчаттырлар* (Хл, 56) – Сам **видел, поверил**, оказывается, они только втроем выкручивают такое толстое, крепкое дерево. Как видим, в подобных случаях только увиденное своими глазами может иметь статус достоверности, приравненной к реальному существованию процесса или явления.

Актуальный смысл последующих контекстов заключается в том, что отсутствие веры (неверие) в происходящее может устраняться позитивным давлением зрительного восприятия. *Киртінмезеңер, анаң көрөргөзөр* (Ит, 135) – **Если не верите**, то потом сами **увидите**. *Сынап-сынап, абыс килген. Магаа киртінминчетсең, пар, поэң көрп ал* – Правда, правда, приехал священник. **Если мне не веришь**, иди, **посмотри** сам.

Отрицательная коннотация «веры» в глаголе **киртін-** обозначается аффиксом отрицания **-мин**. Таким образом, можно выделить ещё одну особенность когнитивного взаимодействия глаголов **киртін-** «верить» и **көр-** «смотреть; видеть»: зрительное восприятие субъекта может быть доказательством (аргументом в пользу) приобретения веры в то, что ситуация совершилась (она реальна, действительна);

3) «созерцание ↔ «отрицание» действительности». Если в рассмотренных случаях орган зрения (глаза) был имплицирован, в основном, в глаголе **көр-** «смотреть; видеть», то здесь глаза представляются как второй участник ситуации. Денотативная ситуация заключается в том, что субъект отрицает существование факта (или наличие информации), предоставленного информатором (глазами): *Көрче, хараана киртінминче: соганын пага тудынып одырча* (То, 22) – **Смотрит, глазам** [своим] **не верит**: его стрелу держит лягушка. *Ап-арыг ідіс-хамысты көрп, поэбыстың хараана киртінминчебіс* (То, 41) – **Увидев** чистую посуду, [мы] **не верим** [своим] **глазам**.

Рассматриваемое выражение соответствует ФЕ: *глазам своим не верю*, и, скорее всего, возникло под влиянием русского языка. Но в хакасском варианте обычно **харах** «глаз; глаза» стоит в ед. ч. (если речь идёт об одном человеке). Это слово может использоваться во мн. ч., если мно-

го субъектов: *Харахтарына постары даа киртінминчеткен осхастар* (Ит, 174) – Кажется, они и сами не верят [своим] **глазам**.

Подобные предложения – высказывания порождаются в ситуациях, когда субъект находится в замешательстве (в удивлении) перед неожиданно представшей перед глазами картиной действительности. При этом он может испытывать как положительную (радость, восторг и т. д.), так и отрицательную (горечь, страх, возмущение и т. д.) эмоции. Часто структура таких предложений включает подчинительную часть, описывающую картину, вызвавшую у субъекта определённую эмоцию. Подобную реакцию у субъекта может вызвать:

а) долгожданное событие, поскольку он уже привык к его отсутствию: *Позым харагына киртінминчем: тура нүкүлезінең тимде* (Кч, 32) – **Не верю своим глазам**: дом полностью готов;

б) неожиданное и выходящее за рамки привычного хода вещей событие: *Пастап хараама даа киртінминчеткем – хайди тамырлары даа чох, хуруз салаада чуртас пар полган* (Кх, 36) – [Я] сначала [своим] **глазам не верил**: как может теплиться жизнь в засохшей веточке, у которой нет даже и корней. В контекстах орган зрения **харах(тар)** «глаз(а)» подвергается процессу метафоризации: на подсознательном уровне происходит образная перцепция.

В некоторых контекстах лексема **харах** «глаз; глаза» может заменяться глаголом **кёр-** «смотреть; видеть»: *Көрчөм, нёбс олар... мин киртінминчем* (То, 39) – **Смотрю**, неужели они... **Я не верю**.

Ввиду того, что субъект может находиться в состоянии замешательства (неожиданности, сильного удивления, возмущения и т. д.) непродолжительное время, то процесс «якобы неверия» в увиденное событие также может быть кратковременным. Эмоция, переживаемая при «якобы неверии» живому созерцанию, предполагает наличие внешних проявлений: крики, жестикуляции, смех... Полнота восприятия субъектом подобных событий зависит от яркости ощущений, интенсивности переживаемого чувства. В структуре рассмотренной ситуации говорящий выражает своё удивление увиденным через отрицание верифицируемой пропозиции.

Таким образом, выявленные и рассмотренные нами три семантико-когнитивных типа взаимодействия зрительного восприятия и понятий «вера», и «достоверность» представляют собой фрагмент хакасского ми-

ровидения. Данный факт отражается в языке, представляя описанные когнитивные модели. Если говорить о качестве веры, основанной зрительным восприятием, то она определяется как «достоверность», «глубокая убеждённость» и «твёрдая уверенность в *ком-/чём-л.*». В результате живого созерцания некоторых событий субъект также может «отрицать» их право на существование. Выражение *хараама киртинминчем* «глазам [своим] не верю» является псевдо-неверием или псевдо-отрицанием веры, поскольку такой процесс «якобы неверия» в увиденное событие или явление обычно бывает кратковременным и не обозначает неверие как таковое, а, скорее всего, выражает сильное удивление, поражение субъекта увиденным. В жизнедеятельности человека восприятие различных явлений окружающего мира в полном многообразии их форм, качеств и свойств играет одну из важнейших ролей, выполняя ориентирующую и регулирующую функцию в интеллектуальном, эмоциональном и речевом поведении индивида. В хакасском языке на уровне ментальных моделей и речевых образцов закреплена ведущая роль зрительного восприятия. Более того, доверие своим глазам перерастает в достоверность и веру как одну из основных психологических доминант в человеке, как одну из ключевых составляющих духовной жизни и мировоззрения человека.

ГЛАВА III.

ЗРЕНИЕ И СЛУХ КАК ДОМИНИРУЮЩИЙ ТИП ВОСПРИЯТИЯ?

3.1. ГЛАГОЛЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ СЛУХОВОГО ВОСПРИЯТИЯ

Глаголы слухового восприятия по важности представления в системе восприятия и частотности в употреблении занимают второе место после глаголов зрительного восприятия. Как и для всех глаголов восприятия, глаголам слухового восприятия свойственны семы избирательности и субъективного восприятия действительности. Глаголы слухового восприятия в своей семантике описывают две ситуации: «ситуацию восприятия и ситуацию возникновения / существования воспринимаемого звука. Таким образом, предложение, обозначающее получение информации с помощью слуха, строится на основе двух пропозиций. Первая относится непосредственно к ситуации восприятия. Вторая вводится перцептивным модусом и отражает факт наличия звуковой информации» [Кашкин, 2008]. В семантике глаголов слухового восприятия присутствует сема внешнего звукового события (действия), фиксированного слухом, т. е. в данном случае наблюдаем сочетание звуковой информации и процесса восприятия.

В широком понимании глаголы слухового восприятия можно соотнести с глаголами звучания, номинирующих взаимозависимость физического звукового события и слухового ощущения. *Хазаазар парирьт, сизінзе, ўртўнде кізілер сагбаланчалар* (Х, 4) – Когда [он] шёл в стайку, **заметил какие-то звуки** (букв. давали о себе знать люди) со стороны огорода. «*Кемдір анда?!*» *Табызының яңызы хайзы-хайзы чирге тараан* (Хч, 182) – «Кто там?!» Эхо [его] **голоса доносилось далеко**. В семантике глаголов звучания доминирует указание на звуковое событие, которое интерпретируется с позиции субъекта восприятия. При воздействии какого-либо шума или звучания, субъект испытывает определённые ощущения, на основе чего он даёт характеристики и оценки данному событию.

В хакасском языке общекатегориальную сему «воспринимать что-л. при помощи слуха» актуализируют глаголы: **ис-** «слушать, слышать», **тыңна-** «внимательно слушать; прислушиваться; подслушивать», **ух-** «диалект. слушать». Данную подгруппу возглавляет наиболее частотный

глагол **ис-**. ХРС отмечает лишь 2 значения этого глагола: «1) слушать, слышать *кого-что-л.*; 2) слушаться *кого-л.*» [ХРС, 2006, с. 137]. Также, как и глаголы со значением зрительного восприятия **кӧр-** «смотреть, видеть» и **харахсын-** «1) высматривать *что-л.*, находящееся вдали; 2) обозревать, озиаться вокруг», в рассматриваемой подгруппе образуются семантическая корреляция по семе пассивного и активного восприятия в семантике глаголов **ис-** «слышать, слушать» и **тыңна-** «внимательно слушать; прислушиваться; подслушивать». *Хараа тасхар сыхсам, сарын истілче* (Х, 12) – Когда ночью вышел на улицу, было **слышно**, где-то поют. *Ўлгү сини, сөзің истіпчем* (Хч, 175) – Власть твоя. **Слушаю**, что скажешь (*букв.* [твоё] слово). *Оларның хайзылары книга, газета хыгырчалар, радио тыңнапчалар, паза пасхалары шахмат, тобит ойнапчалар, стенгазета хыринда турып, ниме-де үзүрчелер* (Хч, 184) – Некоторые из них читают книги, журналы, **слушают** радио (*букв. прислушиваются*), а другие играют в шахматы, тобит, обсуждают что-то, стоя возле стенгазеты.

Первичный ЛСВ глагола **ис-** «слушать, слышать» выражает ситуацию неактивного, нецеленаправленного слухового восприятия. *Алыг кизінің хулаа ниме исте чогыл, хараа ниме кӧре чогыл* (погов.) – Уши глупого ничего **не слышат**, глаза ничего не видят. *Хайди испинчезің, инезі, пасхаңыл чон тол килді...* (Чкч, 246) – Как же ты **не слышишь**, мать, чужих людей собралось много. Однако в зависимости от контекста данный глагол может выражать и целенаправленный процесс, когда субъект восприятия активен и стремится преодолеть слуховые препятствия. Ситуативные свойства перцептивного события – невозможность реализации перцептивной способности, или какие-либо препятствия в получении речевой информации – осуществляются при помощи отрицательного аффикса **-бин-**: *Хулаам тун парды, чоохтаан чоогыңны пір дее истіп полбинчам, – тидір Түлгү* (Хл, 37) – [Мои] уши оглохли, я совсем **не слышу** [*букв. не могу слышать*] то, что ты говоришь, – говорит Лиса.

Целенаправленность действия данному глаголу может обеспечивать его сочетаемость с лексемами усилительной семантики типа **ситкіп** «внимательно»: *Профессорның докладын прайзы ситкіп искен* – Все **внимательно** слушали доклад профессора. *Оолаам, мінің чоогымны ситкіп истіп ал, чир дее ундуба* (По, 248) – [Мой] мальчик, **внимательно** послушай то, что я скажу, никогда не забывай. *Оол-хыстар улугларның чоохтарын ситкіп исчеңнер паза толдырцаңнар* (Хч, 3) –

Молодёжь **внимательно** слушала наказания старших и исполняла их. Как видим, деепричастие **ситкiп** соответствует русскому наречию *внимательно*. О сочетаемости данного наречия с целенаправленными глаголами восприятия Л. М. Васильев пишет, что она «обусловлена наличием в их семантике волевого компонента: внимание – это, прежде всего, сосредоточение органов чувств и осязания на объекте восприятия» [Васильев, 1981, с. 69].

В разговорной речи для усиления и направленности действия могут применяться и наречия **матап** «очень, сильно», **хайдадар** «сильно». Глагол **тыңна-** «1) внимательно слушать; прислушиваться; 2) подслушивать» выражает активное целенаправленное действие субъекта во внешние источники, его семантика маркирована следующими тремя основными признаками: активность, целенаправленность, отсубъектная направленность. *İki хулахнаң тыңнааны саарсых хулахтаң артых полар, ікі аймах тілні пілгені чуртас пілерге оой полар* (М. Кильчицаков) – **Подслушивать** двумя ушами легче, чем одним ухом, если знаешь два разных языка, будет легче познавать жизнь. *Аал пазынаң көг истілче* – С окраины деревни **слышна** песня. Часто обозначение целенаправленности действия глагола **тыңна-** подкрепляется его сочетанием с деепричастием **ситкiп** «внимательно; букв. внимая» или наречием **сиргек** «внимательно»: *Олғаннараның чоогын ситкiп тыңнапчалар* – Дети **внимательно** слушают его рассказ. *Иди чоохтап, Саасхан Көктерні ситкiп харапчатхан* (Т, 37) – Саасхан, продолжая свой рассказ, **внимательно** разглядывал Коктера. *Ол хой турчатхан туюх хазааны паза хойларны ситкiп көрглеен* (Тко, 68) – Он **внимательно** разглядывал кошару и овец. *Апсахтың полган на сөзін сиргек тыңнапча* (Ат, 209) – **Внимает** каждому слову старика.

Глагол **ис-** «слушать, слышать» часто используется в вопросительной форме, тем самым говорящий хочет убедиться (удостовериться), что его действительно слушали. По его мнению, то, что он говорит, является важной информацией для слушающих: *Сіпер Михайнаң мында халыңар. Истер бе?* (Хл, 97) – Вы с Михаем оставайтесь здесь. [Вы] **слышали?** *Аарлар чапсыныбыстырлар... Сапхланма, чоо сабызарзың. Амох туразар кір. Истiпчезің ме?* (П, 47) – Пчёлы напали... Не отмахивайся, а то убьёшь. Срочно заходи домой. **Слышишь?**

Глагол **ис-** также выражает наличие / обладание способностью субъекта к слуховому восприятию и исключает сочетаемость с позицией объекта. В данном ЛСВ глагол **ис-** выполняет роль не глагола-действия, а глагола-характеристики: *Апсах исче* – Старик **слышит** или *Апсах хомай/чахсы исче* – Старик плохо/хорошо **слышит**. *Иссең* – хулаанда, *көрзең* – харааңда (погов.) – соотв. русскому **глух** и нем (букв. если слышал – в ушах, если видел – в глазах). Сравнительный анализ показывает, что глагол **ис-** характеризует субъекта как обладающего способностью слышать. Семантика глагола **тыңна-** исключает его употребление в подобной роли.

Малочисленность глаголов слухового восприятия покрывается способностью глагола **ис-** реализоваться в таких аналитических образованиях, как **ис сал-** «услышать» со значением внезапного получения каких-либо сведений из внешней среды, **истіп ал-** «послушать» со значением исчерпанности действия и **ис хал-** «успеть услышать». *Хаңзазын чырладып ала, туразар кір париганда, хыстарның сыбыхтаза түскеннерін ис халган* (Чх, 23) – Когда [он], закуривая свою трубку заходил в дом, **услышал**, как девушки зашушукались.

Переносные неперцептивные значения глагола **ис-** выявляются в его сочетательных возможностях. Значение «слушаться *кого-л.*» обеспечивается сочетанием глагола **ис-** с существительным **чоох** «1) рассказ; 2) разговор». *Таис минің чоогым исче* – Таис меня **слушается** [букв. слушает мой разговор]. Если позиция объекта заполняется зависимым предложением со связкой **тіп**, то глагол **ис-** имеет значение «знать о *ком-чём-л.* по слухам, т. е. слышать много раз». *Харатастаң имчі килген тіп искем* – [Я] **слышал, что** из Черногорска врач приехал. *Мының алнында Олегтеңер исчең ол. Чоохтасчаңнар, чахсы хоосчы тіп* (Т, 129) – Раньше он **слышал** об Олеге. Поговаривали, что он хороший художник.

Глагол **ух-** *шорск.* имеет три ЛСВ «1) понимать; 2) догадываться; 3) слышать». В ЛСВ «понимать» и «догадываться» данный глагол относится к категории ментальных глаголов. *Улугларның чоохтарын олғаннарға угарға чарабас* – Детям нельзя **слушать** взрослые разговоры. У нас мало примеров на употребление данного глагола.

Глаголы слухового восприятия соотносятся с глаголами звучания: глаголы звучания обозначают процесс звучания, а глаголы слухового

восприятия – восприятие субъектом этих звуков, их объектную позицию занимают названия звуков и их источников.

Итак, рассмотрены три глагола со значением слухового восприятия. Наиболее частотным является глагол **ис-** «слышать, слушать», его различные аспектуальные значения выражаются сложными глаголами **ис сал-** «услышать», **истіп ал-** «послушать» и **ис хал-** «успеть услышать». Глагол **тыңна-** «1) внимательно слушать; прислушиваться; 2) подслушивать» выражает активное целенаправленное действие субъекта во внешние источники. Глагол **ух-** в ЛСВ «слышать, слушать» является принадлежностью шорского диалекта.

3.2. БАЗОВЫЕ ГЛАГОЛЫ СО ЗНАЧЕНИЯМИ ЗРИТЕЛЬНОГО И СЛУХОВОГО ВОСПРИЯТИЯ

Глаголы со значением восприятия (или перцептивные глаголы) в хакасском языке, особенно базовые, имеют общетюркское происхождение. Как и в других тюркских языках, хакасский глагол **көр-** «смотреть, видеть», в силу своей частотности, выражает как прямые, так и переносные (неперцептивные) значения: «1) видеть; обладать зрением; 2) смотреть, глядеть, воспринимать зрением *что-л.*; 3) присматривать, ухаживать за кем-л.; 4) испытывать, переносить, претерпевать, переживать *что-л.*; 5) сознавать, понимать *что-л.*; 6) находить, считать кем-л., чем-л., принимать за кого-л.; 7) в качестве вспомогательного глагола обозначает, что действие совершается для пробы; 8) вводное слово (выражает иронию); *көріңердек се аны* посмотрите-ка на него; 9) вводное слово (обозначает источник высказываемой мысли; *мин көргенде* на мой взгляд» [ХРС, 2006, с. 205–206]. Однако в Древнетюркском словаре его семантика представлена несколько иначе: 1) видеть, смотреть [...]; 2) повиноваться, подчиняться [...]; 3) испытывать, иметь [...]; 4) слушать, воспринимать [...]; 5) загадывать [...]; 6) *в знач. служ. глаг.* [...] [ДТС, 1969, с. 317]. Этимология этого слова и его связь со словом **көз** «глаз» вызывает активный интерес лингвистов. А. А. Юлдашев пишет, что глагол **көр-** обнаруживает несомненную этимологическую связь с общетюркским словом **көз** «глаз», сопоставление с которым делает возможным усмотреть в нем корень **кө** и формант **-р**, представленный также и в татарском **үкер-** «мы-

чать», «выть» (ср. **үгез** «бык») и других образованиях. При таком предположении и соответствующий фонетический вариант -з в словах **көз** и **үгез** приходится рассматривать как формант [Юлдашев, 1961, с. 300]. По мнению Б. И. Татаринцева, «тюрк. глаг. **көр-** «смотреть» может быть интерпретирован так и как форма побуд. залога от указ. основы *кө-, образованная с помощью форманта -р-. Эта форма конкурирующая по отношению к *көз, которая и была затем вытеснена көр- из активного употребления» [ЭСТУВЯ, 2004, с. 248].

По данным других тюркско-русских словарей, рассматриваемый глагол имеет идентичные с хакасскими ЛСВ глагола **көр-**, например, тувинский глагол **көөр-** /**көр-** [TPC, 1968, с. 183–184], якутский **көр-** [ЯРС, 1972, с. 180] и кыргызский **көр-** [KPC, 1985, с. 427–428] и др. Семантическое содержание алтайского варианта глагола **көр-** также имеет те же самые ЛСВ, но, в отличие от названных, он может выражать просьбу: «**угуп көр-** пожалуйста, послушай; **куучындажып көр-** попробуй поговорить» [APC, 2018, с. 381]».

ХРС даёт лишь два значения хакасского глагола **ис-**: «1) слушать, слышать *кого-что-л.*; 2) слушаться *кого-л.*» [ХРС, 2006, с. 137]. В различных соответствующих фонетических вариантах этот глагол используется в других тюркских языках, например, башк.: **ишетеу** «слышать»; туркм.: **эшит-** «слышать»; як.: **иһит-** «слышать» и др. Формально похожий глагол зафиксирован в Древнетюркском словаре: **ešit-** слышать: *bu sabimîn eđgüti ešid* слушай хорошо эти мои слова (КТм2) □ Ср. **ešit-** II. [ДТС, 1969, с. 185]; **ešit-** II слышать: *qulaq ešitsä köñül bilir* если услышит ухо, сердце узнает (МК I, 211); *ešitgil biliglig negü dep ajur* послушай, что говорят знающие (ЮгС, 129); *qur isirsar ögrünçü sav ešitür* если [мышь] прокусит пояс, [человек] услышит радостную весть (USp 42 26) [ДТС, 1969, с. 185].

Однако в сибирских тюркских языках лексическая представленность базового глагола слухового восприятия неоднозначная. В тувинском языке базовым глаголом со значением слуха является **дыңнаар-** «слышать»: слушать несов. 1. *кого-что* **дыңнаар**, **дыңнаалаар**; ~ть радио радио **дыңнаар**; 2. *что*, юр. **көөр**, **дыңнаар**; ~ть дело в суде **херекти судка көөр**; 3. *что* (проходить курс) **дыңнаар**, **өөренир**, **эртер**; ~ть лекции лекция **дыңнаар**; 4. *кого-что* (следовать чьим-л. указаниям, советам) **дыңнаар**, **эдерер**, **аайындан эртпес**; {... } [PTC, 2015, с. 541]. Аналогичная ситуа-

ция в тофаларском языке: слышать **дыцнаар (тыцнаар)** [ТРПТС, 2005, с. 264]. Хакасский аналог данного глагола **тыцна-** имеет более узкое значение «внимательно слушать; прислушиваться; подслушивать». Тувинский, тофаларский и другие тюркские языки в качестве базового глагола слухового восприятия используют древний корень монгольских языков **dulg / dulh* «слышать». Вероятно, фонетическая вариация в виде *dung / dyng* уводит в сторону выражения семантики «слышать шум, опознавать громкий шум». Дальнейшее фонетическое развитие приводит к возникновению лексем современных тюркских и монгольских языков (ср. монг.: *dungeneh* «шуметь, глухо греметь»).

В алтайском языке хакасскому глаголу **ис-** «слышать» соответствует **угар-** «слышать», подтверждением чему является словарная статья из Русско-алтайского словаря: **слу́шать** *несов.* 1. *кого-что* и *без доп.* угар (ук-); **слушать радио** радио угар; **слушать музыку** күү угуп турар; 2. *что* угар; **слушать дело в суде** керекти јаргыда угар; 3. *что (изучать что-л., посещая курс лекций)* угар; **слушать курс высшей математики** бийик математиканын курсын угар; 4. *кого-что (следовать чьим-л. советам)* угар; **слушать воспитателя** таскадаачыны угуп турар; ♦ **слушай** уксаң да [РАС, 2016, с. 570]. Хакаское лексическая параллель данного глагола – **угарга /ух-/**, он многозначен и принадлежит исключительно шорскому диалекту хакасского языка: «... 1) *шор.* понимать *что-л.*; догадываться о *чём-л.*; см. **онарарга**; *чоогың ух полбадым* а) [я] не понял, о чём ты говоришь; б) [я] не могу догадаться о чём идёт речь; 2) слушать; слышать; *пир ниме ухпадым* [я] ничего не слышал; *ухсаң* [ты] слушай, пожалуйста; 3) слушаться; *сёс ухпас* непослушный» [ХРС, 2006, с. 712]. Аналогичная лексико-семантическая ситуация в шорском языке: **ук-** «1) слушать, слышать; 2) слушаться: *Парчын темде ааң сөзин укча* – Он всегда слушается его» [ШРиРШС, 1993, с. 58]. Данный факт лексического совпадения объясняется тем, что представители шорского диалекта хакасского языка являются выходцами из Горной Шории, в связи с чем «словарный состав шорского диалекта характеризуется наличием большого количества диалектизмов, отсутствующих в хакасском литературном языке и его диалектах» [Межекова, 1973, с. 65].

Как показывает словарная статья хакасского базового глагола восприятия **кёр-** «смотреть, видеть», он имеет обширную семантику, дифференциальные компоненты которой обусловлены взаимосвязанностью

процесса с социальным, ментальным и другими сферами жизнедеятельности человека. Однако семантический и словообразовательный потенциал глагола *ис-* «слышать» почти не выходит за пределы слухового восприятия. К данным глаголам свойственна характеристика различия русских глаголов *смотреть* и *слышать*, сформулированная Е. В. Падучевой: «... видение начинается с того, что взгляд уходит от Экспериента к Перцепту (Стимулу), а слышать концептуализирует ситуацию таким образом, что звук приходит к Экспериенту от Источнику. Отсюда разная интерпретация обстоятельства места; при глаголе зрительного восприятия оно указывает положение Экспериента, для слухового – место Перцепта / Источника» [Падучева, 2004, с. 232]. Подобное содержание семантико-грамматической категории этих глаголов опирается на данные, полученные перцептивным путём.

Развитие ментальных и когнитивных смыслов у базовых глаголов зрительного восприятия отмечается многими лингвистами [Арутюнова, 1989; Рамазанова, 2011; Каксин, 2018 и др.]. «Воспринимая мир, человек его «прочитывает», т. е. получает неизмеримо больше информации, чем та, которая предопределена перцепцией. Видимый мир полон скрытого значения, образуемого нашими опытными и теоретическими знаниями, пониманием механизмов жизни, интуицией, неотчётливыми представлениями» [Арутюнова, 1989, с. 18–19]. В связи с данным явлением в языковой реализации вторичных значений многозначных перцептивных лексем сема «воспринимать органом чувств» стирается, или уходит на задний план, вследствие чего актуализируется смешение с другими ментальными, эмоциональными и другими полями.

Императивный дискурс глаголов зрительного и слухового восприятия в рамках данного направления представляет интересный объект для рассмотрения, поскольку использование говорящим данных глаголов является непосредственной открытой формой осуществления воздействия на адресата в коммуникативном акте. Для реализации речевого воздействия в различных языках обычно используется повелительное наклонение. Использование в коммуникативной ситуации императивных форм базовых глаголов зрительного и слухового восприятия в русском языке *смотреть* и *слышать* также актуализирует воздействие на адресата в разной степени настойчивости. «По сути дела только формы 2-го л. ед. ч. типа *пой* (НСВ), *спой* (СВ) и мн. ч. типа *пойте* (НСВ) и *спойте*

(СВ), которые обозначают, что исполнителем действия является слушающий (адресат) или слушающие (адресаты), безоговорочно включаются в императивную парадигму всеми русистами» [Храковский, 1990, с. 189]. Между тем императивный потенциал глаголов во всех языках, в том числе и в хакасском, характеризуется разнообразием грамматических и содержательных интерпретаций.

3.3. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В СЕМАНТИКЕ ГЛАГОЛОВ

КӖР- «СМОТРЕТЬ; ВИДЕТЬ» И ИС- «СЛЫШАТЬ»

Наиболее употребительными формами воздействия на адресата глагола **кӖр-** «смотреть, видеть» является использование в слитном написании побудительной частицы **-дек**, которая соответствует русскому «-ка, ну-ка»: *дай-ка, посмотри-ка, послушай-ка* и т. д. В Грамматике хакасского языка отмечается, что эта частица «употребляется при смягчённом приказании или настойчивой просьбе» [ГХЯ, 1975, с. 250]. Например, *Столда чатхан киндені магаа агыл пирдек – Принеси-ка* мне книгу, которая лежит на столе. *Килдек пеер – Иди-ка* сюда. *Минің наа кӱгегеимни кӱрдек – Посмотри-ка* на моё новое платье. Однако совершенно иное структурно-семантическое применение регламентируют выражения *кӱрдек (се) аны...* «посмотри-ка на него...», *кӱрӱңердек (се) аны* «посмотрите-ка на него...». В словарной статье глагола **кӖр-** восьмым пунктом указывается, что данный глагол может использоваться и как «вводное слово (выражает иронию); *кӱрӱңердек се аны* «посмотрите-ка на него» [ХРС, 2006, с. 206]. Как показывает анализ материала, данное выражение может сопровождать высказывания с ироничным, шутливым содержанием, например: *Изен, Иразан! Курортта полгазың ма? Кӱрдек аны, наахтары хайди тозын парган. Аринча танычаа даа чоҕыл* (П, 47) – Здравствуй, Иразан! В курорте был, что ли? **Посмотри-ка** на него, как щёки округлились. Даже и не узнать. Однако выражение *кӱрдек аны* в качестве вводного предложения может сопровождать высказывания, характерные и для других ситуаций, иногда противоположных ироничному: *Кӱрдек аны, ниме сагынып алган? Син мині хыйалга сух полбассың, тик чирдең* (Х, 51) – Смотри-ка, что он задумал. Нет, ты не сможешь очернить меня.

Иногда выражение *кӱрдек аны* может вводить предложения с оценочно-характеризующим содержанием: *Кӱрдек аны, угаа мирген нандырды, че анаң чи, хайди полғаннар?* (П, 53) – **Посмотри-ка на него**, как точно ответил. А дальше что было? *Кӱрдек аны, аба ла чӱли орланча. Тохта, амох парим* (П, 46) – **Посмотри-ка на него**, орёт как медведь. Подожди, иду. – *Кӱрдек мунаан айнаны! Хаарған сыннаңох тискін чӱр полар!* – *иней, инек тастаңаң кӱрчегін тудына сыгара ойлаан* (Хч, 195) –

Качинский диалект: *Кӱрзіне зе аны! Чабал мылтиина кӱделен тур полбас па за, – садыра сырайли кіріскен* (Хч, 174).

Говорящий обычно использует выражение *кӱрдек аны...* в присутствии свидетелей, с повышенной интонацией для привлечения их внимания. Но такие конструкции не следует рассматривать как непосредственное обращение к присутствующим (конкретным или обобщённым адресатам), поскольку говорящий не ожидает от них ответной реакции. Наиболее актуальным здесь является выражение характеристики и оценки определённого социативного объекта. А семантика одобрения или негативного утверждения (осуждения) подобных высказываний определяется контекстом.

Если же глагол *кӱрдек* «посмотри-ка» используется без сочетания с местоимением *аны* «его / её; на него / на неё», то выступает в своём прямом значении: *Орамай-ага, кӱрбістек, аар чыдазы наагымда халған полбазын* (П, 48) – Дядя Орамай, **посмотри-ка**, как бы на [моей] щеке не осталось жало пчелы. *Кӱрбізіңердек амды аны, тадар кӱгенегін кизібіскенде* (Т, 15) – **Посмотрите** сейчас на неё, когда она одела хакасское платье. Подобные примеры относятся к категории смягчённого побуждения – просьбы, в которых понятие статуса говорящего и адресата нейтрализуется.

Следует подчеркнуть, что семантическая структура глагола *ис-* «слышать» почти не располагает выражениями типа *истек аны / истіңердек аны* «послушай его / её; послушайте его / её». Возможны лишь конструкции типа: *Истек аны, ниме ол чоохтанча – Послушай-ка* его, что он говорит. *Истек пеер, харындас...* – **Послушай**, брат...

Использование глагола *кӱр-* «смотреть, видеть» без побудительной частицы *-дек*, но также в качестве вводной конструкции и в формате речи говорящего показывает иную семантико-структурную модель. Это конструкции со значениями предостережения кого-либо или опасения в ка-

кой-либо ситуации со стороны говорящего: ***Көр**, орайлат салдың – Смотри*, не опоздай. Н. И. Михайлова отмечает, что в подобных конструкциях с глаголами **көр**- «смотреть» и **тоқта**- «ждать» в шорском языке наблюдается ослабление императивного значения. «Никто не побуждает в этих конструкциях смотреть или ждать, императив от глаголов **көр**- и **тоқта**- служит средством концентрации внимания адресата на последующей фразе. Пример: ***Көр**, машина алтынга кирпардын! – Смотри*, не попади под машину!» [Михайлова, 1997, с. 14–15]. Поскольку такие конструкции выходят за рамки императива, автор, вслед за В. И. Рассадным, считает выделить её в особое наклонение – превентив (предостерегательное или опасительное наклонение) [Михайлова, 1997, с. 16]. Значение предостережения и опасения в подобных конструкциях дают аффикс совершенного вида, личный аффикс и иногда аффикс отрицания в структуре основного глагола: ***Көр**, сосха огородах кир пар-ба-зын (паа) – Смотри*, как бы свинья не проникла в огород. – *Полысчың сыгара сүрібісті. Киліскенче сөкпелче, оғызар тіпче, – кумы мөнек чоохтанган. – Көр, пісті искірібіспезін* (X, 6) – [Твой] помощник выгнал нас. Как только не обзывает нас, говорит, что мы воры, – грустно сказал [его] кум. – ***Смотри***, как бы не донёс на нас.

Также глаголом **көр**- «смотреть, видеть» выражается строгий и настойчивый наказ с оттенком категоричности. Говорящий рассчитывает на беспрекословное выполнение своего наказа со стороны адресата: ***Көр**, аны айаба* (Хл, 17) – ***Смотри***, не жалея его. ***Көр**, ибдең ырах ойлаба! – Смотри*, не убегай далеко от дома. ***Көр**, чახсы үгрен! – Смотри*, учись хорошо. ***Көр**, астап чөрбе – Смотри*, не голодай. В таких императивных конструкциях глагол **көр**- «смотреть, видеть» теряет свое основное визуальное значение и служит для усиления внимания адресата. Дополнительным оттенком таких высказываний является также интонация, рассчитанная на то, чтоб заставить адресата обратить особое внимание на положение дел и помнить об этом. Важной особенностью рассматриваемых реплик – предостережений, наставлений и наказов является также возможность несовпадения социальных статусов говорящего, как заинтересованного лица, и адресата, а также их близкие взаимоотношения. Только невербальный более высокий ранг и жизненный опыт говорящего может диктовать подобный более строгий и предостерегающий тон общения. Также в семантике глагола **көр**- «смотреть, видеть» содержится

оттенок заинтересованности говорящего в благополучном исходе ситуации, чему может способствовать близость взаимоотношений с адресатом. С помощью использования глагола **көр-** «смотреть, видеть», как сигнала, требующего беспрекословного выполнения, говорящий также рассчитывает действовать на сознание адресата. Однако презуппозиция таких конструкций не предусматривает реакцию адресата на эти наказания и наставления. Императивная форма данного глагола, как и других глаголов в тюркских языках, имеет нулевой показатель и совпадает с основой **көр-** «смотреть, видеть».

В использовании говорящим глагола **көр-** в качестве вводного слова также важно наличие временного аффикса, что определённо влияет на его семантику. Глагол **көр-** «смотреть, видеть» с аффиксом настоящего времени **-че-** и аффиксом второго лица в ед. или мн. числе (*көрчезің / көрчезер*) вводит конструкцию, описывающую перцептивную ситуацию или факт, являющийся достоверным убеждающим аргументом говорящего в своей правоте. По мнению говорящего, описание ситуации является эффективным убеждающим адресата средством: *Көрчезің, кізө, кізее хайди киліс парча. Сын оңдайнаң Соян сині сағирға кирек полған, син, тізең, аны сағыпчазың* (П, 33) – **Видишь**, зять, как в жизни получается. На самом деле Соян должен был ждать тебя, а сейчас ты его ждёшь. *Көрчезер, хайдаг чахсы* (П, 25) – **Видите**, как хорошо. *Көрчезің, піс синнең харибге хада кірербіс* (П, 34) – **Видишь**, мы с тобой вместе пойдём в тюрьму. *Я, пастых! Көрчезің, Абалыг холны хайди хубулдырыбысхын, танычаа даа чоғыл. Телефон, радио, ам, тізең, тайға өтіре чол нүдірче* (П, 47) – Да, начальник! **Видишь**, как поменял облик Медвежьего лога, даже и не узнать. Телефон, радио, сейчас строит дорогу сквозь тайгу. Между тем особенность подобных описываемых ситуаций, которых говорящий представляет как объективный мотив истинности и правоты, заключается в субъективно интерпретируемой перцепции. В действительности же факты объективной реальности разными людьми могут восприниматься по-разному.

Использование говорящим в коммуникативном акте глагола **ис-** «слушать» в настоящем времени как убеждающего средства встречается реже: *Ам даа кірліг сөстерге кірлетчем – исчезің* (Р, 39) – Меня до сих пор обзывают грязными словами – [сам] **слышишь**. *Позың исчезің, хайди Гриша адына махтанча* – Сам **слышишь**, как Гриша хвастает [своим]

конём. Неравномерное соотношение использования рассматриваемых глаголов объясняется тем, что словесный перцептивный образ является лишь составляющим элементом субъективного образования. В едином развёрнутом пространстве визуальной ситуации, предоставляемым субъектом речи, чаще не акцентируются словесные факты интерпретируемой бытийности.

Глагол **көр-** «смотреть, видеть» с аффиксом будущего времени и аффиксом первого лица мн. ч. (*көрөргіс*) выражает ожидание результата некой ситуации с оттенком уверенности исхода ситуации в свою пользу.

Хызирке: *Истерзің ме, Адайах, мин ырлап пирим?*

Адайах: *Син олох мин чили ырлап полбассың.*

Таначах: *Көрөргіс, ырла, Хызирке* (П, 8) –

Хызирке: Адайах, хочешь послушать как я пою?

Адайах: Ты всё-равно не сможешь петь, как я.

Таначах: **Посмотрим**, пой, Хызирке.

Піс ам даа көрөргістөр, кем хуу сөök салдырын! Кем чаг сорарын! (П, 15) – Мы ещё **посмотрим**, кто будет глотать кость, а кто будет сосать сало. *Күлініп одырзың...* – *Көрөргіс, көрөргіс, – өтіг табыснаң нандырған Анна* (Хч, 184) – **Посмотрим, посмотрим**, – звонким голосом ответила Анна. В систему значений глагола *көрөргіс* «посмотрим» включается симметризация действий «здесь и сейчас» и «что из этого выйдет». Также в семантике данного глагола имплицитно содержится оттенок угрозы и предупреждения, т. е. говорящий готов ответить на нежелательные действия противника. Тем самым в семантике глагола *көрөргіс* «посмотрим» имплицуруется уверенность говорящего, что ситуация находится под его контролем.

Глагол **көр-** «смотреть, видеть» часто выступает в роли вспомогательного глагола и выражает значение «попробовать»: *Андаг, андаг, ат саларга... көр көрөргіс. Хачан өдірерге харасчалар?* (П, 36) – Так, так, пристрелить... **посмотрим**. Когда хотят убить? *Күлін-чезиң... Хысхыда көр көрем, хайди соох турада күлінерзің* – Улыбаешься... Зимой **посмотрю**, как будешь улыбаться в холодном доме. Мы предполагаем, что в отличие от *көрөргіс* «посмотрим» семантика сложного глагола *көр көрөргіс* «посмотрим; букв. попробуем посмотреть» выражает меньшую долю уверенности субъекта в своих действиях. Данный глагол часто используется в диалогической речи, но в другом аспекте. Если на какие-либо просьбы

или предложения следует ответ *көр көрербіс* «посмотрим» или *көр көрем* «посмотрю», то по сути он означает сомнение и неготовность говорящего выполнить желания собеседника. В хакасском речевом этикете такой ответ может звучать из-за боязни обидеть отказом просящего. Впоследствии же невыполнение просьбы оправдывается тем, что говорящий не давал обещание её выполнить.

В случае функционирования глагола **көр-** «смотреть, видеть» с аффиксом будущего времени, второго лица ед. или мн. числа, в его семантике превалирует оттенок ожидания результата описываемой ситуации. *Ниме полар аннаңар, поэң көрерзің* (Хл, 17) – А что дальше будет, сам увидишь. *Көрерзің, ханзар сыйых чох парза, ниме поларын* (Хл, 13) – **Посмотришь**, что будет, если к царю пойдёшь без подарка. В подобных конструкциях говорящий предлагает адресату роль наблюдателя будущего действия.

Глаголы **көр-** «смотреть, видеть» и **ис-** «слышать» часто употребляются в форме призывов к зрительному и слуховому восприятию. Использование в контекстах обращений типа *көріңер!* «смотрите!» и *истіңер!* «слушайте!» (чаще – в публичной речи) является важным средством воздействия на адресата и мотивируется желанием говорящего вынудить его перестроить своё коммуникативное поведение. *Арғыстар! Харындас – туңмалар! Ікі азахтыг нүүрлерні көрбеен ползаңар, көріп алыңар, паза даа көрерге киліспес* (П, 44) – Друзья! Братья и сёстры! Если вы не видели двуногих волков, **посмотрите**, больше не придётся их видеть. *Чახсы истіңер, пу Сойанның ыры* (П, 25) – **Слушайте** хорошо, это песня Сойана. *Ис, хайдаг ол. Чүгүрчең атты пілібөкчеттір* (П, с. 38) – Слушай, какой он. Коня-скакуна **тоже знает, оказывается**. *Ис, Лора, мал-хусты Романның көзіне азыраба! Килер-килбестең, мал көп хыстатча тіп, настыхтарга хоптан чөрче* (Х, 27) – **Слушай**, Лора, ты не корми скотину при Романе. [Он] недавно только пришёл, а уже жалуется начальнику, что мы оставляем на зимовку много скота. *Истіңер, настакы чоогым, – тіпче: «өдізім төлепчем, өдіске пирчем, чилге пирібөкчем, чикке пирібөкчем» – теені нимедір?* (Хл, 33) – **Слушайте**, моя первая загадка, – говорит, – что это значит: «[я] плачу по долгам, даю в долг и ветру тоже даю».

Руководствуясь желанием более эффективного воздействия на собеседника и акцентирования его внимания, говорящий может уточнять,

слушает ли он: *Чахсынаң парбазаң, чабалнаң сүрербін, **истіпчезің ме?*** (П, 7) – Если по-хорошему не уйдёшь, прогоню по-плохому, **слышишь?** ***Истіпчезер бе**, нименең чыстанча? Ах чазаа толдыра малыбыс аңның азығы полар кұн полар* (П, 21) – **Слышите**, чем пахнет? Скоро [наш] скот, который полон в степи, станет пищей для зверей. ***Истіпчезер бе, хыстар, ол олаңай ла хартыға полбас*** (П, 11) – **Слышите**, девушки, он, наверно, непростой ястреб. *Нанчылар, **истіңер бе**, хайди чойланча* (П, 15) – Друзья, [вы] **слышали**, как врёт? ***Истіпчезің ме, прай чон синнең тоғыр?*** (П, 15) – [Ты] **слышишь**, весь народ против тебя?

Помимо вопроса-уточнения, одним из приёмов усиления воздействия на собеседника является повтор некоторых слов и словосочетаний из предыдущего предложения как подчёркивание данной части, на которую должен обратить внимание собеседник. По мнению говорящего, повторяемые слова наиболее значимы для восприятия собеседника. *Сісернің чахсыңарны хаңан даа **ундубаспын**, аарлығларым. Истіпчезің ме, Хызамас, **ундубаспын*** (П, 32) – Вашу доброту никогда **не забуду**, [мои] дорогие. Слышишь, Хызамас, **не забуду**. *Хара харағым суглығда, хара пазым хыйын түскелекте, пісті **пір деє кізі** чар полбас. Истіпчезің ме, **пір деє кізі!*** (П, 17) – Пока [мои] глаза смотрят (*букв.* влажные), пока я жив (*букв.* пока [моя] чёрная голова не упала), нас не сможет разлучить **ни один человек**. Слышишь, **ни один человек!**

Анализ примеров фактического материала с глаголами **көр-** «смотреть, видеть» и **ис-** «слушать» подтверждает, что коммуникативный акт – это «процесс двусторонний: порождение текста, то есть говорение и восприятие / понимание услышанного» [Зникина, Седых, 2018, с. 40]. В целом, на наш взгляд, почти все эти смысловые оттенки семантики глаголов **көр-** «смотреть, видеть» и **ис-** «слушать» в большей или меньшей мере связаны с понятием «речевое воздействие на адресата», которое в лингвистике является общепризнанным отдельным направлением [Желтухина, 2004; Каксин, 2017; Тарасов, 1990 и др.]. В рассмотренных нами конструкциях говорящий в целях более эффективного донесения информации до собеседника использует механизм «речь – способность зрительного и слухового восприятия», который часто переходит в императивный формат воздействия на адресата. Соотношение грамматических и содержательных компонентов в семантической структуре глагола **көр-** «смотреть, видеть» систематизируется в синтаксических конструкциях,

передающих оценочно-характеризующие высказывания со стороны говорящего (*кёрдек аны...* «посмотрите-ка на него / на неё...»). Как вводное слово данный глагол формирует конструкции, выражающие опасение, предостережение от негативной ситуации; наказ с оттенком категоричности; угрозу и предупреждение о том, что говорящий готов ответить на нежелательные действия противника. Раскрытие соответствующих грамматических и содержательных форм в структуре глагола **ис-** «слушать» нами не зафиксировано. Однако значительно реже, чем глагол **кёр-** «смотреть, видеть», он может вводить конструкцию, описывающую перцептивную ситуацию или факт, являющийся достоверным убеждающим аргументом говорящего в своей правоте. Наиболее часто глаголы **кёр-** «смотреть, видеть» и **ис-** «слышать» часто употребляются в форме призывов к зрительному и слуховому восприятию. Таким образом, рассмотренные базовые перцептивные глаголы хакасского языка, как и в других языках, представляют собой лексико-грамматическую парадигму, как динамичное образование семантических, ассоциативных и когнитивных переплетений.

ГЛАВА IV. ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ЛСГ ПОЛЯ ГЛАГОЛОВ ВОСПРИЯТИЯ?

4.1. ЛСГ ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЯМИ КАСАНИЯ И ОСЯЗАНИЯ

4.1.1. Глаголы со значением касания

Известный философ М. Н. Эпштейн в своей работе «Философия тела» посвятил целый раздел такому понятию, как «хаптика», которая представляет собой науку об осязании и прикосновении, о коже, как органе восприятия и творчества, о тактильных формах деятельности и самовыражения [Философия тела, 2006, с. 16–39]. Автор пишет, что в иерархии пяти чувств осязание несправедливо ставится на последнее место, как «самое грубое и низменное...» [Философия тела, 2006, с. 22]. Однако при этом осязание является самым обиходным и привычным из всех чувств. «Мы можем закрыть глаза, уши, заткнуть нос, не брать ничего в рот, но мы не можем содрать с себя кожу. Мы постоянно осязаем свою одежду, а, раздевшись, осязаем поверхность, на которой стоим или лежим» [Философия тела, 2006, с. 19–20]. Исходя из сказанного, осязание следует понимать как первоначальный физический контакт с объектом, т. е. это тактильный, невербальный способ взаимодействия с объектом. Здесь следует разграничивать понятия «физическое действие» и «касание». В отличие от физического действия, «касание является лишь первой, предварительной и не главной фазой комплексного действия» [Крейдлиן, 2002, с. 423]. В разграничении глаголов касания и глаголов осязания хакасского языка мы следуем формулировкам Г. Е. Крейдлиן, исследовавшего русские лексические единицы с семантикой невербального социального акта. Автор считает главным смысловым инвариантом синонимического ряда глаголов касания ту ситуацию, когда «часть тела жестикулирующего (в нашей терминологии – рабочий орган; обычно это рука) в результате движения пришла в физический контакт (начала иметь контакт) с частью тела адресата или с некоторым материальным объектом» [Крейдлиן, 2002, с. 425]. Для глаголов осязания обязательным компонентом является «следующее за касанием движение, совершаемое с определённой целью» [Крейдлиן, 2002, с. 428]. В хакасском языке выяв-

лены следующие глаголы со значением касания: **тең-** «1) задевать, дотрагиваться, прикасаться, притрагиваться; 2) касаться, трогать», **сыйба-** «1) гладить; 2) ощупывать», **наарыл-** «1) задевать, опираться; 2) натываться», **урун-** «1) натолкнуться, наскочить, столкнуться; врезаться; 2) *перен.* встретить *кого-что-л.*». Действия, выражаемые этими глаголами, если они совершаются человеком, бывают преднамеренными и контролируемыми. *Нога піс пу столда чатхан чииске теңерге дее хорыхчабыс?* – Почему мы боимся даже **притронуться** к пище, которая лежит на столе? *Костя, тайахтарың тастабызып, сиденге наарылып тур салтыр* – Бросив свои костыли, Костя стоял, **опираясь** на забор. *Артыхха урунза, ағас киміреп* (погов.) соотв. русск. «Сколько бы веревочке ни **виться**...» [букв. Если встретит кого-нибудь, кто лучше его, то будет грызть палку].

Глаголы **тең-** и **наарыл-** часто обозначают и непреднамеренные действия, субъектом которого выступает нечеловек. *Салаалар көзенекке теңепчелер* – Ветки **задевают** окна. *Хойлар хазаага наарылза, өргеннер тыңырас турлар* (Ба, 12) – Когда овцы **натываются** на сарай, то колья позванивают.

Нецеленаправленные, случайные действия чаще выражаются аналитическими конструкциями с модификатором **пар-** «идти»: **тееп пар-** «задеть, задевать», **урун пар-** «1) натолкнуться, наскочить, столкнуться; врезаться; 2) *перен.* встретить *кого-что-л.*», **наарыл пар-** «наскочить, удариться, наткнуться». Сочетание глаголов **тең-**, **урун-**, **наарыл-** со вспомогательным глаголом **пар-** дает значение внезапности и однократности действия. Глагол **тең-**, сочетаясь со вспомогательным глаголом **пар-** «идти», принимает форму деепричастия – **тееп**, где при стечении двух гласных выпадает согласное **-ң-**. Субъектом нецеленаправленных, непреднамеренных действий чаще выступают неодушевленные предметы: *Мечик көзенекке тееп парып, анзы оодыл парған* – Мяч **задел** окно и оно разбилось.

При касании человека к объекту может служить инструментом (или орудием) не только рука, но и другие части тела. Значения глаголов **тең-** «1) задевать, дотрагиваться, прикасаться, притрагиваться; 2) касаться, трогать», **тееп пар-** «задеть, задевать» предполагают касание рукой или другими частями тела: **азахтаң** «ногой», **сығанахтаң** «локтем», **пастаң** «головой» и т. д. *Чиит иреннің өтіг харахтары паарсах хазағаннар иңгі*

кїзее, пірде аның **холлары** сылагай пилге уссанабас **тееп пар турган** – Выразительные глаза молодого человека с нескрываемым желанием смотрели на женщину, его **руки** невзначай **задевали** её хрупкие плечи. При глаголе **сыйба-** «1) гладить; 2) ощупывать» орудием действия бывает исключительно рука или пальцы. Вслед за Г. Е. Крейдлиным в семантике глаголов касания мы выделяем признак «сила контакта» [Крейдлин, 2002, с. 425]. Глаголам **тең-** «1) задевать, дотрагиваться, прикасаться, притрагиваться; 2) касаться, трогать», **тееп пар-** «задеть, задевать» и **сыйба-** «1) гладить; 2) ощупывать» свойственна сема «слабый контакт с объектом», т. е. сила касания здесь несущественная. Так же эти глаголы различаются признаком контролируемости: при глаголах **тең-** и **сыйба-** *Кетрин угаа тарыхпай полган, аннаңар мин агаа **тееп парарга** хорыххам* – Кетрин была очень раздражённой, поэтому я боялся её **задеть**. *Оолах агазынаң хости тізекке одырганда, апсах, аар холын чадап кōдіріп, аны пазынаң **сыйбастырған*** (Хл, 97) – Когда мальчик сел на колени рядом со [своим] дедом, старик, кое-как подняв свои тяжёлые руки, **гладил** его по голове. *Читі хыллыг чадығаным, ағыриин **теңзем** хылларыңа, тибіреп настир худым* (Т, 81) – Семиструнный [мой] чатхан, когда осторожно **прикоснусь** [твоих] струн, то шевельнётся [мой] дух. Однако в зависимости от семантики объекта при глаголе **тең-** «1) задевать, дотрагиваться, прикасаться, притрагиваться; 2) касаться, трогать» сила контакта может быть существенной, например, топором по голове или же бичом по кому-либо и др., как в примерах: *Позы, палтызын хаап алып, инейінің пазын сабарга хуластанча. Палтызы инейінің пазына **теңер** туста, Пүдүрчүң учугыбысхан, инейек, тізең, стол алтына пурли ла халган* (Хл, 37) – Сам, схватив топор, намеревается ударить старушку по голове. В тот момент, когда [его] топор должен был **коснуться** головы старушки, перепел отлетел, а старушка шмыгнула под стол. *Хамчының пір пазы магаа **теңзе**, паза пір пазы поэңарга **теер** теенім сын ма?* (Хч, 174) – Я правильно говорил, что если один конец бича **коснётся** меня, то другой его конец **коснётся** вас самих? *Теерпектернің рельске **теңені** паза хайзы боецтернің хорлааны истілче* (Хкч, 45) – Слышно, как стучат колёса об рельсы (букв. **прикосновение** колёс об рельсы) и храпы некоторых бойцов.

Действия, описываемые глаголами **наарыл-** «1) задевать, опираться; 2) наткаться», **урун-** «1) натолкнуться, наскочить, столкнуться; врезать-

ся; 2) *перен.* встретить *кого-что-л.*», **урун пар-** «1) натолкнуться, наско-
чить, столкнуться; врезаться; 2) *перен.* встретить *кого-что-л.*», **наарыл
пар-** «1) задеть, опереться; 2) наткнуться», производятся с применением
большой силы; при этом отдельные части тела не могут быть инструмен-
том действия. Некорректным было бы выражение: **азахтаң** «ногой»
(**холдаң** «рукой», **иннінең** «плечом» и т. д.) **урун-** «столкнуться» (**урун
пар-** «стукнуться, столкнуться», **наарыл-** «опираться», **наарыл пар-**
«наткнуться»). Однако возможны сочетания типа **пастаң урун-** (**урун
пар-**) «врезаться, (стукнуться) головой». Действия, обозначаемые этими
глаголами, совершаются при движении всего тела, если в роли субъекта
выступает человек. *Кичее ағам ізікке урун партыр* – [Мой] дед, оказыва-
ется, вчера **стукнулся** об дверь. Если же действие совершается неоду-
шевлённым предметом, то допускается наличие силы контакта с объек-
том, при этом возможны «некоторые изменения в объекте, причем эти
изменения, в случае если они, по мнению говорящего, портят объект,
нарушая его структуру или целостность, оцениваются говорящим отри-
цательно» [Крейдлин, 2002, с. 427]. *Көзенеке мячик тееп парып, оодыл
парған* – Мячик задел окно и окно разбилось. *Мин сағаа теңминчем.
Адыңнаң сурын, азааңны ол пасча* (Хч, 175) – Я тебя **не трогаю**. Умоляй
[свою] лошадь, она давит [твою] ногу.

Таким образом, рассмотрены четыре глагола со значением предна-
меренного, контролируемого касания (**тең-** «1) задевать, дотрагиваться,
прикасаться, притрагиваться; 2) касаться, трогать», **сыйба-** «1) гладить;
2) ощупывать», **наарыл-** «1) задевать, опираться; 2) натыкаться», **урун-**
«1) натолкнуться, наскочить, столкнуться; врезаться; 2) *перен.* встретить
кого-что-л.») и три сложных глагола со значением непреднамеренного
случайного касания (**тееп пар-** «задеть, задевать», **урун пар-** «1) натолк-
нуться, наскочить, столкнуться; врезаться; 2) *перен.* встретить *кого-что-л.*»,
наарыл пар- «наскочить, удариться, наткнуться»). Поскольку эти глаго-
лы соотносятся с материальным объектом, они редко развивают перенос-
ные значения, за исключением глагола **тең-** «задевать *чы-л.* чувства, ча-
стную жизнь *кого-л.*»: *Син минің хониима теңме* – Ты **не трогай** [мою]
семейную жизнь. *Че ол сөстөр дее, ол хайыг даа теңмееннер чиит
сұрунниг ипчинің көңніне* (Чкч, 131) – Но ни эти слова, ни это внимание не
задели душу моложавой женщины. *Че чааның салтары ам даа нинче чыл
кізілернің чүреене теңер* (Чкч, 218) – Но отголоски войны ещё долго бу-

дуг **касаться** людских сердец. *Магаа пасхалар чаргы ниместер, мин оортахти, магаа теңмеңер* (Т, 12) – Для меня другие – не судьи, я – в сторонке, меня **не трогайте**. *Сіреге теңбестер. Хорыг полып, иртін парза, мыннаң көзібізерер* (Хч, 182) – Вас **не тронут**. Когда вся эта смута уляжется, уедете отсюда.

Глагол **тең-** в разговорной речи чаще используется в значении «быть наказанным»: *Ол агырсынчатханына ылгирчы, че тидінминче, пілче, уламох тың теен парар* (Т, 22) – Он бы от боли заплакал, но не решается, знает, **попадёт** ещё больше. Глагол **урун-** часто используется в переносном ЛСВ «встретиться»: *Кем пілтір іди абанаң хамахтаң хамахха урунызарын* (Чкч, 197) – Кто знал, что так **встретимся** с медведем лоб в лоб.

4.1.2. Глаголы со значениями осязания

Теперь перейдем к глаголам со значением осязания. Г. Е. Крейдлин считает, что основной идеей и главной ассерцией в толковании глаголов осязания (или тактильных глаголов) является не вступление в контакт, а другая пропозиция, обозначающая реализацию желания и цели агенса обнаружить некие свойства осязаемого объекта [Крейдлин, 2002, с. 423–424]. Если при глаголах касания позицию субъекта могут заполнять как одушевлённые, так и неодушевлённые имена, то при глаголах осязания субъектом могут быть только одушевлённые имена, чаще люди. Действие осязания совершается обычно с целью познания объекта: потрогать, пощупать, погладить, чтобы определить его качества. На основании тактильного ощущения человек познаёт такие свойства объекта, как шершавый, гладкий, рыхлый, мягкий, твёрдый, скользкий и т. д.

В хакасском языке значение осязания дают аналитические конструкции с модификатором **көр-**, который теряет своё первоначальное значение «смотреть»; присоединяясь к деепричастию на **-ып**, выражает действие, которое совершается только с целью пробы, испытания [ГХЯ, 1975, с. 245]. Признаком того, что инструментом для осязательного восприятия могут служить руки, пальцы, ладони содержится в семантике глаголов: **теен көр-** «попробовать задеть, дотронуться, прикоснуться, притронуться; потрогать», **сыйбап көр-** «1) попробовать погладить; 2) пощупать», **тут көр-** «потрогать», **сас көр-** «попробовать толкнуть». Наличие этих

глаголов показывает, что процесс осязания предмета происходит в основном при помощи рук и пальцев. *Пістің мындағы арбузтарны сыйбап көрзе, хытыртпах пілдіртче* (Хч, 47) – Если **погладить** наши местные арбузы, они кажутся шероховатыми. *Нымзах киистерні сыйбап көріп, «о-о, турам олох!» көөрестіг ұн сығарыбысхан хыс кізі* (С, 26) – **Погладив** мягкие кошмы, девушка выдохнула с волнением «о-о, всё тот же мой дом!». Иногда инструментом осязания может служить нога, о чём свидетельствуют глаголы **пас көр-** «попробовать наступить», **тееп көр-** «попробовать пнуть», которые описывают процесс проверки поверхности чего-л. *Маңзыттыг хаалагнаң пас парып, чардыларны тееп көрген: аар полбиндырлар* (Хч, 38) – Подойдя быстрыми шагами, [он] **пнул** доски, они оказались не тяжёлыми. Здесь следует подчеркнуть омонимичность данного глагола и глагола **тееп көр-** «1) попробовать задеть, дотронуться, прикоснуться, притронуться; потрогать». Глагол **теп-** «пинать» при присоединении деепричастного аффикса **-іп-** принимает форму **тебіп** (между двумя гласными звук **п** озвончается и выпадает), в результате мы получаем деепричастную форму **тееп**. Глагол **наарыл көр-** «1) попробовать задеть, опереться; 2) наткнуться» передает осязание всем корпусом тела и при использовании определённой силы. Глагол **чыс көр-** «попробовать потереть» предполагает использование орудия действия, можно подтирать тряпкой, губкой, варежкой и т. д., при этом объект представляется как относительно широкая площадь касания. *Покроп апсахтың иңніне тудынып, час нуссар пас көргем* – Держась за плечи деда Покроп, я попробовал **наступить** на молодой лед.

Чтоб определить характер и свойства объекта или из чего он сделан, обычно недостаточно одноразового акта касания, поэтому субъект может совершать многократные поглаживающие, сжимающие или ощупывающие движения руками. Такой способ восприятия в хакасском языке передаётся грамматической категорией многократности действия при помощи аффикса **-хла/-кле-**: *Хойыг састарын ипти тутхлап, ипчі пос алынча сагынча*: – Йо, худай, хайдаг ниме түзелче! *Сагынарга даа аарыстыг*» (Т, 128–129) – **Притрагиваясь** к [своим] густым волосам, думает про себя: – О, боже, что же [мне] снится! Даже вспоминать стыдно. *Зинаның хойыг састарын сыйбаглап, хызыл ирнілерін охсанча оол* (Т, 132) – Парень, **поглаживая** густые волосы Зины, целует её в красные губы. *Огыр, төң озаринаң ас киліп, хураганнарны тутхлап, хаңаага таарлап*

сыхтыр (X, 17) – Этот вор, приехал из-за холмов, **хватая** ягнят, стал их грузить на [свою] телегу, [оказывается]. Как видим, последний пример показывает полисемантический характер глагола **тутхла-** «потрогать».

Сочетание с вспомогательным компонентом **кёр-** добавляет значение «попробовать»: **тутхлап кёр-** «попробовать потрогать, пощупать [множественно]», **тепклеп кёр-** «попробовать попинать (несколько раз)», **пасхлап кёр-** «попробовать понаступать (несколько раз)», **чысхлап кёр-** «попробовать подтереть [множественно]» и т. д.

Итак, мы рассмотрели глаголы, выражающие кратковременный физический контакт с объектом: семь глаголов касания и восемь глаголов осязания. Синтетические формы глаголов касания обозначают преднамеренное действие, а нецеленаправленные, случайные действия обычно передаются аналитической формой **-ып пар-**, (деепричастный аффикс **-ып** выпадает из структуры некоторых глаголов: **урун(ып) пар-, на-арыл(ып) пар-**). Глаголы осязания отличаются от глаголов касания выражением всегда целенаправленного действия с целью познания объекта. Значение осязания дают аналитические конструкции с модификатором **кёр-**. При глаголах осязания субъект всегда одушевлённый, в то время как при глаголах касания субъект может быть и неодушевлённым при совершении им непреднамеренного, случайного действия. Глаголы касания не относятся к ЛСГ глаголов восприятия, однако мы решили дать их описание совместно с глаголами осязания с целью провести грань в их значениях, которая представляется едва уловимой.

4.2. ЛСГ ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОБОНЯНИЯ

Обоняние, как психосоциальное явление, присуще всем живым существам и является одним из архаичных способов восприятия мира. Как пишет А. В. Дроботун, орган обоняния возникает на ранних стадиях развития животного мира и морфологически существует обособленно от органа вкуса уже у одноклеточных животных. Задолго до того, как развились и усовершенствовались зрение и слух, обоняние обеспечивало возможность поиска пищи, особей другого пола и врагов [Дроботун, 2006, с. 9]. К сказанному следует добавить, что обоняние и поныне является одним из главных факторов существования животного мира.

В 1991 году американские учёные Ричард Аксель (Richard Axel) и Линда Бак (Linda Buck) открыли принцип действия обонятельных рецепторов, за что получили Нобелевскую премию в области физиологии и медицины (<http://www.medicusamicus.com/index.php?action=3x640-6c-8c-13-14gx1>). Оказывается, в процессе обоняния, когда химические раздражители попадают в носоглотку и достигают рецепторов, участвуют около тысячи генов. Они, в свою очередь, посылают информацию в мозг, который её обрабатывает и обобщает. Таким образом, «человек различает примерно 10 000 запахов, а по оценкам учёных существует около 400 000 различных ароматов, большая часть из них – это «инфра-» и «ультра-ароматы», они лежат за пределами нашего восприятия. Но и те немногие запахи, что мы способны уловить, играют важную роль в нашей жизни: они воздействуют на самочувствие, способность к концентрации, на наше настроение, эмоции и т. д.» [Волков, 2004, с. 87–89]. По способу (или, можно сказать, по технологии) восприятия окружающего мира обоняние сближается со слухом: «обоняние – также чувство дистанционное – воспринимает свой предмет через распространение его частиц по воздуху и этим отчасти сходно со слухом» [Философия тела, 2006, с. 23].

Способность живых существ воспринимать запахи как одна из аспектов жизнедеятельности наиболее важна в животном мире. В рамках бытования человека запахи также значимы, хотя в меньшей степени, например, запах пищи – в доме, запах травы – на природе, запах краски – во время ремонта, запах цветов – в цветочном магазине, запах медикаментов – в больнице и т. д. Запахи бывают разные: с позиции человеческого восприятия они могут оцениваться по шкале «хороший – плохой»; «приятный – неприятный», «нравится – не нравится». А. В. Дроботун считает, что обонятельное восприятие человека зависит от эмоций, которые он в данный момент испытывает. Ольфакторные пристрастия и антипатии людей основаны на эмоциональных ассоциациях. Также обонятельные нормы могут оцениваться по-разному у разных народов как феномен культуры, например, в казачьем мире запахи мужского пота, коня, коровы и др. не характеризуются негативно [Дроботун, 2006, с. 8–9].

Одорическая лексика (или в широком смысле – разноуровневая лексика с общим значением обоняния) в сибирских тюркских языках пока остаётся неизученным фрагментом семантического поля перцептивной лексики. Только на материале хакасского языка она получила функцио-

нально-семантическое и когнитивное освещение в диссертационной работе автора [Чертыхова, 2016]. На материале же других языков исследования репрезентации перцептивных, в том числе одорических, лексических единиц ведутся уже давно с применением лингвокультурологических, функционально-семантических, структурных и других подходов [Котенева, 2006; Павлова, 2006; Галлерт, 2009 и др.].

В семантике одорической лексики присутствует указание на часть тела, как орудия восприятия – нос, функционирование которого обозначается лексемой *обоняние*. Значение слова *обоняние* в словарях русского языка определяется как «одно из пяти внешних чувств, способность к ощущению и распознаванию запахов» [ТСРЯ – Ушаков, онлайн-версия /<http://www.classes.ru/all-russian>]; ТСРЯ – Ожегов, Шведова, 2005].

Состав лексических средств, представляющих концепт «обоняние – запахи» в разных языках представлен неоднозначно в зависимости от семантико-когнитивного признака, положенного в основу данного понятия, и форм национального восприятия. Например, если в русском языке лексическое поле с признаком «запах» идентифицируются лексемами *аромат, вонь, нюханье, запах, смрад, благоухание, душистый* и др., то в хакасском языке все действующие лексемы имеют основу *чыс* «1) запах; 2) вонь». В древнетюркском языке данная лексема представлена таким образом: *jid* запах, аромат: *könilik özi bardı galdı jidi* сама справедливость ушла, остался запах её (QVK 3841) [ДТС, 1969, с. 264]. Похожая словоформа имеется в тофаларском и тувинском языках *чыт* «запах». В хакасском языке конкретизация «хорошего» или «плохого» запаха передаётся сочетанием лексемы *чыс* с характеризующими прилагательными: *чахсы* «хороший», *чабал* «плохой, противный», *хомай* «плохой», *тадылыг* «вкусный» и др. *Ниме тимнепчеткеннерин олган садына толдыра чайыл-чатхан татхынныг чыс хоостыра піліп аларга чарир* (Хабар, 2019, 30 янв. № 9, с. 6) – О том, что готовят еду можно было понять по **вкусному запаху**, распространившемуся по всему детскому саду. *Ит чызына саасхан-хусхуннар чылыс сыхханнар* (Хл, 36) – На **запах мяса** слетятся беркуты и сороки. В других тюркских языках хорошие и плохие запахи идентифицируются таким же образом, например, в тувинском языке: *чаагай чыт кээп тур* «приятно пахнет»; *сирень чыды кээп тур* «пахнет сиренью»; *чаагай чыттыг чечек* «пахучий цветок» [КРТС, 1994, с. 233]. В тофаларском языке имеются лексемы, производные от *чыт* «запах»,

которые можно отнести к категории охотничьей терминологии, например, *чытаа* «нос медведя»; *чыдыг* «охотничья собака»; *чытқар*- «пустить собаку по следу» [СТРиРТ, 2005, с. 122]. Также СТРиРТ демонстрирует специфическую особенность тофаларского языка – наличие глагола, выражающего конкретный запах: пахнуть (пахну, пахнет) (издавать запах) *чыдыыр*, *чытсыыр*; (лекарством) *эмсіір*; (древесиной) *нешсыыр*; (дымом) *ышсыыр*; (землёй) *черсіір*; (грибами) *чеъкпесіір*; (ягодами) *қатсыыр* [СТРиРТ, 2005, с. 230].

Словообразовательное гнездо древнетюркского слова *jīd* «запах, аромат» включает такие слова, как *jīdan* «испускающий запах, зловонный» (? Ruch II, 3146); *jīdi*- «пахнуть, испускать запах»: *iipardīn jīpar-oq jīdīr ol īdī* от мускуса исходит запах мускуса (QVK, 38515); *irin qan tōkūlūr tōzā jīdīrjur* гной и кровь текут, испускают все запахи (Ман, 164); ◇ *jīdi*- *sasī*- парн. дурно пахнуть (Uig III, 256) и др. [ДТС, 1969, с. 264]. Мы предполагаем, что развитие хакасского глагола **чыста-** (*čis-ta-*) «нюхать; вдыхать» и **чыстан-** (*čis-ta-n-*) «1) пахнуть; 2) вонять» от древнетюркского *jīdi*- произошло путём чередования первоначальных согласных *j* > *č* и срединных согласных *-d-* / *-s-* (с дальнейшим добавлением суффиксального элемента).

Как видим, хакасский язык обладает ограниченным потенциалом описания проявления и восприятия запахов. Есть только один корень *чыс* «1) запах; 2) вонь», остальные лексемы, описывающие запах и вонь, происходят от этого корня. Скудность лексических средств, манифестирующих понятие «запах», отмечает также Н. С. Павлова на материале немецкого языка, объясняя данный факт «исключительно чувственной, неосознаваемой и невидимой природой запаха». Также автор цитирует мнение О. А. Михайловой о том, что слова, в дефинициях которых отражена сема «запах», – это «очень небольшая в количественном отношении группа, вероятно, потому, что свойства объекта, воспринимаемые обонянием, не столь значимы для человека, как другие сенсительные свойства, в частности, зрительные и слуховые» [Михайлова, 1997, с. 202] [Павлова, 2004, с. 37].

Глагольная форма от *чыс* образуется при помощи глаголообразовательного аффикса **-та-**: **чыста-** «нюхать; вдыхать», который относится к категории глаголов, в семантике которых доминирует активный аспект восприятия и выражающих активное целенаправленное действие субъек-

та во внешние источники, как, напр., **тыңна-** «1) внимательно слушать; прислушиваться; 2) подслушивать», **харахсын-** «1) высматривать *что-л.*, находящееся вдали; 2) обозрывать, озираться вокруг». Субъект при этих глаголах, хоть и не совершает видимых физических действий, но прилагает некоторые усилия для активации своих способностей воспринимать ситуацию.

В сибирских тюркских языках также встречаем фонетические соответствия рассматриваемого глагола с общим значением «чувствовать запах», например, тув.: *чытаар, чыт тартар* [РТС, 2015, с. 311]; алт.: *јытаар (јыта-)* нюхать цветы *чечектерди јытаар*; ♦ пороку не нюхал (*не быть на войне, не воевать*) *јуулашпаган, јууда болбогон* [РАС, 2015, Ч. 1, 642]; шор.: *чыста-* «нюхать»; *чыстан-* «1) пахнуть; вонять» [ШРиРШС, 1993, с. 66]; тоф.: *чытсы-* [*чытсыыр*] «пахнуть (чем-л.)»; *читта-* [*чыттаар*] «нюхать, обнюхивать» [Рассадин, 2005, с. 124] и др. Кроме того, в тофаларском языке произошло сужение значения данного слова: *чытаа* [*чытаасы*] «нос медведя»; *чытқар-* [*чытқарар*] «пустить собаку по следу» [СТРиРТ, 2005, с. 124].

В хакасском языке имеются лишь два глагола – одоронима: глагол, репрезентирующий восприятие запаха, **чыста-** «нюхать; вдыхать» и глагол, репрезентирующий выделение запаха, **чыстан-** «1) пахнуть; 2) вонять», образованный путём присоединения к основе **чыста-** «нюхать; вдыхать» аффикса возвратного залога **-н-**. Первый глагол выражает целенаправленный процесс восприятия, например, *Карина сабын чызын чыстирга хынча* – Карина любит **вдыхать** запах мыла. Объектные номинации при глаголе **чыста-** «нюхать; вдыхать» часто обладают высоким прагматическим потенциалом, относящимся к эмоционально-чувственной сфере субъекта. Это могут быть лексические единицы, имеющие признак приятного запаха, например, *чахайахты чыстирга* «нюхать цветок», *наа сапхан отты чыстирга* «вдыхать запах свежескошенного сена», *час пала чызын чыстирга* «вдыхать запах младенца», *төрөөн чирниң көгілбей ызын чыстирга* «вдыхать голубой дым родной земли» и т. д. Обычно в роли субъекта выступает человек: *Пу чахсы, аарлыг духи, чыстан көрдек* (Ат, 41) – Это хорошие, дорогие духи, **понюхай-ка**. Как видим, объект при глаголе **чыста-** «нюхать; вдыхать» выражается лексемами, содержащими в своей структуре компонент «приятный для восприятия конкретного субъекта (человека) запах», при этом в различных

комбинациях восприятие тех или иных запахов может быть субъективным. Кроме того, описание целенаправленного вдыхания («нюхания») приятных запахов манифестируется с помощью вспомогательного глагола **хын-** «любить», например, *Чайгыда наңмыр соонда арыг киині чыстирга хынчам* – Люблю вдыхать свежий воздух после летнего дождя. *Апсаам минің духимні чыстирга хынадыр* – [Мой] муж любит нюхать мои духи. *Төрөөн аалымзар парзам, кирен чызын чыстирга хынадырбын* – Когда езжу в свою родную деревню, люблю вдыхать запах полыни. Проанализировав языковые данные, можно заключить, что человек активно использует своё обоняние только по отношению к «хорошим, приятным» запахам.

И поскольку в процессе активного восприятия запахов животные участвуют чаще, чем люди, в языковом выражении в позиции субъекта при глаголе **чыста-** «нюхать» выступают животные. Однако здесь нейтрализуется шкала оценки объекта восприятия: «хороший – плохой»; «приятный – неприятный», «нравится – не нравится». *Ат, ээзінің пөрішинең чыстап, суглугын на мычырада тайнады* – Лошадь, понюхав шапку хозяина, только [свою] узду пожевал с треском. *Сыын палазы хыймыри чоғыл, піреде ле, холымны чыстап, чалгап салча* – Детёныш марала не шевелится, только иногда, **принюхиваясь** к моей руке, облизывает её.

В хакасском языке по отношению к животным также активно действуют фразеосочетания **чыс тарт-** «нюхать; букв. притягивать запах» и **чыс хап-** «почувствовать запах; по запаху напасть на след; букв. схватить запах». *Адайагы, алны – кистінде ойлап чөрін, чыс тартып, тиин таап тирче одыр* (Хл, 105) – [Его] собачка, бегая вокруг него, **принюхиваясь**, находит белок, оказывается. *Харачул пазында адайлар киик палазының чызын тартханнар* (Чкч, 196) – В верховьях Чёрной речки собаки **почуяли** запах оленя. В конструкциях, формируемом фразеосочетанием **чыс тарт-** «нюхать; букв. притягивать запах», роль субъекта выполняет обычно широкий спектр имён – это наименования различных видов домашних и диких животных, более чувствительных к наличию различных запахов. А ФЕ **чыс хап-** «почувствовать запах; по запаху напасть на след; букв. схватить запах» обычно употребляется в отношении хищных животных и зверей, которые в охоте действуют, руководствуясь своим обонянием. *Пуүрлер, тохти түзін, хайбагынып, пазох ойлас сыхханнар*.

Анаң, чыс хаап алган чили, кинетин, таг озаринзар укүс салганнар – Волки, остановившись, стали озиаться по сторонам, затем побежали опять. Затем, как будто по запаху **обнаружив след**, неожиданно помчались через гору. Названные два фразеосочетания выражают процесс целенаправленного восприятия животными и зверями и реализуют такие общие дифференциальные компоненты своего значения, как «запах», «воспринимаемый объект» и «нос как средство / орудие восприятия». А семантике фразеосочетания **чыс хап**- «почувствовать запах; по запаху напасть на след; букв. схватить запах» помимо названных компонентов свойственны также «добыча», «неожиданность» и «готовность к действию».

Теперь переходим к глаголу **чыстан**- «1) пахнуть; 2) вонять». Это один из бытийных глаголов восприятия, в актантной структуре которого вместо субъекта присутствует экспериент или наблюдатель, «... обладающие способностью воспринимать и противопоставляющиеся объекту, который наделён силой воздействия на них» [Чертыхова, 2017, с. 175]. А также «... в предложениях экспериент (агенса) часто уходит из описания ситуации, а её главный участник, которому видно, слышно и чувствует запахи, синтаксически никак не выражен. Информация передаётся от имени говорящего (или, точнее, наблюдателя), который находится «за кадром» (термин Е. В. Падучевой) [Чертыхова, 2017, с. 175].

Как известно, в русском языке существуют глаголы *вонять*, объект которого издает «плохой» запах и *пахнуть*, *благоухать*, их объект – «хороший» запах. В хакасском языке действует лишь один глагол **чыстан**-, указывающий и на «хороший», и на «плохой» запахи. Определение источника от объекта «хорошего» или «плохого» запаха в конструкциях глагола **чыстан**- «1) пахнуть; 2) вонять» зависит от семантики того объекта, а также субъективно-эмоционального предрасположения к нему «воспринимателя» этого запаха. Конкретизация значения данного глагола зависит от качества запаха объекта: если объект выражен наименованием, предполагающим положительное восприятие, то в контексте глагола **чыстан**- реализует ЛСВ «пахнуть»; когда негативное восприятие – «вонять». *Ибичекте изиглеен иттең чыстанча* – В юрте **пахнет** копчёным мясом. *Тураа толдыра ачаан капустанаң чыстанча* – В доме **воняет** прокисшей капустой. В последних двух предложениях субъект – наблюдатель при глаголе **чыстан**- является пассивным воспринимаемелем запаха, находясь «за кадром», так же, как и при глаголе **көрін**- «смотреться»,

виднеться». Иногда субъект «вырисовывается» из актуального смысла контекста: *Мин чайгызын покоссар чӧрерге хынчам, анда арыг киш, наа сабылган отнаң чыстанча* – Я люблю летом ездить на покос, там свежий воздух, **пахнет** свежескошенной травой. Здесь нам становится ясным имя субъекта – *магаа* [чыстанча] «**мне** [пахнет]». Таким образом, в определении семантической структуры глагола **чыстан-** «1) пахнуть; 2) вонять» участвует оценочный критерий: «хороший / плохой»; «приятный / неприятный», «нравится / не нравится». В отношении хороших и приятных запахов данный глагол реализуется в лексико-семантическом варианте (ЛСВ) «пахнуть»: *халаснаң чыстанарга* «пахнуть хлебом», *сыбынаң чыстанарга* «пахнуть хвоей», *кофенең чыстанарга* «пахнуть кофе», *яблоконаң чыстанарга* «пахнуть яблоком», *имнең чыстанарга* «пахнуть лекарством» и т. д. А ЛСВ «вонять» глагола **чыстан-** выявляется при сочетании с такими лексемами, как например, *тозын* «пыль», *ачыл парган үгре* «прокисший суп», *чызаан яблах* «сгнившая картошка», *тир* «пот» и т. д. Значение «протухнуть и издавать зловонный запах» передаёт сложный глагол **чыстан пар-**, образованный сочетанием глагола **чыстан-** с вспомогательным глаголом **пар-** «идти»: – *Сыынны мындаг изіг чайгыда атып, идін хайдар идерзің, таңдох чыстан парар*, – *чоохтап пиргеннер ооллар агаа* (Хл, 113) – В такую жару, пристрелив лося, куда будешь девать [его] мясо, завтра же **протухнет** (и будет издавать зловонный запах), – сказали ему парни.

Достаточно часто оценочные реакции на запахи связаны с его субъективно-индивидуальным восприятием, при котором объект может пахнуть или вонять, например, *ыс* «дым», *палых* «рыба», *арага* «вино» и т. д.

В целом, наименования предметов, веществ, живых существ, обладающих свойством воздействия на обоняние человека или животных и зверей, эстетически организованы и принадлежат к тому пласту лексики, которая отражает взаимодействие человека с окружающим миром. Н. С. Павлова в статье «Конкретная лексика с семантическим компонентом «запах» (на материале толкового словаря немецкого языка DUDEN)» представила семантическую классификацию объектной лексики, содержащей и издающей запахи, в которую входят несколько подгрупп с наименованиями объектов растительного мира (трав, цветов, деревьев, плодов); кулинарных обозначений (блюда, специи, напитки, вина); веществ,

использующихся в парфюмерии и медицине, табачных изделий [Павлова, 2004, с. 39–40].

Оценочную информацию несут сопровождающие глагол **чыстан-** «1) пахнуть; 2) вонять» и наречия со значением качества-оценки: пахнуть хорошо, плохо, вкусно (*тадылыг чыстанарга* «вкусно пахнуть», *чабал чыстанарга* «вонять; букв. плохо пахнуть», *чахсы чыстанарга* «благоухать; букв. хорошо пахнуть» и др.). *Хачан-да пу чурт істінде чуртас хайнаан, песте пысчатхан аппагас халастар тадылыг чыстанганнар* (О, 49) – Когда-то в этом доме кипела жизнь, булочки из печки **издавали** вкусный запах. Интенсивность запаха описывается при помощи наречий: *угаа, най ла, тимер, хайдадар* с общим значением «сильно», а также *кѳмес, сали / саличек* с общим значением «слабо, слегка» и т. д. *Наа сапхан от хайдадар чыстанча* – Свежескошенная трава **пахнет сильно**. Специализированное значение «резко, дурно пахнуть» даёт сложный глагол **пура сап-**. Глагол **пура-** «испортиться, заплесневеть (чаще, о продуктах)» сочетается с вспомогательным глаголом **сап-** «ударить». *Оймахтаң ардаан теерілер чызы пура саапча* – Из ямы идёт **резкий, дурной запах** гниющих шкур. Глагол **пура сап-** в конструкции требует присутствия источника выделения запаха. Сложный глагол **пур пар-** (с аффиксом заглазного прошедшего времени -тыр-) обозначает «протухнуть»: *Уаг пур партыр* – Сало **протухло** (оказывается).

Как и в других языках, в хакасском языке описание какого-либо запаха часто передаётся через сравнение с более известным запахом другого объекта. В качестве слов-ориентиров применяются наиболее популярные в народе (или известные конкретному собеседнику) слова, в дефиниции которых имеются представления о более-менее определённом запахе, например, *кофеге тѳѳй чыстанча* «пахнет как кофе», *сиреньге тѳѳй чыстанча* «пахнет как сирень», *талган чілі чыстанча* «пахнет как талкан (хакасский национальный продукт)», *ирбен отха тѳѳй чыстанча* «пахнет как душичка» и т. д.

Важно отметить, что в любом языке сложно передать конкретную детальную характеристику и качество запаха, поскольку «и запах, и звук, и вкус имеют исключительно чувственную природу» [Павлова, 2004, с. 36]. В различных описательных комбинациях семантический компонент «запах» в семантике глагола **чыстан-** «1) пахнуть; 2) вонять» характеризуется с точки зрения: а) оценки «хороший / плохой»; «приятный /

неприятный», «нравится / не нравится»; б) интенсивности (сильно / слабо); в) субъективно-индивидуальным восприятием; г) сравнения со словами-ориентирами.

Таким образом, анализ семантико-когнитивных структур одорической лексики хакасского языка позволил нам выявить ряд новых закономерностей, учёт которых может способствовать дальнейшему описанию перцептивной лексики в хакасском и в других тюркских языках:

1) в хакасском языке семантическое гнездо лексики с общим значением «чувствовать запах» представляет ограниченное количество лексем с общим корнем *чыс* «1) запах; 2) вонь», по нашим сведениям, всего семь лексем;

2) глагол **чыста-** «нюхать; вдыхать» обозначает активное целенаправленное восприятие субъектом (человеком) каких-либо «хороших, приятных» запахов. Если же в позиции субъекта выступают животные, то оценочная шкала «хороший – плохой» в семантике данного глагола нейтрализуется;

3) в отношении животных и зверей обонятельный процесс выражается фразеосочетаниями **чыс тарт-** «нюхать; букв. притягивать запах» и **чыс хап-** «почувствовать запах; по запаху напасть на след; букв. схватить запах». Второе фразеосочетание в позиции субъекта предполагает хищного животного или зверя;

4) глагол **чыстан-** «1) пахнуть; 2) вонять» характеризуется с точки зрения: а) оценки «хороший / плохой»; «приятный / неприятный», «нравится / не нравится»; б) интенсивности (сильно / слабо); в) субъективно-индивидуальным восприятием; г) сравнения со словами – ориентирами. Позицию субъекта при этом глаголе всегда занимает человек (наблюдатель или эксперт);

5) в семантике сложных глаголов **пура сап-** «резко, дурно пахнуть», **пур пар-** «протухнуть» и **чыстан пар-** «протухнуть и издавать зловонный запах» содержится общий признак «резкий зловонный запах» и имеется указание на его источник.

4.3. ЛСГ ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ВКУСОВОГО ВОСПРИЯТИЯ

Вкусовые ощущения являются одним из пяти видов чувственных восприятий окружающего мира. В настоящее время его исследованием занимается относительно новое научное направление – физиология вкуса. «Механизм вкуса приводится в действие химическими веществами, содержащимися в пище и напитках. Химические частицы, собираясь во рту, превращаются в нервные импульсы, передающиеся по нервам в головной мозг, где они расшифровываются. Поверхность языка человека покрыта вкусовыми сосочками, которых у взрослого человека от 5 до 10 тысяч. С возрастом их количество уменьшается, что может вызывать определённые проблемы с различением вкусов. Сосочки, в свою очередь, содержат вкусовые почки, которые имеют определённый набор рецепторов, благодаря которым мы и ощущаем всю гамму вкусового разнообразия» [<https://kitchenmag.ru/posts/1270-anatomiya-vkusa-ili-kak-rabotayut-vkusovye-retseptory>].

Вкусовое восприятие по физиологическому критерию несколько сближается с обонятельным восприятием, так как многие вкусовые качества соотносятся с запахом пищи, тем самым определяются и оцениваются им. В начальном этапе принятия пищи человек чаще отведывает небольшое количество пищи, чтобы оценить / определить по шкале съедобное / несъедобное или нравится / не нравится. В толковых словарях русского языка *вкус* определяется как «одно из пяти чувств человека, которое возникает, когда мы кладём в рот или пробуем языком какую-нибудь пищу» [ТСРЯ, 2003, с. 126], или же «Вкус 1. м. 1) а) ощущение, возникающее в результате раздражения рецепторов, расположенных на языке, мягком нёбе и задней стенке глотки различными веществами; способность ощущать такие воздействия – одно из пяти внешних чувств» [БТСРЯ, 2000, с. 135].

Хотя вкусовое восприятие имеет немаловажное значение в жизни человека, в языковой системе оно получает скромное отражение. Глаголы вкусового восприятия, как и глаголы обоняния, в качестве объекта исследования, чаще рассматриваются в составе всего поля восприятия [Моисеева, 2005 и др.]. Однако если глаголам со значением зрительного или слухового восприятия посвящено достаточное количество работ, то на

тему обонятельного или вкусового восприятия в разноструктурных языках имеются лишь единичные работы [Макарова, 2007; Хантимиров, 2010 и др.]. В тюркских же языках, насколько нам известно, данная тематика пока ещё не затрагивалась исследователями. Данный факт позволяет некоторым исследователям относить глаголы со значением вкусового восприятия, как и осязания и обоняния, к периферии системы глаголов восприятия. Однако в действительности для многих живых существ, да и для человека в определённых ситуациях, данные способности являются одними из жизнеутверждающих факторов.

В сибирских тюркских языках также вопросы, касающиеся лексики вкусового восприятия, пока ещё остаются открытыми. Только в хакасском языке глаголы со значением питания и вкусового восприятия и идентичные им по смыслу глагольно-именные сочетания обсуждались в работах [Чертыкова, 2016б; 2016г; Чертыкова, Каксин, 2017б], где выявлялись и анализировались их семантические и синтагматические особенности.

Как правило, с вкусовыми восприятиями связаны эмоциональные состояния и действия: вкусовое предпочтение, разочарование, ненависть и т. д. относительно к объекту восприятия. Например, *Оолагас, яблоконы амзан көрiп, чирге хынмин, нандыра сал салган* – Мальчик, яблоко, только **попробовав**, не захотел кушать и положил обратно. В данном высказывании актуализируются идеи вкусового восприятия с одной стороны, с другой – разочарования, нежелания субъекта. «{...} любое высказывание, репрезентирующее фрейм вкуса, не только сообщает о диктумном событии, но содержит оценку, интенсивность которой зависит от коммуникативных целей говорящего. Актуализация оценки увеличивается в жанрах, которые воздействуют на адресата («рекомендация», «реклама»), и снижается там, где основная цель – информировать о наличии вкуса или описать этот вкус с точки зрения его объективных свойств (описание)» [Макарова, 2007, с. 20]. В контекстах позицию объекта вкусового восприятия, как правило, занимают наименования съедобных предметов: пищи, продуктов питания и напитков, которые далее конкретизируются на более конкретные названия.

В широком понимании глаголы вкусового восприятия относятся к глаголам физиологического действия, касающимся сферы питания, одна-

ко семы «восприятие вкуса» и «наличие в языке вкусовых рецепторов» в их семантике являются доминирующими. От глаголов со значением поглощения пищи (**чи-** «есть», **азыран-** «кушать», **ис-** «пить» и др.) они отличаются объектной характеристикой, т. е. малой дозированной поглощаемой пищи.

В хакасском языке базовым глаголом вкусового восприятия является **амза-** «1) пробовать на вкус, отвеживать *что-л.*; *амзан кӱр-* попробуй на вкус; *ӱгре амзирга* пробовать суп; 2) пить небольшими глотками; пригубить; *амзан изерге* пить небольшими глотками; 3) пить, выпить; *амзабыс!* Выпей! *Пир тамчых таа амзабаам* ни капли не выпил» [ХРС, 2006, с. 61]. Примеры: *Чайгыда полза, аарлыг аалчым, чистек аймагын амзирзың* (Н. Идимешева) – Если летом приедешь, [мой] дорогой гость, то каких только ягод **ни попробуешь**. *Столдагы чиисті көместең амзапчадый, ол поэның сагыстарына пазох өрчиліг кӱлін салган* (Тс, 18) – Он, **пробуя** понемногу кушания, стоящие на столе, весело улыбнулся своим мыслям. *Айранымны амзадах* – **Попробуй-ка** [мой] айран!

В. И. Рассадин отмечает, что рассматриваемый глагол монгольского происхождения, консонантизм которого отразился в середине слова: «монг. *s* → хак. *з*: монг. **амса-** «отведать» > хак. **амза-**» [Рассадин, 1980, с. 40]. В монгольском языке данный глагол представлен как многозначный: **амсах** 1. «1) пробовать (на вкус); отвеживать; дегустировать; кушать; *амас амсах* попробовать кашу; *бялуунаас амсах* отведать пирога; {...}; 2) выпить; *архи амсдаг* пьющий; 3) едва хватать, чуть доставать; 4) испытывать, переживать, переносить, претерпевать (горе, неприятности); *бэрхийг амсах* испытывать трудности; *жаргал амсах* вкусить блаженство, наслаждаться блаженством; блаженствовать; *зовлон амсах* переносить мучения, испытывать муки, испытать горе; 5) принимать жертву (о духах)» [БАМРС, 2001, с. 217]. Как показывает словарная статья, глагол **амсах** в монгольском языке сохранил своё первоначальное значение при развитии других переносных. Соответственно, в близкородственном монгольскому – бурятском языке – глагол **амсаха** тоже имеет переносное значение: «1) пробовать, отвеживать, кушать; **хоол амсаха** отведать пищу; 2) *перен.* нести ответственность за *что-л.*; **гэмээ (или зэмээ) амсаха** нести наказание, отвечать за преступление» [БурРС, 2010, с. 64].

Данный глагол действует и в других тюркских языках Сибири, например, тоф.: **амса-[амсаар]** «пробовать на вкус; *амтан* [*амтаны*] вкус (пищи); *амтанныг* 1) вкусный; 2. вкусно» [СТРиРТ, 2005, с. 15]; алт.: **амза-** «1) отведывать, пробовать; угощаться; *курсактан амзаар* пробовать еду; 2) пригублять; *ачу ашты амзаар* пригублять алкоголь» [АРС, 2017, с. 68]; тув.: **амза-** «отведывать, пробовать (на вкус); пригубить» [ЭСТувЯ, 2000, с. 109]; телеут.: **амза-** пробовать [ТелРС, 1995, с. 15]; як.: **амсай** пробовать на вкус, отведывать; дегустировать [ЯРС, 1972, с. 40]. В семантической структуре рассматриваемого глагола в тувинском и алтайском языках наблюдается сужение значения, переходящее на одну из разновидностей принятия пищи: пригубить, которая ассоциируется чаще со спиртными напитками. В сочетании с наименованием спиртного напитка (*арага* / *аракы* «водка» или *ачу аш* «водка») он имеет значения «пригублять» и «немного выпить спиртное», например, *ачу ашты амзаар* пригублять алкоголь; *аракы амзалган* арака пригублена; *аракы амзадар* давать пригубить араку [АРС, 2017, с. 68]. В хакасском языке глагол **амза-** развивает данное значение при наличии в своём составе аффикса совершенного вида **-быс-**: *Хончыктар, амзабызып, амды улуг чоохта одырлар* – Немного **выпив** (букв. попробовав, пригубив), соседи что-то бурно обсуждают. *Василий угаа көгліг одыр, амзабысхан таң* – Василий очень весел, то ли немного **выпил** [алкоголь] (букв. попробовав, пригубил). *Ўлүкүннерде көмес амзабызадыр* – По праздникам немного **выпивает** (букв. пробует, пригубляет). Отличительной особенностью хакасского глагола **амзабыс-** является то, что он акцентирует семантику лёгкого алкогольного состояния.

В алтайском и тувинском языках используется лексема *амтан* / *амдан* со значением «вкус (пищи)» (алт.: *курсактын амтаны* вкус еды), который является монгольским заимствованием. «{...} Гомогенно с *ата(n)* рот» [ЭСТувЯ, 2000, с. 109]. В. И. Рассадин монгольское происхождение данного слова прослеживает как: *-ši-*: *амтаиш-* «повадиться» < монг. *amtaši-* id. (< монг. *amtan* «вкус») [Рассадин, 1980, с. 25]. Тем самым хакасскому глаголу **амза-** «пробовать *что-л.* на вкус» семантически соответствуют алтайский глагол **амтанда-** «определять на вкус; *курсакты амтандаар* определять на вкус еду» [АРС, 2017, с. 68]; якутский глагол **амтаһый** «1) определять на вкус *что-л.*, пробовать вкус *чего-л.*; 2) вхо-

дить во вкус, есть с удовольствием, с аппетитом; *амтаһыйан сишлэр* они едят с удовольствием; *киһи аһыы олорон амтаһыйар посл.* аппетит приходит во время еды» [ЯРС, 1972, с. 41]. От данного же глагола происходит прилагательное со значением «вкусный»: алт.: *амтанду*: *амтанду калаш* вкусный хлеб; хак.: *тадылыг* «1. сладкий; вкусный; приятный; *иртіре тадылыг* приторный, слишком сладкий; *тадылыг нимелер* пряности, сладости; *тадылыг потхы* вкусный потхы; *ср. потхы*; *тадылыг тамах* вкусная пища; *угаа тадылыг чей* сильно сладкий чай; 2. сладко; вкусно; приятно [ХРС, 2006, с. 573]; карач.-балк.: *татыулу* вкусный; *татлыулу хант* вкусное кушанье [РКБС, 1965, с. 71]. Но в турецком языке использование рассматриваемого слова в качестве прилагательного и наречия даёт более широкое значение: *tatli* 1. 1) сладкий вкусный; {...}; 2) годный для питья, пресный (о воде); {...}; 3) приятный; милый; хороший; очаровательный; {...} [ТРС, 1977, с. 833]. В хакасском языке это слово используется в переносном значении лишь в отношении сна: *тадылыг уйгу* «сладкий сон»; *тадылыгдаң тадылыг нимедір (уйгу)?* заданка что слаще всего сладкого (сон)?

Общий категориальный признак семантической структуры рассматриваемого глагола можно толковать как «пробовать что-либо (обычно, жидкое), чтобы определить его вкус или готовность».

Вторым наиболее распространённым общетюркским глаголом, имеющим отношение к вкусовому восприятию, является **тадирға** /**тады-**/ «иметь какой-л. вкус, иметь привкус чего-л.; *ахсымда даа тадыбин парды* [я] и вкуса не почувствовал (так говорят, когда мало чего-л.); *ачыг тадыпча* горький на вкус; *тадылыг тадыпча* сладкий на вкус; *тузы тадыбинча* недосолёно» [ХРС, 2006, с. 572–573]. В Древнетюркском словаре он представлен как: **тат-** 1. пробовать, вкушать: *junur taŋ namaz qıldı tattı aś-a* он совершил омовение, прочитал утреннюю молитву и отведал пищи (QBN 416–14); *śiqardi jegü içkü türlüg aśı / ajur az-qına tat aj ęögü kiši* он вытащил еду и питьё, различные кушанья / и говорит: «Отведай [хоть] немного, о добрый человек!» (QBN 390-10); *süçüg tattıñ ersä ačıqya anıñ* если ты отведал сладкого, готовься к горькому (Юг С209); 2. приходить по вкусу, быть приятным: *atıñ ęögü bolsa tiriglik tatır* если имя твоё будет добрым, жизнь будет приятной (QBN 321–13) [ДТС, 1969, с. 541]. Однокорневая хакасская лексема **там I** «вкус (пищи); *ср. татхын; тадии*;

тамы чох тамах безвкусная пища; *тамы чітче* вкус теряется; *тамы чах-сы* вкус хороший; *чічең нименің тамын пілерге* знать вкус пищи; □ *тамын алган таг чоғар* погов. понявший вкус всё выше [стремится]» [ХРС, 2006, с. 585] употребляется редко: *Ағаа чеен тамахтың тамы даа чох пілдірчеткен* – Ему казалось, что даже вкуса нет у пищи, которую он ел.

В хакасском языке в отличие от глагола **амза-** «пробовать что-либо (обычно, жидкое), чтобы определить его вкус или готовность» глагол **тады-** относится к категории состояния и обладает категориальной семой «наличие вкуса», т. е. в сочетании с соответствующими конкретизаторами он передаёт вкусовые ощущения. Здесь дегустационная терминология демонстрирует заметный разноречивый. Однако для того, чтоб передать свои впечатления от ощущения, субъект часто пользуется своими ощущениями, хранящимися в памяти, и сравнивает со вкусом более популярных продуктов: *мөдт чили тадыпча* «[ощущается] вкус как у мёда», *айранга төдй тадыпча* «[ощущается] вкус как у айрана», *нымырт ла чили тадыпча* «вкус, как у черёмухи» и т. д. Качество вкуса передаётся также наречиями: *хомай* «плохо», *чабал* «противно», *ачыг* «горько», *хуйаң* «кисло; терпко», *тузы ачыг* «пересолённо». При дегустации пищи часто степень ее солёности и используется выражение *тузы тадыбинча* «вкуса соли не ощущается», *тузы ачыг тадыпча* «слишком пересолённо» или же *иртіре тустыг* «пересолённый», то есть чаще словесно обозначается лишь две крайности солёности пищи: недосолено и пересолено. Также обратим внимание, что в хакасском языке обозначения неприятных вкусовых ощущений преобладают над обозначениями приятных вкусовых ощущений.

Однако в других тюркских языках фонетические варианты глагола **тады-** семантически соотносятся с глаголом **амза-** «пробовать что-л. (обычно, жидкое), чтобы определить его вкус или готовность»: башк.: **тәмләү** 1) *см. тәмләндерәү*; 2) пробовать на вкус, отведывать, дегустировать // снятие пробы; дегустация; *сәйзе тәмләү* дегустация чая; *ашты тәмләп карау* пробовать суп на вкус; 3) *в ф. дегер. на -п употр. в знач. нареч.* со вкусом, с наслаждением; *тәмләп сәй эсәү* со вкусом пить чай; *тәмләп йоклау* спать с наслаждением [БРС, 1996: 662–663]; каз.: {...} 2) *(на вкус) ауыз тию; дәм тату; дәмін байқау; дәмін татып көру*; попробовать варенье *тосаптың дәмін татып көру*; попробовать пищу *ауыз*

тию; попробовать суп *сорпаның дәмін тату*; попробовать суп на вкус *сорпаның дәмін татып көру* {...} [https://sozdik.kz/ru]; кирг.: *тәмлә* «пробовать на вкус; отведать и приохотиться, разлакомиться; *бышкан мөмө мөлтүрөшөт, кантип өтөм татканбай?* стих. спелые плоды рдеют, как я пройду не вкусив {...}» [КРС, 1985, с. 214–215]. Значения «приохотиться» и «разлакомиться» в хакасском языке передаёт фразеологическая единица *тадиин хап-* «букв. схватить *чей-л.* вкус», причём не только в отношении к пищевой объектности: *үгрениң тадиин хап-* разлакомиться супом, *киик идиң тадиин хап-* приохотиться к оленине, но и имеет переносное значение: *күлеттиң тадиин хап-* приохотиться к гулянкам; *кинделерниң тадиин хап-* приохотиться к книгам и др. Насколько нам известно, из сибирских тюркских языков только в шорском языке глагол **тамнаа-** функционирует в значении «пробовать на вкус» [ШРиРШС, 1993, с. 124].

В семантической структуре турецкого частотного глагола **tatmak** «1) пробовать [на вкус], отведывать; 2) испытывать, познавать, вкушать; изведывать; *saadeti* ~ познать (изведать) счастье; *hayatin her acisini tatmiş* он познал все горечи жизни» [ТРС, 1977, с. 833] произошли преобразования, приведшие к расширению его понятийного объёма. Как свидетельствует второй ЛСВ данного глагола, его употребление распространилось на социальную и эмоциональную сферы.

Номинация субъекта вкусового восприятия при глаголе **тады-** представляется редко и чаще местоимением первого лица и ед. ч. и в дат. п.: *магаа тадыпча* «мне ощущается вкус *чего-л.*». Однако такие примеры представлены бедно, так как семантический акцент переносится на сам вкус или его восприятие. Если же субъект выражается именем второго (или третьего лица), то в форме вопросительного высказывания, например, *Сметен сагаа хайди тадыпча?* – как тебе на вкус сметана? *Сагаа үгрениң тузы тадыпча ба?* – Как по твоему **ощущению**, соли в супе хватает?

В тюркских языках вкусовое восприятие может быть выражено также аналитической конструкцией с модификатором **көр-** / **көр-** / **гөр-** / «пробовать; букв. смотреть», например, хак.: **чип көр-** «попробовать поесть, обычно твёрдое», **ызыр көр-** «попробовать откусить», **тайнап көр-** «попробовать пожевать», **іс көр-** «попробовать попить», **салдап көр-**

«попробовать погрызть», **кимір көр-** «попробовать погрызть». В качестве глагола вкуса могут выступать сочетания глаголов поглощения пищи. Примеры: хак.: *Ўзгренің тузы читче бе тін, амзап көрген* – **Попробовал** суп, чтобы проверить хватает ли соли. *Стол үстүндегі банкадағы сүтті іс көрген* (Хч, 68) – **Попробовал** молоко из банки со стола. *Пысхалах нымыртты чін көрген, ачыг полтыр, тұқұрібіскен* – **Попробовал** есть незрелую черёмуху, оказалась кислой, не понравилось, плюнул; тув.: попробовать *амзаар, амзап көөр*; пробовать яблоко *яблокту амзап көөр*; {...} [КРТС, 1994, с. 295]; каз.: (*дәмін*) *татып көру* «попробовать (на вкус) и др. В некоторых тюркских языках в качестве модификатора может выступать также наиболее употребительный глагол зрительного восприятия **хара-** / **кара-**: каз.: *татып қарау* «попробовать на вкус»; башк.: *ашты тәмләп қарау* «пробовать суп на вкус» [БРС, 1996, с. 663]; *балды тәмләп қарау* «пробовать мёд» [<http://huzlek.bashqort.com/index.php?id=home>] и др.

Все эти названные глаголы своей семантике содержат указание на механизмы и орудие вкусового восприятия (в процессе участвуют такие соматические наименования, как *зубы, язык, губы, рот*). Также глаголы вкусового восприятия, кроме хакасского глагола **тады-** «иметь какой-л. вкус», мы относим к глаголам целенаправленного действия, производимого для ощущения и улавливания вкуса (качества, состояния) продукта, поскольку они в своей семантике имплицитно содержат цель действия. С. М. Хантимиров выделяет отдельный слот «цель, причина»: определить вкус еды или напитка, определить степень свежести продукта, проверить мастерство повара, чтобы познакомиться с новым вкусом [Хантимиров, 2010, с. 123]. Тем самым можно говорить и об оценочном характере глаголов вкусового восприятия.

Воспринимающий субъект выражается одушевлённым именем различной семантики, например, *Уучам, сүтти, ардап парбады ба тін, оортан көрген* – [Моя] бабушка **попробовала** молоко, чтоб проверить, не испортилось ли. *Пуўн халас итти, чін көрзең* – [Я] сегодня испекла хлеб, **попробуй-ка**. При глаголе **тады-** «иметь какой-л. вкус» синтаксический субъект может быть неопределённо-обобщённым и эксплицироваться при актуализации: а) источника вкусовых ощущений (язык, губы, рот): *тіліме ачыг тадыпча* – [моему] языку горько [ощущается]; б) но-

минации обладателя данных квазисоматизмов, выражающих орудие вкусового восприятия: *магаа иртiре тустыг тадылча* – [мне] [ощущается] пересолённым. Как отмечает О. В. Макарова, в случае имплицитного представления субъекта восприятия можно говорить о его презумпции: высказывание неосуществимо без субъекта. В наивной картине мира субъект вкусового восприятия характеризуется инактивностью [Макарова, 2007, с. 14–15].

Таким образом, данное описание глаголов со значением вкусового восприятия позволяет нам сделать следующие выводы:

1) глаголы со значением вкусового восприятия, объединённые общим категориальным признаком «пробовать *что-либо* (обычно, жидкое), чтобы определить его вкус или готовность», немногочисленны: несмотря на важность действия вкусового восприятия в жизни человека, данные лексемы, по сравнению с глаголами зрительного и слухового восприятия, обслуживают наименьшее число коммуникативных ситуаций;

2) в хакасском языке, как и в других тюркских языках, действуют два базовых глагола со значением вкусового восприятия: **амза-** «пробовать на вкус, отвеживать *что-л.*», заимствованное с монгольского языка, и **тады-** «иметь *какой-л.* вкус». Глагол **амза-** с аналогичным значением действует в сибирских тюркских языках, также он выражает переносное значение «пригубить (спиртное)». В хакасском языке глагол **амза-** развивает данное значение при наличии в своём составе аффикса совершенного вида **-быс-**;

3) хакасскому глаголу **амза-** «пробовать *что-л.* на вкус» семантически соответствуют алтайский глагол **амтанда-** «определять *что-л.* на вкус; *курсакты амтандаар* определять на вкус еду» [АРС, 2017, с. 68]; якутский глагол **амтаһый** «1) определять на вкус *что-л.*, пробовать вкус *чего-л.*; 2) входить во вкус, есть с удовольствием, с аппетитом; *амтаһыйан сиһлэр* они едят с удовольствием; *киһи аһыы олорон амтаһыйар* посл. аппетит приходит во время еды» [ЯРС, 1972, с. 41], заимствованный с монгольского языка;

4) в других тюркских языках (башкирском, киргизском, татарском, казахском, турецком и др.) фонетические варианты глагола **тады-** (**тэмлэү-** / **тэмлэ-** / **тэмлэ-** / **tatmak**) семантически соотносятся с глаголом **амза-** «пробовать *что-л.* (обычно, жидкое), чтобы определить его

вкус или готовность». Из сибирских тюркских языков только в шорском языке глагол **тамнаа-** функционирует в значении «пробовать *что-л.* на вкус»;

5) в хакасском языке, как и в других тюркских языках, вкусовое восприятие выражается аналитической конструкцией с модификатором **кёр-** «смотреть, видеть» в значении «пробовать». В некоторых тюркских языках (башкирском, казахском и др.) в качестве модификатора выступает также глагол зрительного восприятия **хара-** / **қара-**;

6) глаголы вкусового восприятия, кроме хакасского глагола **тады-** «иметь *какой-л.* вкус», относим к глаголам целенаправленного действия, производимого для ощущения и улавливания вкуса (качества, состояния) продукта, поскольку они в своей семантике имплицитно подразумевают цель действия.

ГЛАВА V.

СИТУАТИВНО-СТРУКТУРНЫЕ МОДЕЛИ РЕАЛИЗАЦИИ ГЛАГОЛОВ ПАССИВНОГО ВОСПРИЯТИЯ

В когнитивной модели восприятия фрагментов ситуаций и явлений человеком (и другими живыми существами) выделяются такие классифицирующие признаки, как «активное восприятие» и «неактивное (пассивное) восприятие». Языковая реализация некоторыми базовыми глаголами восприятия данных признаков получает отражение в аспекте их функциональной характеристики и целенаправленности действия.

Категоризация активного и неактивного (или пассивного) восприятия происходит с точки зрения состояния воспринимающего субъекта. Активное восприятие включает такие основные компоненты, как «способность воспринимать», «направленность на объект», «контролируемость ситуации со стороны субъекта». Неактивное же восприятие характеризуется тем, что субъект воспринимает объект, не акцентируя на нём своё внимание. Ю. Д. Апресян называет «чистым восприятием», «которое происходит само собой, независимо от деятельности других систем. Действительно, можно *видеть* или *слышать что-л.*, находясь при этом в совершенно неподвижном состоянии, ничего не желая, не думая, не чувствуя и не говоря» [Апресян, 1995, с. 47]. Таким образом, ситуация неактивного восприятия, в отличие от активного, характеризуется отсутствием признаков «контролируемость ситуации со стороны субъекта» и «непосредственная направленность на объект», которые заменяются доминированием признака «использование перцептивной способности».

В хакасском языке пассивное восприятие выражается тремя глаголами, грамматически образованными путём присоединения залоговых показателей: **көрінерге** /**көрін-/** 1) *возвр.* от **көрерге** виднеться, становиться видным, показываться; *көрінмес сари* невидимая сторона; *көрінмин парарга* скрыться из виду; *көрін турарга* (постоянно или время от времени); {...}; 2) выглядеть, казаться; *чахсы көрінерге* хорошо выглядеть; *чиит көрінерге* выглядеть молодожаво [моложе своего возраста]; ♦ *пала көрінерге* родить; □ *айга, кўнге көрінминче – агаснаң тиң (агас дзени)* загадка ни луне, ни солнцу не показывается, а ростом с дерево (сердцевина дерева) [ХРС, 2006, с. 207]; **истілерге** /**истіл-/** слышаться; *ыр*

истілче слышится песня; *чатхан үні истілче* слышатся звуки чатхана; *күзүрт күзүреені истіле тўскен* слышались раскаты грома [ХРС, 2006, с. 138]; **чыстанарға /чыстан-/** пахнуть, издавать запах, отдавать *чем-л.*; попахивать; *чыстан парарға* протухнуть; *тир чыстанча* пахнет потом; *ит чыстанча* мясо припахивает, мясо тухнет; *ниме-де чыстанча* чем-то пахнет; *чыстан парған палых* протухшая рыба [ХРС, 2006, с. 1026]. Эти три глагола являются базовыми глаголами восприятия, семантический объём которых осложнён значениями залоговых показателей, что сказывается на структурно-ситуативных способах их реализации. В формируемых ими конструкциях субъект (наблюдатель или говорящий) не выражается грамматически, но подразумевается его присутствие. «Основной ситуативно-структурного устройства предложения как единицы текста является описание характера взаимозависимости глагольного действия и семантических актантов» [Копров, Козюра, 2006, с. 83].

5.1. СТРУКТУРНО-СИТУАТИВНЫЕ МОДЕЛИ ГЛАГОЛОВ ПАССИВНОГО ВОСПРИЯТИЯ

В ходе анализа фактологического материала нами выявлены следующие структурно-ситуативные модели реализации хакасских глаголов пассивного восприятия:

1) непосредственное пассивное восприятие окружающей действительности: *Ўс тирек алтында аба іні көрінче* (Хл, 18) – Под тремя тополями **видна** берлога медведя. *Тасхар адайлар пазох үрізібіскеннер. Машина күүлеені истілген* (Х, 50) – На улице опять залаяли собаки. **Был слышен** гул машины. *Ағастар аразында аймах хустар табыстары истілче* (Чкч, 279) – В лесу **слышны** голоса разных птиц. *Тураа толдыра одеколон чыстанча* – В доме **стоит запах** одеколона (букв. **пахнет** одеколоном). В подобных предложениях передаётся факт перцепции, осуществляемой за счёт способности субъекта (или агенса) воспринимать что-либо. При этом субъект является как бы случайным свидетелем ситуации, происходящей без его ведома и контроля;

2) пассивное восприятие объекта как воспоминание о какой-либо ситуации, событии и явлении: *Аның харагына хайди позы даа поэынаң күснең кічіг, хаалагнаң хысха аңнарны, хустарны хостацаа пос көрінген*

(Хч, 69) – Перед его глазами **встала картина** (*букв. в его глаза смотрелось*), как он сам гонял зверей и птиц, уступающих ему в силе и быстроте. *Хулаама пүүн дее аның сүрдестіг сыыды истілче* – Мне и сегодня [на ухо] **слышатся** его горькие причитания. *Ам даа агаа истілче Олегтің амыр апталыстыг үні* (Т, 131) – До сих пор ей **слышится** спокойный завораживающий голос Олега. *Сах піди көрінче Николайнаң хайди чуртап салганы* (Т, 132) – Перед глазами (*букв. явно видно*) **встала картина**, как они прожили с Николаем.

Модель «восприятие – воспоминание» обычно формируется глаголами **көрін-** «смотреться; видно» и **истіл-** «слышаться; слышно». Воспоминания о каких-либо обонятельных образах могут быть представлены сложным глаголом, образованным при помощи вспомогательного глагола **кил-** «приходить», **чыстан кил-** «появляется запах» и выражениями типа **чыс сабыл кил-** и **чыс пура сап кил-** с общим значением «появляется какой-либо запах»: *Пирееде пістің садта өсөткен яблоколар чызы пурныма сабыл килче* – Иногда мой нос **чувствует запах** яблок, растущих в нашем саду. Обычно в построении таких конструкций участвуют наименования органов восприятия в форме ед. ч. и дат. п.: *харахха* «на глаза», *хулахха* «на ухо», *тунчухха / пурунга* «на нос», уточняющие ситуацию частной (индивидуальной) перцепции: видно только мне [моим глазам], слышно только мне [моему уху], пахнет только мне [моему носу]. При подобном же грамматическом оформлении выражения **харахха көрін-** «*букв. на глаза смотреться*» и **хулахха истіл-** «*букв. на ухо слышаться*» переходят в разряд фразеологизмов, обозначающих зрительную и слуховую галлюцинации: *Оолах, харахтарының көргөніне киртінмин, «түзім полды полар алай ба хараама көрінді полар» тіп сагын салган* (Хч, 172) – Мальчик, не поверив своим глазам, подумал, что, наверно, это **была зрительная галлюцинация** (*букв. [моим] глазам показалось*). *Хулаама табыстар истілче* – Мне **слышатся** голоса. Тем самым ФЕ **харахха нима көрін-** «подвергаться воздействию зрительной галлюцинации» и **хулахха нима истіл-** «подвергаться воздействию слуховой галлюцинации» маркированы признаками сильного воздействия на субъекта со стороны мистического объекта;

3) пассивное восприятие объекта как воображение каких-либо ситуаций и явлений: *Чоохтаан чоохтар харах алнында көрінген осхастар* (Т, 24) – Услышанные рассказы так и **стояли перед глазами** [*букв. как*

будто были **видны** перед глазами]. *Чүрөөмдө ал чөргөн хынызым сарыны сагаа **истілзін*** – Пусть тебе **будет слышно** песня любви моего сердца. Семантико-когнитивная комбинация «пассивное восприятие – воображение», как и предыдущая модель «пассивное восприятие – воспоминание», относится к уровню абстракции, т. е. к глубинному уровню невербального перцептивного мира. Очевидно, что эти две нозмические ситуации взаимосвязаны на том основании, что воспоминания – это мыслительная операция в форме воспроизведения прошлого опыта, а воображение – это тоже мыслительная операция, только в форме переработки жизненного опыта. Отличие заключается в разной степени их обусловленности реальной действительностью. В построении модели «пассивное восприятие – воображение» не участвует глагол **чыстан-** «вонять; пахнуть»;

4) пассивное восприятие объекта как наличие его необходимых характеризующих конкретизаторов. Субъект (наблюдатель, говорящий) выделяет характеризующий смысловой аспект объекта, учитывающий его признаки и свойства: *Аннаң ырах нимес орында хайдаг-да нимелер азырайып **көрінчелер*** (Хч, 188) – Недалеко от него **видны** какие-то торчащие [букв. сильно выделяясь] вещи. *Чонның аразында хайдаг-да сот-лос, ниске табыс **истіл турган***: – Сөле, паза кем коммунисттір (Хч, 32) – В толпе **был слышен** какой-то писклявый голос: – Говори, кто ещё коммунист. *Ардап парган ит тураа толдыра **чыстанча*** – Испорченное мясо **воняет** на весь дом. Субъект в воспринимаемой информации выделяет определённые фрагменты (физические свойства объекта), которые оказываются в фокусе его внимания.

В случае ослабления перцептивного признака в семантике глагола **көрін-** «смотреться; видно», он может синонимизироваться с глаголом **пілдір-** «казаться» и в контекстах они могут взаимозаменяться без ущерба для смыслового содержания предложения, где «... исчезает момент непосредственного восприятия, выражается мнение» [Буглак, 2012, с. 121]. *Аның нискечек мойнычагы, халбах пөріктіг пазын тіреп сыдабин, хойраларға хынчатхан чілі **көрінче [пілдірче]*** (Хч, 6) – **Казалось** [букв. видно], что его тоненькая шейка вот-вот искривится под тяжестью его головы, одетой в пушистую шапку. *Мында Зина он пір чыл аразында пастагызын на Николайдаң чиркене түскен. Соғын **көрінче [пілдірче]*** (Т, 133) – Тут Зина за все одиннадцать лет первый раз **побрезговала** Николая. Описание характеристики объекта в таких конструкциях даётся пу-

тём употребления послелого с уподобительным значением *чили* «как»: *Анаң, сыннаң даа, ибiркi чатхан чирлер айадагы ла чiли кiрiнчелер [пiлдiрчелер]* (Хчк, 209) – Да, действительно, окружающие земли **смотрятся**, как на ладони. **Кажется таким некрасивым**. Как видим, ослабление восприятия часто приводит к семантике кажимости. Следует отметить, что рассматриваемый глагол с аффиксом возвратного залога и в других тюркских языках при определённых контекстных ситуациях может давать значение кажимости, например, тат.: **күренерге** 1) виднеться, смотреться, становиться (стать) видным; 2) показываться, показаться, появляться, появиться; 3) выглядеть, казаться; 4) чувствовать, ощущаться [ТатРС, 1988, с. 199];

5) пассивное восприятие объекта через ситуативные / процессуальные факторы, фиксируемые сознанием субъекта. Данное значение обеспечивается обычно в условиях сочетания с наречиями образа действия: восприниматься хорошо / плохо; чётко / нечётко: *хомай кiрiнче* «плохо видно» / *чахсы кiрiнче* «хорошо видно», *чарых кiрiнче* «чётко видно» / *пiлес кiрiнче* «смутно видно»; *чахсы истiлче* «хорошо слышно» / *хомай истiлче* «плохо слышно»; *чарых истiлче* «чётко слышно» / *пiлес истiлче* «приглушённо слышно»; *саличек ле истiлче* «слышно чуть-чуть»; *хандыра истiлче* «слышно очень хорошо»; *чахсы чыстанча* «хорошо пахнет» / *хомай чыстанча* «плохо пахнет» и т. д. *Пушкаларның, пулемёттарның күзүрескені пос истiлiбiскен* (Хч, 188) – Грохот от пулемётов и пушек стал **слышен чётко**. Решающими факторами детализации восприятия объекта могут быть следующие: физиологические перцептивные данные субъекта, т. е. порог чувствительности его сенсорных органов; близость / дальность расположения объекта; суточный цикл (темно / светло; недостаточность освещения); наличие / отсутствие физических преград для восприятия и др.

Также рассматриваемые глаголы описывают ситуацию, акцентируя адвербалии места и времени: *Анда-мында тракторлар чарыглааны кiрiнглебiскен паза күзедiл чiрген аттарның пыргырлааннары истiлiбiскен* (Хч, 184) – **И там и тут** стали видны фонари тракторов и стало слышно ржание коней, пасущихся в ночное время. *Хончыхтарның сарнасчатханнары иртен иртiк истiлчеткен* – **С самого утра** слышно пение соседей. Дополнительными компонентами предложений, конкретизирующих перцептивные акты, могут быть и обстоятельства, и прида-

точные предложения образа действия: *Чоох таң чараанча парган. Анаң олар аарсыбысханнарында, табыс арамнаң арам истілібіскен* (Хч, 186) – Разговор шёл до утра. Когда они устали, голоса стали слышны всё реже и реже;

б) смутное (или неадекватное) восприятие действительности в силу нарушения физического или психического состояния субъекта: *Машина килгенін уйгудагы ла чілі піледірбін. Хараама улуг чарых теңенін пілчем, кізі табызы ыраххы чирде истілген чілі поладыр* (Хл, 103) – То, что машина пришла, я осознавал, как во сне. Осознавал, как засветили прямо в глаза, и мне казалось, что чей-то голос слышен где-то вдалеке. *Адай майыгыбысхан. Харахтарына час тартылып, алнында турган таг тумзугы пірде ырах, пірде чагын полып көрінген* (Хч, 169) – Собака стала уставать. Глаза стали слезиться. И вершина горы, стоящей перед ним, казалась то далёкой, то близкой. *Уйгум аразында час хузух чызы сабыл килгенін сизінгем* – Сквозь сон [я] почувствовал запах свежего кедрового ореха.

Семантика глаголов пассивного восприятия представляется в виде своеобразной когнитивной микросистемы, как отражение фрагмента языковой картины мира. Как показывают рассмотренные ситуативно-структурные модели глаголов, одна глагольная залоговая форма может соотноситься с рядом пассивно воспринимаемых ситуаций и событий, имеющих свои специфические особенности.

5.2. СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА МНОГОЗНАЧНОГО ГЛАГОЛА *КӨРІН-* «СМОТРЕТЬСЯ; ВИДНО»

Как известно, во всех языках у глаголов зрительного восприятия семантический спектр шире, чем у остальных глаголов восприятия, потому что «именно зрительное восприятие является наиболее активным способом осмысления и понимания мира» [Каксин, 2017, с. 165]. Глагол *көрін-* «смотреться; видно», как и исходный глагол *көр-* «смотреть; видеть», может развивать ментальные значения, например, *Аның улуг алчаас ит салганы харагына пос көрінібіскен* (Хч, 180) – Стало очевидным (букв. стало смотреться свободно) то, что он совершил большую ошибку.

В сочетании с именем в дат. п. глагол **körin-** реализует значение «показываться». В когнитивной модели описываемой ситуации появляется третий участник, к которому смещается фокус перцептивного внимания: *Таңда имчее körінерге кирек* – Завтра **надо показаться** врачу. А при реализации значения «смотреться» в фокусе внимания оказывается сам субъект: *Ооллар, körіндеске дее körінмезе, сіліглер* (П, 51) – Парни красивые, хоть и **не смотрятся** в зеркало. В обоих случаях глагол **körin-** характеризуется целенаправленностью действия.

Также глагол **körin-** в функции деепричастия на **-in** + вспомогательный глагол **ал-** «брать» (**körinip ал-**) является самостоятельной лексемой и имеет специализированное узкое значение «родить (о животных)» и относится к категории эфвемистической лексики: *Кичее, чылыгыдаң нанзам, торыг хойлагам хулун körinip алтыр* (П, 30) – Вчера, когда пришёл с собрания, оказывается, [моя] гнедая лошадь **родила** жеребёнка.

Таким образом, выделенные нами ЛСВ семантической структуры глагола **körin-** подтверждают словарную статью данного глагола в ХРС [ХРС, 2006, с. 207], дополнительная же информация уточняет его эфвемистический оттенок: *в сочет. с вспом. гл. ал-* «брать; взять»: родить (о животных).

5.3. УСЛОВИЯ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ПАССИВНОГО ВОСПРИЯТИЯ В СЕМАНТИКЕ ГЛАГОЛОВ

В зависимости от контекста описываемые залоговые формы глаголов могут выражать и активное восприятие объекта. При описании экстремальных ситуаций в семантике глагола стирается признак пассивного восприятия и происходит смещение акцента на выделенные ее фрагменты: *Чабызах сынныг, узун пора таарлыг, ах pöriktig kizicektiң холында наган сыраңнап körin турган* (Хч, 32) – **Было видно**, как низкорослый человечек в белой шапке размахивал наганом. – *Атыңар!.. Атыңар! – tıp табыстар istilgen* (Хч, 32) – Стреляйте! Стреляйте! – **были слышны** голоса. *Тасхар команда istilibisken: Сыххлаңар! Ниме-нооңарны ныңнахтаныңар* (Хчк, 45) – На улице **послышалась** команда: – Выходите! Готовьте [свои] вещи!

Особенно заметное акцентирование на активных действиях происходит при употреблении рассматриваемых глаголов в сочетании с вспомогательным глаголом **тўс-** «опускаться; падать». При этом они обозначают внезапность и моментальность действия: **кўріне тўс-** «(внезапно) показаться», **истіле тўс-** «(внезапно) послышаться», **чыстана тўс-** «(внезапно) запахнуть». Мы предлагаем следующее объяснение данному факту: внезапность, неожиданность действия всегда настораживает человека, что отражается на его психическом состоянии и поведении. Названные глаголы чаще описывают напряжённые ситуации, где объект является психогенным раздражителем, оказывающим деструктивное воздействие на субъекта. *Сағызымны даа чахсы хабын полбин одырғанымда, өзен пазындағы тыттар аразынаң кізі кўріне тўскен* (Хл, 101) – Я даже не успел прийти в себя, как среди лиственниц, стоящих на вершине лощины, **показалась** голова человека. *Ол турада кўріне тўссөк, Тана хайди даа поларын пілбинібісчең* (Чкч, 275) – Когда он **появлялся** в доме (букв. показывался), Тана не знала, что и делать. – *Рома, мині ундубаазың ма? – теен сөс хулағына истіле тўскен* (Хч, 194) – Рома, ты меня не забыл? – внезапно ему на ухо **послышались** эти слова. *Тасхар сыхханыбыста, хайдаг-да чабал чыс чыстана тўскен* – Когда [мы] вышли на улицу, **появился** какой-то неприятный **запах**. Как видим из примеров, данные глаголы реализуют доминирующий признак «непроизвольное внимание, привлечённое действием какого-либо раздражителя». В неожиданных (даже экстремальных) ситуациях восприятие объекта может быть кратковременным и моментальным, однако оно может повлиять на дальнейшее психологическое состояние субъекта. Также воспринимаемое субъектом моментальное действие может быть «предвестником» более развёрнутых происходящих событий. *Ат туйғағы тасха тазылаанынаң хада хысхырыс паза тиріг затворын тартханы истіле тўскен* (Хч, 174) – **Послышалось**, как стучали копыта лошади об камни, кто-то крикнул и кто-то дёрнул затвор ружья. *Ікөлең оолахты хыс париган туста «Чохырах!» теен хысхы истіле тўскен* (Хч, 174) – В тот момент, когда они вдвоём зажали девушку, **послышалось**, как кто-то крикнул: «Чохырах!» (кликча собаки – авт.). *Суулазыг истіле тўскен. Оларның хулахтарына таныс табыс читкен* (Хч, 176) – Послышался шум. **До их уха донёлся** знакомый голос. В конструкциях, формируемых глаголом **истіле тўс-** «(внезапно) послышаться», наблюдатель, не контролируя ситуацию, может

только обозначать событийные компоненты, доступные его слуховому восприятию. Иногда в контексте сема внезапности эксплицируется наречиями типа: *кинетін* «вдруг», *сах андох* «в тот же миг»: *Кинетін машина күүлеені истіле тўскен, Роман тура хонган* (X, 20) – **Вдруг** слышался шум машины, Роман соскочил.

Значение пассивного восприятия нейтрализуется также в отрицательной форме глаголов **көрін-** «смотреться; видно», **истіл-** «слышаться; слышно», **чыстан** «пахнуть; вонять». Отрицательное перцептивное суждение образуется путём присоединения одного из вариантов отрицательного аффикса **-ма/-ме; -ба/-бе: көрінме-** «не видно», **истілбе-** «не слышно», **чыстанма-** «не пахнуть». Соотношение залоговых показателей пассивного восприятия и отрицательных показателей в грамматической структуре данных глаголов обусловлено активностью субъекта восприятия, как производителя действия или носителя состояния. В результате проведённого анализа примеров с данными глаголами мы можем выделить следующие их характерные признаки:

а) констатация фактов недоступности восприятия объекта. Субъект, свидетельствуя факт недоступности восприятия объекта, показывает свою отчуждённость от описываемой ситуации. *Тасхар сымзырых, пір деє ниме истілбинче* – На улице тишина, ничего **не слышно**. *Тасхар угаа чап-чарых, че кўн көрінминчеткен* (Чкч, 279) – На улице очень светло, но солнца **не видно**. *Таглар озаринда Мукул чуртапчатхан аал, че ол мыннаң көрінминче* (Чкч, 209) – За горами деревня, в которой живёт Мукул, но она **не видна** отсюда. *Оларның аразында хыс кізі, суга тастаан тас чіли, көрінмин парган* (Хч, 173) – Девушка среди них **исчезла** (букв. не стало видно), как камень, брошенный в воду. Подобные предложения носят исключительно информационный характер, поскольку не маркированы эмоционально-оценочным отношением говорящего к происходящему. Однако в ряде случаев демонстрируется заинтересованное отношение субъекта к отсутствию объекта: *Син, Айдолай, кўлерде деє кўлбе, чоохтап пир, хайдар чўрдің, ікі кўн кізі хараана көрінмин?* (П, 5) – Ты, Айдолай, даже и не смейся, лучше расскажи, куда ты ходил, два дня **не было видно** тебя. *Пас ағырчатханы өтіре көрінминче пит* (X, 13) – Ведь насквозь **не видно**, как болит голова;

б) в силу объективных причин недоступность восприятию определённого предмета, явления. При реализации глаголом данного признака

имплицуруется сема «переживание субъектом неудобств». Причинами подобных ситуаций могут служить различные природные обстоятельства и они, как правило, уточняются дополнительными членами или же раскрываются в актуальном смысле предложения: *Хости даа турган кізі көрінминче, харасхы полыбысхан* (Хч, 180) – В темноте **не стало видно** даже человека, стоящего рядом. *Сых килзе – харасхы, соох, хар чаапча. Харахха ниме көрінминче* (Хч, 187) – Вышел – темно, холодно, идёт снег [букв. в глаза] ничего **не видно**. *Пу сугның түбі көрінминче, че тігі сари көрінче, агаа хайди даа чидерге кирек* (Чкч, 216) – Дна этой реки **не видно**, но виден другой берег, надо хоть как добираться туда;

в) недоступность восприятию желаемого и ожидаемого объекта. Характерной особенностью реализации данного признака является выражение эмоционального переживания субъектом по поводу недоступности восприятию желаемого и ожидаемого объекта. *Ибдең сыхсох, автобуста таныс оманы тілеп чөрче, сынап көрінминчетсе, чўреенде кўнзіре пўрўңкі* (Хчк, 178) – Как только из дома выйдет, в автобусе ищет знакомое лицо. Если его **не видно**, то на сердце целый день пасмурно. *Прай туған – туустарым ползын пу чараста. Парыңар Порис тайыма, Марин чачам чоғылох, кумам көрінминёкче* (Т, 6) – Пусть вся [моя] родня присутствует на этом перемирии. Идите за дядей Борисом, тёти Марин тоже нет, моей кумы **тоже не видно**. *Хақан истілбинче чонымның чоогы, ху-дым учухча пурунғы тустарзар* (Т, 72) – Когда **не слышна** речь [моего] народа, мой дух летит к предкам в древние времена.

Отсутствие желаемого и ожидаемого объекта также обозначается сочетанием пассивно-залоговой основы глагола с отрицательной частицей **чоғыл**, выражающей отсутствие предмета. *Кирек чохта машиналар аар-неер ўзігі чох өтісчедедірлер, амды, тізең, нинче дее тыңназам, пір дее ниме истіле чоғыл* (Хт, 103) – Когда не надо, машины снуют туда-сюда, а сейчас, как бы я ни прислушивался, **не слышно** ничего. *Паза даа чапсых-чалаң ниме истіле чоғыл* (Хч, 7) – Больше **не слышно** интересных новостей. *Аның соонаң парзам, Михай от аразында көріне чоғыл* (Хл, 95) – Я пошла за ним, но Михая **не видно** было в траве. Подобные глагольные единицы в тюркских языках именуются предикатами отсутствия. Как показывают примеры, признак «недоступность восприятию желаемого и ожидаемого объекта», реализуемый в семантической струк-

туре исследуемых глаголов, наглядно поддерживается и оттенком «сожаление субъекта о недоступности восприятия объекта».

Таким образом, в хакасском языке, по нашим наблюдениям, насчитывается три базовых глагола с залоговыми аффиксами, репрезентирующих пассивное восприятие: **кӱрӱн-** «смотреться; видно», (образованный от глагола **кӱр-** «смотреть; видеть» при помощи аффикса возвратного залога **-ӱн-**); **истӱл-** «слышаться; слышно», (образованный от глагола **ис-** «слышать» при помощи аффикса страдательного залога **-ӱл-**) и **чыстан-** «пахнуть; вонять», (образованный путём присоединения к глаголу **чыс-та-** «обонять; нюхать» аффикса возвратного залога **-н-**). Ситуативно-структурные модели конструкций, формируемых данными глаголами, представляют когнитивно выделенные фрагменты окружающей действительности, фиксируемые в сознании языковой личности.

В содержательном отношении в семантике исследуемых глаголов выделены дифференциальные признаки, реализующиеся в следующих шести ситуативно-структурных моделях: 1) непосредственное пассивное восприятие окружающей действительности; 2) пассивное восприятие объекта как воспоминание о какой-либо ситуации, событии и явлении; 3) пассивное восприятие объекта как воображение каких-либо ситуаций и явлений; 4) пассивное восприятие объекта как наличие его необходимых характеризующих конкретизаторов; 5) пассивное восприятие объекта через ситуативные / процессуальные факторы, фиксируемые сознанием субъекта; 6) смутное (или неадекватное) восприятие действительности в силу нарушения физического или психического состояния субъекта. Все эти модели обслуживаются выше названными базовыми глаголами пассивного восприятия, только в построении третьей модели «пассивное восприятие – воображение» не участвует глагол **чыстан-** «вонять; пахнуть». Отличительной особенностью субъекта восприятия (наблюдателя, говорящего – в зависимости от контекста) в ситуации неактивного восприятия является то, что он воспринимает, не активизируя своё внимание на объекте и не прилагая дополнительных усилий, перцепция при этом является неконтролируемой.

Глагол **кӱрӱн-** «смотреться; видно», как и исходный глагол **кӱр-** «смотреть; видеть», в силу доминирования роли зрительного восприятия в познавательных процессах, является многозначным.

Однако в зависимости от контекста описываемые залоговые формы глаголов могут выражать и активное восприятие объекта. Это могут быть описания экстремальных и неожиданных ситуаций. Отрицательное перцептивное суждение в семантике глаголов также нейтрализует пассивное восприятие.

Таким образом, описанные ситуативно-структурные модели пассивного восприятия объекта отражают разнообразие потенциальных возможностей человека видеть и осмыслять окружающий мир в разных ипостасях и проявлениях.

ГЛАВА VI.

ТИПОВАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ВОСПРИЯТИЯ

В отечественном языкознании изучению типовой сочетаемости глаголов посвящены наиболее полные и глубокие исследования В. П. Бахтиной [1966], В. В. Богданова [1977], Э. В. Кузнецовой [1978], В. И. Аринштейн [1981], И. В. Кривошеевой [1999] и др. Представители Новосибирской научной синтаксической школы, созданной выдающимся лингвистом, профессором М. И. Черемисиной, исследуют систему моделей, отражающих организацию простых и сложных предложений на материале тюркских языков Сибири [Черемисина, 1989, 1993, 1995; 1998; Черемисина, Озонова, Тазранова, 2008; Чугунекова, 1998; Шамина, 2004 и др.]. Авторы применяют комплексный подход к изучению сочетаемостных свойств глаголов, принадлежащих к различным ЛСГ, дают типовую характеристику его семантических признаков. Глаголы одной ЛСГ обычно имеют однотипную грамматическую и лексическую сочетаемость, поскольку это члены одного грамматического разряда, связанные общей категориально-лексической семой и типовыми дифференциальными признаками. Учёт этих двух типов сочетаемости позволяет указать типовую сочетаемость глаголов одной ЛСГ, т. е. дать определённую синтагматическую характеристику тех позиций, которые представлены в конструкциях с этими глаголами. В ходе анализа фактического материала выявляется, что принадлежность к определённой группировке (подгруппе, микрогруппе, синонимическому ряду, подряду) предполагает однотипную сочетаемость. Особым разнообразием выражения отличается объектная позиция глаголов. Например, для глаголов со значением побуждения к действию характерна сочетаемость с инфинитивом: *айланарга чўпте*- «уговаривать вернуться», *огырлирга кўдктир*- «подстрекать воровать» и др.; глаголы со значением страха указывают на источник страха в форме исходного падежа: *соохтаң хорых*- «бояться морозов», *абадаң чочы*- «напугаться медведя», *кізілердең чалтан*- «робеть перед людьми» и др.; глаголы со значением интуиции управляют объектом в форме вин. падежа: *килерін сизін*- «предчувствовать [его] приезд»; *айланмазын сизірке*- «предчувствовать, что он не вернется» и др. Глаголы говорения

сурагла-, сурастыр-, тўптестір- с общим значением «расспрашивать» имеют одинаковую сочетаемость с такими формами выражения объектности, как прямая речь, имя или придаточное предложение с главным словом в форме вин. п. Глаголы со значением побуждения к действию сочетаются с инфинитивом: в данных конструкциях на первый план выдвигается цель побуждения, а содержание речи является второстепенной позицией. Но глаголы **хыгырт-** и **алдырт-** с общим значением «вызывать *кого-л.*» составляют исключение: в этом случае содержание речи «поглощается» семантикой того или иного из них.

Схождения между глаголами одной ЛСГ проявляются не только в закономерностях их парадигматических соотношений внутри группы (синонимии, функциональной эквивалентности, органически связанной с многозначностью), но и их типовой сочетаемости. Мы согласны с утверждением, что «... типовые позиции, выявляющие сочетаемость, закономерно соотнесены с типовыми дифференциальными признаками. В этом особенно наглядно проявляется единство системной организации глагольной ЛСГ, определяемое в конечном счете единством категориально-лексической семантики» [Лексико-семантические группы..., 1989, с. 158]. Указание на семантику предложений дополняется при этом перечнем позиций, непосредственно связанных с глаголом-предикатом и служащих для уточнения его значения. Совокупность позиций составляет общую характеристику моделей предложений с глаголами определённой семантики, относящимися к одной ЛСГ. Анализ синтаксического окружения глаголов со значением восприятия в хакасском языке показывает, что синтагматическую цепь заполняют позиции субъекта и объекта. Наиболее разнообразной характеристикой валентности обладает позиция объекта, выражающаяся типовым синтаксическим оформлением. Объект восприятия «не подвергается активному воздействию, а сам воздействует на нашу память, зрение и т. п.: смотреть / видеть + *кого / что-либо*, слушать / слышать + *кого / что-либо*, нюхать / воспринимать «*носом*» + *кого / что-либо*, пробовать / воспринимать «*языком*» + *что-либо*, трогать / ощущать + *кого-что-либо*» [Каксин, Чертыкова, 2005, с. 473].

В конструкциях, формируемых определённой частью и других глаголов психической деятельности, например, ментальных глаголов, глаголов говорения, эмоции, позицию объекта занимают имя в вин. п., прида-

точное предложение или имя со связкой **тiп**, прямая речь, делибератив или инфинитив.

Взаимодействие глаголов разных ЛСГ проявляется также в наличии общих типовых позиций. Так, глаголы зрительного восприятия формально пересекаются с глаголами физического воздействия и глаголами мыслительной деятельности в управлении объектом в вин. п., что означает полную отнесённость объекта к субъекту: *Сiрер оңнаңар, палаларны чахсы көрерге кирек, уламох кічіг палаларны* – Вы поймите, **за детьми нужно смотреть** хорошо, особенно за маленькими детьми. *Паланы пик тут* – **Держи ребенка** крепко. *Иир сай малларны харахсынчам* – Каждый вечер **высматриваю скотину**. *Палаларым, киліп, чоон төгени чар салдылар* – Мои дети, придя, **нарубили дров**. *Хазналар тилир ўчўн, чўптіг чуртирга кирегін прайзы даа оңарча* – Все **понимают, что нужен мир** для того, чтобы развивалось государство и т. д.

Таким образом, определяющую роль в сочетаемости глагола играет его принадлежность к определённой семантической группе. Общность значения глаголов приводит к единообразию их синтагматических свойств. В свою очередь, семантика зависит от сочетаемости. Например, глагол **салда-** «грызть» приобретает значение говорения (долгого и нудного порицания) путём сочетания с объектом воздействия, выраженным одушевлённым именем: *Ибде мині ипчiм салдапча, ахча асхынах тогынчазың тiп* – Дома меня жена **грызёт**: мол, мало денег зарабатываешь.

6.1. РОЛЬ СУБЪЕКТА В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ГЛАГОЛАМИ ВОСПРИЯТИЯ

Как известно, «вообще все акциональные (активные) глаголы, содержащие сему активности, маркированы позицией субъекта, который выражается при них одушевлённым существительным – наименованием лица, входящего в класс социально-активных денотатов» [Каксин, Чертыкова, 2005, с. 473]. Принято считать, что наименование субъекта, носителя предикативного признака, представляет собой сущностную, инвариантную единицу, в которой по-разному комбинируются как логико-грамматические, так и коммуникативные факторы, а формальная объек-

тивация строго не закреплена [Арутюнова, 1976; Абдуразаков, 1991; Воронина, 1976 и др.]. За ним признаётся особый лингвистический статус, что может быть обосновано наличием семантического инварианта, спецификой парадигматики и синтагматики. В итоге «субъект составляет как раз тот элемент, который обеспечивает суждению отнесенность к миру» [Арутюнова, 1979, с. 323]. Это «... первый, независимый, обуславливающий объект системы, задающий признак или отношение в зависимости от модели предложения или не задающий обуславливаемых им объектов системы» [Абдуразаков, 1991, с. 6]; «... это тот компонент в семантической структуре предложения, который выступает как носитель признака, выраженного семантическим предикатом» [Воронина, 1976, с. 2]. Субъект – есть «автор» мыслительной, психологической, речевой, поведенческой деятельности, которая без него сама собой совершаться не может. Средства репрезентации субъекта характеризуются разнородной стратификацией (лексическими, морфологическими, лексико-морфологическими и др.), частотностью и т. п. Изменения в структуре предложения, связанные с вариативностью представления субъекта, часто носят характер стилистико-синтаксической правки. Грамматический субъект приближается к понятию «подлежащее», выполняет коммуникативную и структурную функции. Логический субъект выполняет референтную (денотативную) функцию, т. е. это предмет, о котором высказывается суждение.

Субъект при глаголах с антропоцентрической семантикой отличается от субъектов с предметной направленностью. С точки зрения логики, субъект предстаёт как деятель мысли, одушевлённое лицо и носитель интеллектуального признака. *Михай харагайның салааларын өтіре харапча, Семённы көр табарга* (Хл, 96) – **Михай** выглядывает из-за сосновых веток, хочет разглядеть Семёна. Субъект воспринимается как человек со своими взглядами на окружающий мир, мнением, внутренними переживаниями, способный мыслить, понимать, анализировать, а порой и терять способность осознавать происходящую ситуацию или утрачивать в памяти какие-либо сведения и информацию. Субъект и предикат взаимозависимы в смысловом отношении: думать, говорить, понимать, вести себя, радоваться или печалиться может лишь одушевлённое лицо, но не предмет, явление или признак, следовательно, имеют место и семантические ограничения в логико-грамматическом и функциональном плане. В связи с такими требованиями лексического наполнения главных членов

предложения, позиция субъекта заполняется именем одушевлённого лица, способного совершать (или испытывать) какие-либо ментальные, поведенческие или эмоциональные действия. Но бывают исключения: вполне допустимы контексты, где какой-либо предмет, животное или явление наделяются одухотворённостью и обладают интеллектуальной способностью. *Андагы таглар алыптарның чааласханнарын оңнапчалар – Те горы помнят войны богатырей. Адайах киртінче, ээзі хайди даа айланар – Собачка верит: ее хозяин вернётся обязательно. Хайаа чапсынып, хыймырабин одырыбыссам, хустар міні тас тіп сағынарлар* (Ат, 163) – Если я, прильнув к скале, буду сидеть, не шевелясь, то птицы подумают, что я – камень.

Выявление основных средств репрезентации субъекта в конструкциях глаголов хакасского языка, его семантических типов, смысловой характеристики как ядерного компонента предложения связано с вопросами взаимодействия компонентов предложения на лексико-семантическом уровне. Статус субъекта в конструкциях глаголов психической деятельности обязателен. При общности таких признаков, как одушевлённость, эмоциональность, сознательность, субъектам при глаголах со значением психической деятельности, свойственные разные характеристики.

«Восприятие есть процесс взаимодействия субъекта с объектом, причём такого, при котором изменяется состояние различных систем человека, а объект остается неизменным. Так как это взаимодействие носит активный характер, то воспринимающего человека можно рассматривать как субъекта деятельности, учитывая специфику этой деятельности как субъекта восприятия. Восприятие с точки зрения деятельности можно также рассматривать как частный случай познавательной деятельности. Психологические аспекты субъекта познания охватывают проблемы сознания, чувственного познания и мышления [Ганзен, электронный ресурс: <http://ddong.narod.ru/ganzen/index.htm>]. К сказанному хотелось бы добавить, что в роли субъекта при глаголах восприятия выступают не только люди, но и животные, птицы, а также неживая природа. Если субъектом является человек, то процесс восприятия взаимодействует с процессами мышления, эмоции и поведения, поскольку в результате акта восприятия субъектом объектов действительности затрагиваются его мыслительные, чувствительные, а также поведенческие способности. В связи с этим акт восприятия (видения или слышания каких-либо фрагментов реальной

действительности) иногда может быть избирательным, субъективным в зависимости от интеллектуального или социального уровня субъекта: человек видит и слышит то, что хочет. М. С. Герасимчук при анализе ситуаций зрительного восприятия в текстах художественных произведений руководствуется фоновыми знаниями о субъекте восприятия, полученными ранее. Получается, что в итоге «играет роль не только физическая оценка субъектом объекта восприятия, но и культурные ценности, которые важны для субъекта, его национальное самосознание» [Герасимчук, 2014, с. 45].

В смысловых структурах глаголов **кёр-** «смотреть; видеть», **ис-** «слышать», **чыстан-** «пахнуть, вонять» интегральная сема «характер субъекта» реализуется с помощью дифференциальных признаков «одушевлённость», «конкретность», «пассивность». По признаку целенаправленности восприятия этим глаголам противопоставлены глаголы **хара-** «выглядывать», **тыцна-** «прислушиваться», **чыста-** «принюхиваться», при которых субъект обладает теми же признаками, однако здесь он активен. С. А. Моисеева отмечает двойной характер глаголов восприятия: объективный и субъективный, так как субъект только «играет роль перцептора случайного перцептивного события, которое происходит без его ведома, и, таким образом, он безотчетно является локализатором акта перцепции, одновременно оценивая и выявляя ситуацию, привнося в факт перцепции субъективный момент. Но из того факта, что перцептивное событие манифестируется, обнаруживая свою реальность, следует, что значение высказывания носит объективный характер» [Моисеева, 2005, с. 162–163].

Итак, субъект является основным и полифункциональным компонентом семантической структуры предложения, коррелирующим с глаголами психической деятельности. Отмечаем следующие важные особенности позиции субъекта: 1) субъект – это лицо, проявляющий себя как мыслящий, высказывающийся, переживающий какие-либо эмоции, воспринимающий органами чувств явления внешнего и внутреннего мира индивид; 2) в предложении позиция субъекта чаще заполняется именем в им. п. и соотносится с подлежащим; 3) в конструкциях некоторых глаголов со значением ментальной, речевой и поведенческой деятельности субъект, выраженный именем в форме местн. п. имеет пространственное значение, при сочетании с ним глагол всегда имеет аффикс множествен-

ного числа, частично принимающий на себя функцию субъекта, т. е. указывает на неопределённое множество лиц; 4) в неопределённо-личных предложениях, смысл которых сводится к побуждению к какому-либо действию (советы, поучения, наставления, призыв), позиция субъекта отсутствует, но легко восстанавливается из актуального смысла предложения.

6.2. ВЫРАЖЕНИЕ ПРЯМОГО ОБЪЕКТА ФОРМОЙ ВИНТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА

Прямой объект в хакасском языке, как и в других тюркских языках, обозначается оформленным или неоформленным винительным падежом в зависимости от определённости-неопределённости выражаемого объекта. Существительное в вин. падеже оформляется аффиксами **-ны/-ні**, **-ты/-ті**, в случаях: а) если объект мысли является «личной принадлежностью» субъекта. Чаще это слова со значением родственных отношений. *Ол аказын сагысха кирче* – Он вспоминает [своего] брата; б) если речь идёт о конкретном явлении, предмете, т. е. объект определённый и выделяется из множества себе подобных. Здесь нередко вин. п. объекта сочетается с элементами, указывающими на его определённость. *Ирткен фестивальларда кинектерниң узы пөзік паалалган* (Хч, 2) – На прошлых фестивалях высоко ценилось мастерство инвалидов. *Ирткен часхыны сагысха кирчем* – Вспоминаю прошлое лето. В таких случаях фразовое ударение несёт объект в вин. падеже. При сочетании имени с уточняющим определением к существительному прибавляется аффикс принадлежности. *Ол арада кемнің-де чітіг көрізін сизін салган* (Хч, 8) – В тот момент он заметил чей-то пронзительный взгляд. М. И. Богояков полагает, что усечение аффикса винительного падежа **-ны/-ні** до **-н** при словах в форме принадлежности в хакасском языке связано с тем, что гласные аффикса принадлежности **ы, і** являются краткими (редуцированными) и узкими [Богояков, 1976, с. 48].

Относительно происхождения аффикса винительного падежа в тюркских языках имеются немало работ, многие исследователи склоняются к тому, что родительный и винительный падежи генетически взаимосвязаны. В частности, В. А. Богородицкий усматривает связь аффикса

винительного падежа с родительным: «...первичным является аффикс **-ы/-и**; в местоимениях 1-го и 2-го лица ед. ч. к этому окончанию путём морфологического переразложения отошло корневое **н** и, таким образом, получилось новое окончание **-ны/-ни**, затем переходящее и в именное склонение параллельно с таким же процессом в родительном падеже; в части юго-западной группы языков эти два окончания в именном склонении дифференцировались, также, как и аналогичные окончания в родительном падеже, т. е. **-ы/-и** стало применяться после согласного и **-ны/-ни** после гласного» [Богородицкий, 1953, с. 155].

«Объект восприятия – это фрагмент картины мира, включающий в себя, помимо самого предмета восприятия, его пространственно-временное определение, характеристики формы, цвета и т. д.» [Герасимчук, 2014, с. 44]. В роли объекта в предложениях перцептивных глаголов выступает существительное или субтантивированное причастие в форме вин. п. Существительные обозначают статичные предметы, лица, явления, натурфакты. В ЛСВ «смотреть, видеть» глагол **көр-** указывает на объект, который выражается различными способами: а) придаточной причастной конструкцией в вин. п.: *Лейтенант ікінчі хадарчыны сым идибіскенін көрбин халгам* (Чкч, 165) – Я не увидел, **как лейтенант заставил замолкнуть второго караульного**; б) именем в вин. п. *Пар кил, Казан, наа чирні көр кил. Көңніңе кірбесе, тарынмаспын, чүрееңе чатса, өрінем* (Ис, 104) – Съезди, Казан, посмотри новые земли. Если не понравится – не обижусь, а если понравится – буду рад. *Сині көріп алган ползам, пір дее хомзынмасчыһпын* – Если бы хоть [я] увидел **тебя**, я не переживал бы вообще. *Ах тасхылны ибiрiп, аарлыг тастар көргеннер* (Чкч, 21) – Обойдя белый тасхыл, увидели драгоценный **камень**. *Пос адын чоо иреелеп, ползыс чир дее көрбечең* (Чкч, 22) – [Он] толко свою лошадь мучил, никогда не видел **помощи**. *Стенедегі сомнарны, лозунгтарны көргелем* – [Я] рассматривала фотографии и лозунги на стене.

Если объект в форме вин. п. неопределённый, то аффикс винительного падежа отсутствует. *Ол килзёк, пістің хыс, Чачах, угаа көгліг, ойыннар сагын таапча* (Хч, 3) – Как только он придёт, наша девушка, Чачах, становится очень весёлой, придумывает **игры**. *Көпті көрген кізі оолахха тузалыг чөнптер чоохтаан* (Птн, 53) – Много повидавший человек мальчику давал (букв. рассказывал) **советы**. Данный факт можно объяснять как: «...в той позиции, где выбор возможен, предпочтение ви-

нительного падежа связывают с определённой объектом – с его известностью, индивидуальностью, выделенностью из среды. Форма неопределённого падежа чаще всего указывает либо на неиндивидуализированность объекта, либо же на его органическую включённость в данное действие (что тоже влечёт за собой утрату индивидуальности) *суу экел* = принести воды, *ёлёң чап* – косить траву. Но эти общие закономерности требуют серьёзной и непредвзятой проверки и уточнения на материале каждого языка. Так, наши наблюдения показывают, что форма без аффикса винительного падежа предпочитается тем последовательнее, чем менее определённым, слабее очерченным, менее выделенным из среды и «слитым с действием» представляется сам объект, чем слабее его референтное значение противостоит денотативному» [Черемисина, Озонова, Тазранова, 2008, с. 124–125]. В таких контекстах логический акцент делается не на объекте, а на других позициях.

В форме вин. п. при глаголах различной семантики часто выступают местоимения **нине** «что» и **нине-де** «что-то», под которыми подразумевается более развёрнутая информация, на которую указывается, но сама она не раскрывается, хотя и выявляется из широкого контекста: *Нине ле ол көрбеең* – **Чего только** он не видел. Местоимение **нине** часто сочетается с определёнными элементами: *пир дее нине* «ничего», *хай пирее нине* «что-то» или «кое-что», *пир нине* «одна вещь», «кое-что» или «ничего», *көрчег нине* «то, что нужно видеть», *пирее нине* «что-нибудь», *ноо-да нине* «что-то» и т. д. Такое разнообразие сочетаний и вытекающих из них значений говорит о способности местоимения **нине** функционировать в разных ипостасях.

Местоимение **нине-де** «что-то» сочетается с любым переходным глаголом со значением сообщения: **нине-де көр-** «что-то видеть», **нине-де хараксын-** «что-то высматривать», **нине-де чыста-** «что-то нюхать», **нине-де тутхла-** «что-то шупать» и т. д. Сочетание глаголов восприятия с местоимением **нине-де** обозначает, что воспринимающему субъекту не понятен и недоступен объект. Местоимение **нине-де** «что-то» в отличие от **нине** «что» а) не сочетается с какими-либо компонентами, которые бы меняли его семантику. Здесь только глагол принимает на себя сочетаемостьную нагрузку: *нине-де матап көрглеен* «что-то сильно рассматривал», *турада нине-де чыстанган* «в доме чем-то пахло» и т. д.;

б) будучи по природе неопределённым местоимением, оно не принимает ни аффикса принадлежности, ни аффикса вин. п., который присоединяется только к определённому объекту; в) не участвует в вопросительных предложениях.

Сближает эти местоимения следующее: а) они синонимичны в некоторых контекстах, где местоимение **нине** сочетается с конкретизирующими компонентами: *Суг хазынзар килерзің, хай пірее нине (нине-де) көзідем* – Придешь к речке, **что-то** покажу. *Анзы агаа ноо-да нине (нине-де) сөлепеткен* (Птн, 64) – Тот ему **что-то** говорил. *Ол ырахта ноо-да нине (нине-де) харахсынча* – Он **что-то** высматривает вдалеке.

При глаголах со значением слухового восприятия объект в вин. п. выражается именем, в семантике которой присутствует сема «звук»: *голос, песня, рев, шум, грохот* и т. д. Например, глаголы **ис-** «слушать, слышать», **тыңна-** «прислушиваться»: *Андаг сіліг сарынны мин хачан даа исеен полғам* – Я никогда раньше не слышал такой красивой песни. *Пу хабарны, үрүгін, парчан чон искен* – Народ слышал эту тревожную **новость**. *Испеңер аның чоогын. Ол пастаң хомай* (П, 43) – Не слушайте его (букв. его речь). Он больной на голову... *Зина, хыринда чоохтанчатхан ипчизер дее көрзе, пу чоохты сиргек тыңнаан* (Т, 134) – Зина, хоть и смотрела на разговаривающую рядом женщину, прислушивалась к этому **разговору**.

Придаточное предложение с главным словом в форме вин. п. при глаголах **көр-** «смотреть, видеть» и **ис-** «слушать, слышать» обозначает ситуацию, динамику предметов, лиц и явлений. *Контролерлар милиционерлернең хада париганнарын көр салып, пайагы ипчі уламох салчып сыхты* – Увидев, **что** контролеры **идут с милиционерами**, эта женщина стала браниться ещё сильнее. Глагол **ис-** «слушать, слышать» редко управляет данной формой объекта. *Апсахтың пылтыр хузухтан чөргенін искем* (Хч, 36) – [Я] слышал, **что** старик в прошлом году **ездил за шишками (орехами)**. Смысл подобных предложений заключается в том, что субъект не был явным свидетелем давно состоявшегося события, но информирован о нём через третьи лица.

В качестве объекта при глаголах зрительного, слухового восприятия выступают наименования лица, содержания действия и события, состояния или какой-либо субстанции. Объекты восприятия при этих глаголах представляют фрагменты действительности, окружающего мира, однако

они не всегда актуальны для субъекта. При тактильных глаголах объектом являются названия материальной сущности, то, что можно потрогать руками, пощупать. Однако выражение процессов вкусового, тактильного и обонятельного восприятия имеет свою специфику. Значение вкусового восприятия передаётся одним из ЛСВ многозначного глагола **кёр-** «смотреть; видеть», «пробовать на вкус и еду», где в качестве вспомогательного глагола обозначает, что действие совершается для пробы. При глаголах вкусового восприятия объект выражается существительными или местоимениями, обозначающими продукты питания. *Пу сүтти амзап кёрдек, прайзы махтапча* – Попробуй-ка это **молоко**, все хвалят.

Все эти глаголы распространяются объектом в форме вин. падежа, за исключением глаголов осязания, общая модель которых являются субъект + объект в форме дат. падежа + глагол. *Теңме паза миниң мылтыгыма!* – *хысхырған Микей* – Больше не трогай мое **ружье** [букв. не прикасайся больше к моему ружью!] – кричал Микей. В конструкция глаголов **чыстан-** «вонять, пахнуть; издавать запах» и **тады-** «иметь какой-л. вкус, иметь привкус чего-л.» объект выражается формой неопр. падежа. В предложениях с глаголами обоняния часто сочетаются наречия с семантикой оценки, меры и степени (*чабал чыстанча* «плохо пахнет», *тадылыг чыстанча* «вкусно пахнет», *хайдадар чыстанча* «сильно пахнет», *хомай тадыпча* «имеет плохой вкус», *көмес ле тадыпча* «имеет незначительный вкус чего-л.» и т. д.).

Глаголы зрительного восприятия **кёр-** в ЛСВ «смотреть, видеть» и **харахсын-** «1) высматривать что-л., находящееся вдали; 2) обозревать, озираться вокруг», **хылчаңна-** «оглядываться по сторонам, чаще, назад» также могут управлять именем в напр. п. *Үгретчи хольндагы часызынзар көрібіскен* (Ис, 154) – Учитель посмотрел на свои **часы**.

Как известно, принадлежность глаголов к определённой группировке на основании наличия общих сем в семантике предполагает сходство их синтагматических свойств, что предопределяет способы их функционирования в предложении. В данную синтагматическую цепь выстраиваются как обязательные, так и факультативные (периферийные) позиции, при разграничении которых лингвисты придерживаются различных мнений. Есть устойчивое мнение [Аринштейн, 1981, с. 3] относить к обязательным позициям приглагольные компоненты, опирающиеся на семантическую валентность глагола, а позиции обстоятельств, относящих-

ся ко всему предложению в целом, рассматривать как факультативные. Обязательными позициями в конструкциях глаголов со значением восприятия являются субъект и объект. Позиция субъекта не отличается разнообразием выражений, обычно заполняется именем одушевлённого лица. Средствами выражения позиции объекта являются: имя или зависимое придаточное предложение с главным словом в форме в вин. п., реже – в напр. п. Придаточное предложение с доминирующим словом в вин. п. даёт более пространное представление об объектной ситуации. Управление тем или иным способом выражения объектности при рассматриваемых глаголах варьируется в зависимости от особенностей их семантики.

6.3. ТЕРНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ СМЫСЛОВ: «ВОСПРИНИМАТЬ» – «ВОСПРИНИМАТЬСЯ» – «ИСПОЛЬЗОВАТЬ СПОСОБНОСТЬ ВОСПРИЯТИЯ»

Как мы уже говорили, в зависимости от целенаправленности или ненаправленности процесса, субъект может быть активным или пассивным. Положение Ю. Д. Апресяна о тернарной оппозиции смыслов в понятии восприятия: «воспринимать» – «восприниматься» – «использовать способность восприятия» мы попробовали наложить на хакасский материал. В принципе можно допустить необходимость четвёртой серии глаголов, обозначающих активное воздействие объекта на орган чувства: *«ср. бросаться в глаза для зрения, доноситься для слуха, шибать (в нос) для обоняния. Однако эта серия во отношениях менее регулярна, чем первые три, и мы ее пока не включаем в рассмотрение»* [Апресян, 1995, с. 43–44]. Автор, исходя из того, что каждая из пяти подсистем восприятия (зрение, слух, обоняние, вкус, осязание) обслуживается тройкой глаголов, не считая синонимов, насчитывает 15 глаголов в русском языке ($3 \times 5 = 15$) [Апресян, 1995, с. 44]. Таким образом, мы используем предложенную Ю. Д. Апресяном данную семантическую парадигму по тройной смысловой оппозиции в анализе хакасского материала:

1. «Воспринимать». Как мы отмечали, в хакасском языке к основным глаголам восприятия относятся **кӧр-** «смотреть; видеть», **ис-** «слушать, слышать», **чыста-** «нюхать», **амза-** «пробовать что-либо (обычно, жидкое), чтобы определить его вкус или готовность», **тееп кӧр-** «попробовать задеть, дотронуться, прикоснуться, притронуться; потрогать». Эти

глаголы выражают значение «воспринимать что-л.». Первые четыре глагола отличаются морфологической простотой, но они имеют разные синтагматические валентности: *смотреть*, *слушать*, *нюхать*, *пробовать* + что. В качестве объекта у глаголов **көр-** «смотреть», **ис-** «слушать, слышать» могут выступать придаточные предложения с главным словом в форме вин. п. Эти глаголы управляют также придаточными предложениями, вводимыми такими союзными словами, как *хайди* «как», *нине* «что». *Че кем көрче, хайди аның күстіг паза тик чүреенде пүүн хатап төрпиче кизи* (Ат, 159) – Но кто видит, **как** в его сильном и мужественном сердце сегодня перерождается новый человек. *Мин көрчөм, нине сірер итчезер кўн тооза, сагынчазар, көрбинчөм* – Я вижу, чем вы занимаетесь целыми днями, вы думаете, я не вижу. Объект при глаголе **ис-** «слушать, слышать» описывает ситуацию или событие, в которой субъект не участвовал и не был свидетелем, а только получил о ней информацию через третьи лица, которые не называются. *Искем, хайди анда Казар чалгызан илепче* (Ат, 209) – Я **слышал**, как там Казар страдает в одиночестве. Или же субъект может быть свидетелем происходящей ситуации, благодаря своей слуховой способности. *Искем, хайди сірер тураа толдыра көглескөзөр* – Я **слышала**, как вы веселились на весь дом (т. е. было слышно во всем доме).

Глагол **амза-** «пробовать что-либо (обычно, жидкое), чтобы определить его вкус или готовность» сочетается лишь с существительными со значением продуктов питания: *араганы амза-* «пробовать вино», *айран амза-* «пробовать айран» и т. д.

Глагол со значением осязания **тееп көр-** «попробовать задеть, дотронуться, прикоснуться, притронуться; потрогать» отличается от предыдущих не только аналитическим типом построения, но и маркировкой субъекта признаками «любопытство» и «любопытность», которые обеспечиваются значением вспомогательного глагола **көр-** «пробовать». Тематика имен, занимающих позицию объекта при глаголе **тееп көр-** «попробовать задеть, дотронуться, прикоснуться, притронуться; потрогать» широка: это могут быть различные предметы, живые существа, т. е. физические тела, к чему можно прикоснуться, потрогать.

2. «Восприниматься». Данное значение обеспечивается тремя основными глаголами восприятия при помощи залоговых аффиксов: глаголы **көрін-** «смотреться, виднеться» и **чыстан-** «пахнуть» содержат в своей

основе аффиксы возвратного залога **-ін/-н**, а глагол **истіл-** «слышаться» образован путем присоединения к основе **ис-** «слушать, слышать» аффикса страд. залога **-іл-**. Как видим, залоговые аффиксы допускают грамматический сдвиг в основе глаголов, за счёт которого их семантика имплицитно имеет субъекта. В данном случае в пресуппозиции допускается присутствие пассивного субъекта «за кадром» [выражение Е. В. Падучевой, 2004а, с. 210]. Субъект при этих глаголах формально не занимает никакой синтаксической позиции в предложении. Но он воспринимает объект (то, что видно, слышно или пахнет), не направляя на него своё внимание и не прилагая каких-либо дополнительных усилий. *Хайдаң-да сарыннар истілче* – Слышно, как где-то поют песни. *Каскарның кистінең пәзік сынның чиит оол көрінче* (Ат, 101) – За спиной Каскара виден высокий молодой человек. *Пу пәзіктең прай чир ұстұ тигір тәзіне читіре көрін чатча* (Ат, 161) – С этой высоты видна вся земля до далеких горизонтов.

«... Перцепция при этом является неконтролируемой. Звуковой объект, как известно, существует независимо от воспринимающего его субъекта, следовательно, звуковое событие в ситуации неактивного восприятия протекает самостоятельно и может быть либо замечено, услышано субъектом, либо может остаться невоспринятым» [Новоселова, <http://md.islu.ru>]. Такие ситуации Е. В. Падучева трактует как «пассивно-потенциальная диатеза с родовым Наблюдателем» [Падучева, 2004, с. 211].

Иногда позиция субъекта при рассматриваемых глаголах может конкретизоваться: а) именем в дат. п. *Мағаа көрінминче, нименің ұңұн аның харахтарының хыринда тырысхаттар чылыс парған – күлінгенінең ме алай ирке көргенінең ме* (Ат, 183) – Мне не видно, из-за чего возле её глаз появились морщинки: то ли от того, что она улыбалась, то ли от того, что смотрела так нежно; б) наличием личного аффикса в сказуемом придаточного предложения. *Піреде наа хазып тооссабыс, «Алнынзар!» тіп команда истілче* (Чкч, 217) – Иногда как только закончим копать, слышна команда «Вперед!». Только глагол **чыстан-** «пахнуть» логически не может строить конструкции относительно второго случая.

Основные глаголы со значением осязания **тееп көр-** «попробовать задеть, дотронуться, прикоснуться, притронуться; потрогать» и со значением вкусового восприятия **амза-** «пробовать что-либо (обычно, жид-

кое), чтобы определить его вкус или готовность» не принимают никаких залоговых аффиксов и, соответственно, не могут выражать значение «восприниматься». Но действует глагол **тады-** «иметь *какой-л.* вкус, иметь привкус *чего-л.*», который сочетается с именем объекта (любое кушанье или напиток) и наречием, выражающим характеристику вкусового восприятия (вкусно, невкусно, неприятно, сладко и т. д.). Субъект, для которого какое-либо кушанье имеет какой-либо вкус, имплицитруется, хотя действие, выражаемое этим глаголом не может совершаться без него. *Ўзүре хомай тадыпча ба?* – Что, суп **имеет плохой вкус?** Но возможны конструкции, где акцентируется внимание на субъекте, выраженном именем (обычно, местоимением 1 и 2 лица) в форме дат. п. *Салат магаа, ачып парган чили, тадыпча* – **Мне** кажется, салат испорчен (*букв. для меня* салат имеет вкус испорченного). В подобных предложениях присутствие выраженного субъекта в 1 лице означает, что обозначаемый наречием вкус характерен исключительно для него. Позиция субъекта, выраженного местоимением 2 лица, обычно появляется в вопросительных предложениях: *Халас сагаа хайди тадыпча?* – Как **тебе** хлеб? (*букв. какой вкус имеет хлеб для тебя?*). Выражение субъекта местоимениями 1 или 2 лица, на наш взгляд, объясняется тем, что пищевой вкус относится к субъективной категории. Говорящий может рассуждать лишь о своих приятных или неприятных ощущениях во рту при приёме или пробе пищи с целью распознавания его свойств, поскольку он не может знать, какие ощущения испытывают другие лица. Также он может лишь спросить собеседника, какие он испытывает ощущения от пробы тех или иных продуктов.

По сведениям Ю. Д. Апресяна, в русском языке отсутствуют одноставные глагольные выражения значений осязания и вкусового восприятия с позиции объекта («восприниматься») и данные клетки семантической парадигмы заполняются свободными выражениями «быть на ощупь» и «быть на вкус» [Апресян, 1995, с. 44]. В хакасском языке значение «восприниматься» обслуживается четырьмя глаголами: **көрін-** «смотреться, виднеться», **чыстан-** «пахнуть», **истіл-** «слышаться». Аналогом русскому выражению «быть на вкус» является самостоятельный глагол **тады-** «иметь *какой-л.* вкус, иметь привкус *чего-л.*». А значение осязания в данном ракурсе никак не выражается.

3. «Использовать способность восприятия». Из пяти основных глаголов восприятия данное значение могут реализовать лишь глаголы **көр-** «смотреть, видеть», **ис-** «слушать, слышать», реже – **чыста-** «нюхать», формируемые конструкции которых отличаются следующими признаками:

а) «отсутствие объекта». В этих предложениях актуализируется способность субъекта воспринимать (смотреть, слышать, нюхать). *Нинче-де кўн пазынаң милиционер килгенде, ол сўўледе ылгабысхан. Көрерге кўлкістіг дее, аяастыг даа полган* (Х, 52) – Когда через несколько дней приехал милиционер, он заплакал навзрыд. Было и смешно, и жалко смотреть. *Пу одырған чонның аразында агаа таңнабаан, аны испеен улуг-кічиг дее халбаан* (Ат, 174) – Среди этих сидящих людей от мала до велика не осталось никого, кто бы не удивлялся ему и кто бы не слышал его;

б) «наличие характеризующих процесс конкретизаторов». *Кізінің хараана нога-да орта көр полбиныбысчазың. Че поэңны кўстеп, орта даа көрчетсең, чўрееңде чиг сағыстар тыс пирбинчелер* (Ат, 142) – Почему-то не можешь смотреть прямо в глаза людям. Но, если даже и стараешься смотреть прямо, в сердце тяжёлые мысли не дают покоя. – *Тогызар? – хази көрібіскен Шалгинов. – Теем хайза, тохтаңар. Улуг киректі сайбирға пирбеспіс* (Ис, 157) – Вы против? – посмотрел в упор Шалгинов. – Я же говорил, прекращайте. Мы не дадим испортить важное дело. В подобных контекстах содержится обязательный актант с семантикой признака действия.

В семантике глаголов **тееп көр-** «попробовать задеть, дотронуться, прикоснуться, притронуться; потрогать», **амза-** «пробовать что-либо (обычно, жидкое), чтобы определить его вкус или готовность» не содержится сема использования способности восприятия, о чём свидетельствует отсутствие характерных для реализации данного значения признаков в формируемых ими конструкциях.

Таким образом, в хакасском языке оппозиции смыслов – «восприятие» – «восприниматься» – «использовать способность восприятия» обслуживаются 12 глаголами. (Вспомним, в русском языке, по сведениям Ю. Д. Апресяна – 15 глаголов: $(3 \times 5 = 15)$ [Апресян, 1995, с. 44]). В хакасском языке в первой позиции значение «воспринимать» выражается всеми пятью основными глаголами со значением восприятия. Во второй позиции «восприниматься» выпадает глагол со значением осязания: ос-

новой глагол **тееп көр-** «попробовать задеть, дотронуться, прикоснуться, притронуться; потрогать» не принимает залоговый аффикс, обеспечивающий другим глаголам значение «восприниматься». Третья позиция «использовать способность восприятия» репрезентируется только тремя глаголами: **көр-** «смотреть, видеть», **ис-** «слушать, слышать», реже – **чыста-** «нюхать», что может быть связано с их наибольшей частотностью. В их семантике также содержится наименование органа восприятия, как инструмента действия, который эксплицируется как способность воспринимать: смотреть + глазами, слышать + ушами, нюхать + носом. В семантике глагола **амза-** «пробовать *что-либо* (обычно, жидкое), чтобы определить его вкус или готовность» тоже есть указание на орган восприятия: язык. Однако синтагматические возможности этого глагола и глагола **тееп көр-** «попробовать задеть, дотронуться, прикоснуться, притронуться; потрогать» не обладают признаками, характерными для глаголов данной категории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В проведенном исследовании впервые в хакасском и тюркском языкознании подвергнута системному семантико-когнитивному описанию семантическое поле хакасских глаголов со значением восприятия и, по мере возможностей, и их лексических соответствий в других тюркских языках. В основе объединения в одно семантическое поле данных глаголов лежит антропоцентрический аспект, в частности, категориально-лексическая сема «воспринимать окружающий мир определённым органом (зрением, слухом, обонянием, осязанием, вкусовыми рецепторами)». Анализ вопросов, связанных с глагольной лексикой, показал, что для изучения её, как системы, особо важными представляются парадигматический, функционально-семантический, семантико-когнитивный аспекты и метод компонентного анализа семантики глагола. Исследование перцептивной лексики в хакасском языке позволяет выявить их когнитивное содержание, которое репрезентирует фрагмент сложившейся в хакасском этносе языковой традиции мировидения. Антропоцентрический подход заключается в осознании того, что именно деятельность человека в социуме приводит в движение внутренние механизмы варьирования, скрытые в системном характере языка. Глагольная лексика со значением восприятия – есть один из аспектов проявления антропоцентризма. Лексические особенности и специфика формальной и семантической структуры данных глаголов, характер их взаимоотношений внутри семантических группировок, в частности, ЛСГ, рассматриваются нами как фрагмент языкового отражения хакасского мировидения.

В хакасском языке, как и в других тюркских языках, ядро семантического поля глаголов восприятия составляют обобщетюркские глаголы с наиболее обобщённым понятийным содержанием **кӱр-** «смотреть; видеть», **ис-** «слушать»; более узкие значения у глаголов **чыста-** «нюхать; обонять», **тутхла-** «трогать; ощупывать»; **чӱп кӱр-** «попробовать (о вкусовом восприятии)». Они же являются доминантными в ЛСГ глаголов, репрезентирующих пять систем восприятия окружающего мира. Наиболее обширными по количеству ЛСВ и частотными по употребительности являются глаголы **кӱр-** «смотреть, видеть» и **ис-** «слышать». Все глаголы восприятия отличаются морфологической простотой, широкой сочетае-

мостью, стилистической нейтральностью, принадлежностью к основному лексическому фонду хакасского языка.

По сравнению с другими лексическими группировками глаголов, исследуемое лексико-семантическое поле немногочисленно. Относительно обширной и богатой является группа глаголов со значением зрительного восприятия, например, глагол **кёр-** «смотреть, видеть», в силу своей частотности, является многозначным, помимо основного ЛСВ «смотреть, видеть», он выражает и переносные неперцептивные значения. Семантическое содержание данного глагола в целом идентично с его лексическими соответствиями в других тюркских языках (особенно, в сибирских). Остальные же глаголы зрительного восприятия дифференцируются в обозначении направления взгляда, целенаправленности и характеристики зрительного процесса. Зрительный процесс в хакасском и других сибирских тюркских языках также передаётся фразеологическими единицами, в составе которых стержневым компонентом является *харах* «глаз; глаза»; в других же тюркских языках в образовании ФЕ обычно используется лексема *kös / göz*. Обширность семантики зрительного восприятия распространяется также и на выражение чувства ненависти через зрительный код во многих разноструктурных языках. Также особую стратификацию в зрительном восприятии представляет собой взаимодействие таких понятий, как зрение и вера (достоверность). Данный факт отражён в трёх описанных нами семантико-когнитивных моделях: «созерцание ↔ достоверность, придающая уверенность субъекту»; «созерцание ↔ вера субъекта в реальную действительность»; «созерцание ↔ «отрицание» действительности».

В лингвистике принято считать, что зрительное и слуховое восприятия наиболее важные в жизнедеятельности живых существ, в частности, человека. Языковая репрезентация данных систем отличается разнообразием и относительно богатым лексическим выражением, чем привлекают внимание исследователей в различных областях науки. А остальные три системы: обоняние, осязание и вкус считаются периферийными, поскольку глаголы со значениями вкусового восприятия, обоняния и осязания немногочисленны и в семантическом аспекте являются чаще однозначными. Однако для многих живых существ, в определённых ситуациях для человека, данные типы восприятия являются наиболее важными и основными. Тем самым получается противоречивая картина: с одной

стороны считается, что зрительное и слуховое восприятие – есть базовые в общей системе восприятия, о чём свидетельствуют активность и частотность в употреблении выражающих их глаголов. С другой стороны, такие виды восприятия, как обоняние, осязание и вкус – не менее важные перцептивные способности человека. Соответствующие рецепторы в организме человека предохраняют его и других живых существ от опасных и нежелательных воздействий внешнего мира: от высоких или низких температур, отравлений, вдыхания неприятных запахов и газов, от различных факторов, причиняющих боль и т. д. Однако в лексике данные виды восприятия отражены очень скромно, что даёт возможность лингвистам (И. Д. Гарипова, Тун Хуэй, З. С. Франгулис и др.) относить их к периферии системы восприятия. Мы же считаем, что, несмотря на неравномерность в языковой репрезентации, все пять перцептивных способностей человека одинаково важны и социально значимы, поэтому **мы ставим знак вопроса в названиях третьей и четвёртой глав.**

Семантика глаголов восприятия предполагает субъекта восприятия и объекта. Относительно конструкций рассматриваемых глаголов имеется ещё один синтаксический фактор, о котором мы не говорили, но он имеет место. Как показывает иллюстрационный материал, глаголы избирательны в отношении референции: для них возможность отнесения выражаемого действия (состояния) к человеку проявляется в определённом контексте. В таких случаях многие исследователи говорят об акцентных сдвигах. Два вида акцентных сдвигов – сдвиги на уровне участников ситуации и на уровне компонентов толкования – описаны в статье Е. В. Падучевой 1999 г. на примере глагола *назначить* [Падучева, 1999]. Позже, в другой статье, на примере семантики вины (заклѳчѳнном в слове *вина* и его производных: *виноват*, *признать вину*, *осознать вину* и др.), Е. В. Падучева более подробно рассматривает сдвиги на уровне компонентов толкования, которые, как правило – контекстно обусловлены. Выявив такие компоненты семантики вины, как «причина чего-то плохого», «плохой поступок», «вина как состояние», автор пишет: «Толкование ... ориентируется только на некий основной, прототипический контекст употребления. Прочие контексты – а их много – так или иначе модифицируют толкование. ... Изменения значения под влиянием контекста носят достаточно единообразный характер. В основном, это сдвиги акцентов...» [Падучева, 2000]. В хакасском языке в разных контекстуальных

условиях также могут происходить сдвиги акцента (или фокуса внимания). Это происходит и на уровне участников ситуации, и на уровне компонентов толкования (во втором случае один компонент ситуации активизируется, а другой – «уводится в тень». Напр., *Хыстар даа ам агаа нандырыг пирерге аарыныбысханнар* (Птн) – И Хыстар застенялась ответить ему. *Мин хайдаг даа ниме урунзам, иңнілерім хайди даа тўссе, бригадир полганыма хачан даа ачырганмаспын* (Д, 76) – Что бы мне ни приходилось переживать и как бы ни опускались плечи, я никогда не буду сожалеть о том, что был бригадиром. В первом предложении акцентируется внимание на выражении действия, а во втором – на объекте действия.

Тем самым семантическое поле глаголов восприятия, являясь одним из важных и основных структурных образований в лексической системе любого языка, существует в нескольких проявлениях: как наименования (способы отражения) деятельности человека, как лексические единицы, обладающие функциональным потенциалом, как единицы, взаимодействующие между собой в целях проявления прагматики языка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абдуразаков М. А. Семантические типы субъектов. Ташкент: Ташкентский гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Ф. Энгельса, 1991. 103 с.
2. Авдеевнина О. Ю. Семантика «состояние&действие» в содержании перцептивных глаголов // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Серия Филология. Журналистика. Вып. 2. С. 10–18.
3. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография // Избранные труды. Том II. М.: Языки русской культуры, 1995. 472 с.
4. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. №1. С. 37–67.
5. Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I: Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009. 568 с.
6. Аринштейн В. И. Структура предложения и семантика глаголов (К проблеме обязательности / факультативности объекта) // Взаимодействие языковых единиц различных уровней. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. С. 3–16.
7. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 384 с.
8. Арутюнова Н. Д. Семантическая структура и функции субъекта // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1979. Т. 38. С. 323–334.
9. Арутюнова Н. Д. «Полагать» и «видеть»: (к проблеме смешанных пропозиционных установок) // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов: сборник статей / АН СССР, Институт языкознания; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука. 1989. С. 7–30.
10. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
11. Архипова Ю. Ю. Состав, семантика и функционирование лексико-семантической группы глаголов зрительного восприятия (на материале художественных текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000.
12. Бахтина В. П. Лексико-грамматическая сочетаемость глаголов речи в русском языке // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Т. 2. Воронеж, 1966. С. 158–163.
13. Бердникова Т. А. О структуре и семантике фразеологических единиц с компонентом – соматизмом (на материале архангельских говоров) // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. Ред. В. А. Красных, А. И. Изотов. М.: Диалог – МГУ, 2000. Вып. 12. С. 28–34.
14. Богданова В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. 204 с.
15. Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание и связи с другими тюркскими языками. Изд. 2-е, испр. и доп. Казань: Татгосиздат, 1953. 220 с.
16. Боргояков М. И. Развитие падежных форм и их значений в хакасском языке. Абакан: Хакасское отд. Красноярского книжного изд-ва. 1976. 159 с.
17. Буглак С. И. Глаголы сенсорного восприятия в предложении в английском языке // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2012. № 4. С. 120–127.

18. Буданцева Н. А. Глагольная таксономическая модель концепта зрительное восприятие (на материале английского и французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2014. 18 с.
19. Васильев Л. М. Семантика русского глагола. М.: Высшая школа, 1981а. 184 с.
20. Вежицка А. Восприятие: семантика абстрактного словаря // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. М.: Прогресс, 1986. С. 336–369.
21. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. Перевод с англ./ ответ. ред. М. А. Кронгауз; вступ. статья Е. В. Падучевой. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
22. Волков А. Чем пахнут кварки? // Знание – сила. Ежемесячный научно-популярный и научно-художественный журнал. 2004. № 12 (930). С. 86–88.
23. Воронина Д. Д. О функции и значении семантического субъекта в строе русского предложения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976. 24 с.
24. Гайсина Р. М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1981. 195 с.
25. Галлерт Д. Н. Способы выражения категории «запах» в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.
26. Ганзен В. А. Восприятие целостных объектов. Л.: Изд-во Ленинградского университета. 1974–2007. URL: <http://ddong.narod.ru/ganzen/index.htm> (дата обращения: 12.02.2015).
27. Гарипова И. Д. Словообразовательная детерминация глаголов зрительного восприятия (на материале русского и татарского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. Казань, 2013. 22 с.
28. Герасимчук М. С. Объект-ситуация в когнитивной модели зрительного восприятия в рассказах Бориса Екимова (циклы «Память лета» и «Житейские истории») // Уральский филологический вестник. Серия: психолингвистика в образовании. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет. 2014. № 2. С. 44–49.
29. Гинзбург Р. С. О системности словарного состава // Актуальные проблемы лексикологии. Доклады III лингв. конф. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т. 1971. С. 89–91.
30. Глинка Е. В. Система глаголов восприятия, мышления и говорения: на материале исторических словарей русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Брянск. 2003. 22 с.
31. Гудавичюс А. Лексико-семантическая группа зрительного восприятия в русском и литовском языках (Опыт семантической типологии): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вильнюс, 1970.
32. ГХЯ – Грамматика хакасского языка / ред. М. И. Боргояков, А. И. Грекул, Г. И. Донидзе [и др.]; под ред. проф. Н. А. Баскакова. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1975. 420 с.
33. Дадаев Т. Ш. Глаголы чувственного восприятия в разносистемных (узбекском и русском) языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1997.
34. Дмитриевская М. А. Философия памяти // Логический анализ языка: Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 78–85.
35. Дроботун А. В. Лексика обоняния в языке художественной прозы М. А. Шолохова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2006.

36. Желтухина М. Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2004. 44 с.
37. Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с. (Язык, семиотика, культура).
38. Зникина Л. С., Седых Д. В. Прагматическая функция языка в профессиональной коммуникации: лингводидактический аспект // Гуманитарно-педагогическое образование. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Севастопольский государственный университет». Севастополь. 2018. Т. 4. № 3. С. 39–43.
39. Каксин А. Д. Глагольная репрезентация понятия восприятия в хантыйском языке // Таврический научный обозреватель. 2016. № 1–1 (6). С. 104–108.
40. Каксин А. Д. Глагольное выражение семантики восприятия в казымском диалекте хантыйского языка // Филология и человек. Научный журнал. 2017. №3. С. 163–171.
41. Каксин А. Д. Модель восприятия пространства у ханты: данные языка // Человек и Север: Антропология, археология, экология: материалы Всероссийской научной конференции. Федеральный исследовательский центр: Тюменский научный центр СО РАН. Тюмень. 2018. С. 352–355.
42. Каксин А. Д. Мирозрение человека и его отражение в языке (к проблематике современного типологического языкознания) // Язык: история и современность. Научный, образовательный, культурно-просветительский журнал Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова. Нальчик. 2017. № 1. С. 52–59.
43. Каксин А. Д., Чертыкова М. Д. К вопросу о глаголах восприятия в хантыйском языке // Материалы VI Конгресса этнографов и антропологов России (Санкт-Петербург, 28 июня – 2 июля 2005 г.). СПб., 2005. С. 473.
44. Каксин А. Д., Чертыкова М. Д. Когнитивная основа семантической классификации глаголов восприятия в разноструктурных языках // Культура народов Причерноморья: научный журнал. 2009. № 168. Т. 1. С. 331–334.
45. Кашкин В. Б. Авторитетность как коммуникативная категория // Авторитетность и коммуникация. Аспекты языка и коммуникации. Вып. 4. Воронеж: ВГУ, 2008. С. 7–23.
46. Колесов И. Ю. Актуализация зрительного восприятия в языке: когнитивный аспект (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2009. 31 с.
47. Копров В. Ю., Козюра Т. Н. О некоторых особенностях выражения субъектно-объектных отношений предложениями с глаголами восприятия и умственного действия в русском и французском языках // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2006. № 1 (1). С. 83–89.
48. Котенева И. А. Номинация запаха во французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2006.
49. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.
50. Кретов А. А. Семантические процессы в лексико-семантической группе глаголов зрительного восприятия современного русского языка: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1980.

51. Кретов А. А. Из наблюдений над семантикой и сочетаемостью глаголов зрительного восприятия // Семантика и структура предложения. Уфа, 1978.
52. Кривошеева И. В. Структурные схемы русского простого предложения с глаголами эмоциональной деятельности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1999.
53. Кубрякова Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке) // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 58. № 5–6. 1999. С. 3–12.
54. Кузнецова Э. В. О пересекающемся характере лексико-семантических групп слов // Семантика и структура предложения: лексическая и синтаксическая семантика. Уфа, 1978. С. 7–13.
55. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1989. 216 с.
56. Кулиев Г. К. Лексико-семантическое развитие глаголов слухового восприятия в тюркских языках юго-западной группы // Советская тюркология. № 5. Баку, 1978. С. 70–70.
57. Кулиев Г. К. Сравнительно-исторический анализ лексико-семантического развития глаголов зрения в тюркских языках огузской группы // Советская тюркология. № 54. Баку, 1976. С. 3–11.
58. Лексико-семантические группы русских глаголов: коллективная монография / научный редактор Э. В. Кузнецова. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1989. 176 с.
59. Макарова О. В. Лингво-когнитивный аспект высказываний, репрезентирующих фрейм вкуса в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. н.: 10.02.01 – Русский язык. Барнаул. 2007. 22 с.
60. Малах Е. С., Остроумова А. Ю. Внешнее сравнение способов числового маркирования имени существительного в конструкциях с существительными, обозначающими парные предметы в угорских языках и языках пермской подгруппы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2016. № 7 (61). В 3-х ч. Ч. II. С. 126–129.
61. Малкина Л. М. Принципы организации лексического состава художественного текста // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: сб. науч. тр. Белгород: БелГУ, 1998. С. 153–155.
62. Межекова Н. Н. Шорский диалект // Диалекты хакасского языка. Очерки и материалы / отв. ред. Д. Ф. Патачакова. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства. 1973. С. 49–67.
63. Михайлова Н. И. Формы побуждения в шорском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск. 1997. 19 с.
64. Моисеева С. А. Семантическое поле глаголов восприятия в западно-романских языках. Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. 264 с.
65. Моисеева С. А. Глаголы восприятия и дейксис // Известия Российского государственного педагогического университета. 2003. №5. С. 106–115.
66. Моисеева С. А. Особенности полисемии глаголов восприятия (на материале западно-романских языков) // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 2. С. 39–49.
67. Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. М.: Прогресс, 1981. 231 с.

68. Новосёлова М. В. Концептуализация ситуации слухового восприятия с различными профилирующими признаками // «Magister Dixit»-научно-педагогический журнал Восточной Сибири № 3 (09). Сентябрь 2013. URL: <http://md.islu.ru/>.
69. Омельченко С. Р. Функционально-семантическая характеристика русских ментальных глаголов // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 31. С. 217–229.
70. Осицкая Е. С. Глаголы слухового восприятия как предикаты пропозиционного отношения // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация, 2010. № 3. С. 89–91.
71. Павлова Н. С. Лексика с семой «запах» в языке, речи и тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 18 с.
72. Павлова Н. С. Конкретная лексика с семантическим компонентом «залах» (на материале толкового словаря немецкого языка DUDEN) // Известия. Уральского государственного университета. № 33. Выпуск 8 «Гуманитарные науки». 2004. С. 33–45.
73. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с. (Studia philologica).
74. Падучева Е. В. Генитив отрицания и Наблюдатель в глаголах типа звенеть и пахнуть // Язык как материя смысла: сб. ст. к 90-летию акад. Н. Ю. Шведовой / Рос. акад. наук, Отд-ние ист.-филол. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, Науч. совет «Рус. яз.»; [М. В. Япон (отв. ред.) и др.]. М.: Азбуковник, 2007. С. 164–171.
75. Падучева Е. В. К структуре семантического поля «восприятие» (на материале глаголов восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. 2001. № 4. С. 23–44.
76. Падучева Е. В. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Русский язык в научном освещении. № 1. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 52–79.
77. Падучева Е. В. О параметрах лексического значения глагола: онтологическая категория и тематический класс // Русский язык сегодня. Проблемы русской лексикографии. М., 2004б. С. 213–238.
78. Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
79. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении: зрительное восприятие + знание. М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР. 1956. 512 с.
80. Подсезалова Н. О. Концепт глаза в английской концептосфере // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 5. С. 158–162.
81. Рамазанова А. Х. Лексико-семантические средства выражения значения презрения в разносистемных языках // Вестник Воронежского университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 2. С. 151–153.
82. Рассадин В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках / отв. ред. И. Д. Бураев. М.: Наука, 1980. 113 с.
83. Сафонова И. А. Функционирование глаголов восприятия в «Житии Андрея Юродивого» // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: материалы Междунар. науч. конф., г. Волгоград, 24–27 апреля 2005. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005а. С. 129–132.
84. Сафонова И. А. Семантика и употребление глаголов восприятия в казачьих сказках // Взаимодействие русского литературного языка и территориальных диалектов. Волгоград: ВолГУ, 2005б. С. 163–168.

85. СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / авторы: Э. Р. Тенишев, Г. Ф. Благова, И. Г. Добродомов [и др.]. 2-е изд., доп. М.: Наука. 2001. 822 с.
86. Сидельников В. П. Лексика со значением «запах» в русском языке. К проблеме языковой сущности лексических микросистем: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Харьков, 1983. 25 с.
87. Слесарева И. П. Проблемы описания и преподавания русской лексики. М.: Русский язык, 1980. 182 с.
88. Стеванович Р. И. Роль зрительного восприятия в ментальной сфере и его отражение в языковой картине мира (на материале русского и английского языков) // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24 (63). №1. Часть 1. 2011. С. 306–310.
89. Талапова Т. А. Концепт «вера / неверие» в русской языковой картине мира. Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2010. 144 с.
90. Тарасов Е. Ф. Речевое воздействие как проблема речевого общения // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации / отв. ред. Ф. М. Березин, Е. Ф. Тарасов. М.: Наука, 1990. С. 3–14.
91. Тюттешева (Николина) Е. В. Человек и его мир в зеркале фразеологии (на материале тюркских языков Сибири, казахского и киргизского). Новосибирск: Институт филологии СО РАН. 2006. 225 с.
92. Урысон Е. В. Фрагмент русской языковой модели восприятия (слово «взгляд») // Труды Международного семинара «Диалог – 97 по компьютерной лингвистике и ее приложениям». Ясная Поляна. М., 1997. С. 278–282.
93. Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: аналогия в семантике / РАН: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. М.: Языки славянской культуры, 2003. 224 с. (Studia philologica).
94. Усманова М. Г. Концепт «видеть» и его репрезентации в глагольной системе башкирского языка // Вестник Башкирского университета. 2012. Том 17. № 3(1). С. 1507–1509.
95. Уфимцева А. А. Опыт изучения лексики как системы (на материале английского языка). М.: Изд-во АН СССР, 1962. 287 с.
96. Философия тела / М. Н. Эпштейн. Тело свободы / Г. Л. Тульчинский. СПб.: Алетейя, 2006. 432 с. (Серия «Тела мысли»).
97. Франгулис З. С. К вопросу о классификации глаголов зрительного восприятия // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2006. № 4 (28). С. 116–119.
98. Хантимиров С. М. Семантика немецких глаголов вкусового восприятия // Вестник ВЭГУ. 2010. № 3. С. 120–127.
99. Хантимиров С. М. Когнитивный аспект семантики глаголов осязания // Коммуникативно-функциональное описание языка, 2007. С. 233–239.
100. Хантимиров С. М. Когнитивный аспект семантики немецких глаголов обоняния // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2007. Т. 15. № 4. С. 109–113.
101. Храковский В. С. Повелительность / Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность: коллективная монография. Ленинград: «Наука». Ленинградское отделение. 1990. С. 185–234.

102. Чебоचाкова И. М. Сложные слова с компонентами *харах* и *кõс* «глаз» в хакасском языке // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий: материалы IV Межд. научн. конф., посвящённой Н. Ф. Катанова (27–29 сентября 2017 года). Абакан: Хакасское книжное издательство, 2017. С. 213–215.
103. Чейф У. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1983. Вып. 12: Прикладная лингвистика. С. 35–74.
104. Черемисина М. И. Модель (гипермодель) описания действия {N=1 N=4 (N=7) Vtr} // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 1998. Вып. 4. С. 35–60.
105. Черемисина М. И. О структурно-семантических типах простого предложения в тюркских языках Южной Сибири // Языки, духовная культура и будущее народов Арктики. Якутск, 1993. С. 11–12.
106. Черемисина М. И. О теоретических вопросах модельного описания предложений // Предложение в языках Сибири. Новосибирск, 1989. С. 3–18.
107. Черемисина М. И. Основные типы аналитических конструкций в тюркских языках Южной Сибири // Языки коренных народов Сибири. Вып. 2. Новосибирск: ИФЛ СО РАН, 1995. С. 3–22.
108. Черемисина М. И., Озонова А. А., Тазранова А. Р. Элементарное простое предложение с глагольным сказуемым в тюркских языках Южной Сибири. Новосибирск: Любава, 2008. 205 с.
109. Чертыкова М. Д. Фразеосочетания по типу *кõңни* + глагол с семантикой эмоции в хакасском языке // Мир науки, культуры, образования. Научный журнал. 2013. № 2 (39). С. 230–233.
110. Чертыкова М. Д. Эмотивные фразеосочетания с соматизмами в хакасской языковой картине мира // Филологические науки: Вопросы теории и практики: научно-теоретический и прикладной журнал (Тамбов). 2014. № 3 (33). Часть II. С. 195–200.
111. Чертыкова М. Д. Глаголы со значением психической деятельности в хакасском языке (системно-семантический аспект): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.02. М.: ИЯ РАН. 2016а. 500 с.
112. Чертыкова М. Д. Глаголы со значением вкусового восприятия в хакасском языке: семантика и сочетаемость // Инновационная наука: Международный научный журнал (Уфа). 2016б. № 8. В 3-х частях. Часть 3. С. 72–74.
113. Чертыкова М. Д. Глаголы со значением зрительного восприятия в хакасском языке // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы IV Международной научно-практической конференции (Абакан, Республика Хакасия, 19–20 мая 2016 года). Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2016в. С. 234–239.
114. Чертыкова М. Д. Хакасские глаголы со значением потребления пищи в парадигматическом аспекте // Таврический научный обозреватель. 2016. № 6 (11). С. 64–66.
115. Чертыкова М. Д. Языковая концептуализация экспериентального статуса восприятия (на материале хакасского языка) // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий: материалы Четвёртой Международной научно-практической конференции, посвященной 155-летию со дня рождения Н. Ф. Катанова (27–29 сентября 2017 года). Абакан: Хакасское книжное издательство, 2017а. С. 173–176.

116. Чертыкова М. Д., Каксин А. Д. Глаголы со значением питания в хакасском и хантыйском языках // Языки и фольклор коренных народов Сибири. Новосибирск. Научный журнал. 2017б. № 3. Выпуск 34. С. 36–43.
117. Чертыкова М. Д. Реализация признака «направление взгляда» в семантике хакасского глагола **кёр-** «смотреть, видеть» // Теоретическая и прикладная лингвистика. Научный журнал (Благовещенск). 2018. Выпуск 4. № 4. С. 145–154.
118. Чугунова А. Н. Глаголы движения и формируемые ими модели простого предложения (на материале хакасского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1998.
119. Шамина Л. А. Система бипредикативных конструкций с инфинитивными формами глагола в тюркских языках Южной Сибири: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2004.
120. Шокиров Ш. И. Лингво-прагматическая и когнитивная интерпретация концепта «глаз» в языках различных систем // Филологические науки в России и за рубежом: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2017 г.). СПб.: Своё издательство, 2017. С. 55–59. URL <https://moluch.ru/conf/phil/archive/258/13448/>.
121. Щелкунова О. В. Функционирование средств номинации зрительного восприятия в авторском комментарии: на материале русского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2009.
122. Юлдашев А. А. Глаголы чувственного восприятия (*verba sentiendi*) в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М.: АН СССР, 1961. С. 294–461.
123. Юнусалиев Б. М. Киргизская лексикология. Часть I (развитие корневых слов). Фрунзе: Киргизское государственное учебно-педагогическое издательство. 1959. 246 с.
124. Якупова Л. Н. Лексико-семантическое поле слухового восприятия в башкирском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2010. 26 с.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. АРС – Алтайско-русский словарь / отв. ред. А. Э. Чумакаев; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». Горно-Алтайск, 2018. 936 с.
2. БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь в четырех томах / под общ. ред. ак. АН Монголии А. Лувсандэндэва и д-ра филол. наук, проф. Ц. Цэдэндэмба; отв. ред. доктор филол. наук, проф. Г. Ц. Пюрбеев. Ок. 70000 слов. М.: ACADEMIA. 2001. 2007 с.
3. БРС – Башкирско-русский словарь: 32 000 слов / Российская академия наук. Уфимский научный центр. Академия наук Республики Башкортостан / сост.: И. М. Агишев, Г. Д. Зайнуллина, Э. Ф. Ишбердин [и др.]; под ред. З. Г. Ураксина. М.: Дигора, Русский язык. 1996. 884 с.
4. БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / сост.-ль и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
5. БурРС – Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. В двух томах. Т. I. А-Н. Изд-во ОАО «Республиканская типография». Улан-Удэ, 2010. 636 с.
6. ДТС – Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев [и др.]. Ленинград: «Наука». Ленинградское отд-е. 1969. 676 с.
7. КазРС – Бектаев К. Большой казахско-русский, русско-казахский словарь. 1999. URL: <http://bookre.org/reader?file=586995>.
8. КБРС – Карачаево-балкарско-русский словарь: около 30 000 слов. / Карачаево-Черкесский НИИ истории, филологии и экономики; С. А. Гочияева, Х. И. Суюнчев / под ред. Э. Р. Тенишева и Х. И. Суюнчева. М.: Русский язык. 1989. 832 с.
9. КРС – Киргизско-русский словарь. В двух книгах. Около 40 000 слов / сост. К. К. Юдахин. Фрунзе: Главная редакция Киргизской Советской Энциклопедии. 1985. Кн. 2. Л-Я. 480 с.
10. КРС – Киргизско-русский словарь. В 2 книгах. Около 40 000 слов / сост. проф. К. К. Юдахин. Книга 1: А-К. Фрунзе. 1985. 504 с.
11. КРС – Кыргызско-русский словарь. 40 000 слов / под ред. К. К. Юдахина. Изд-е 4-е. Бишкек: «Улуу Тоолор», 2015. 1092 с.
12. КРТС – Краткий русско-тувинский словарь: около 14 тыс. слов / отв. ред. Д. А. Монгуш; ред. Я. Ш. Хертек. Кызыл, Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, «Новости Тувы». 1994. 432 с.
13. КСКТ – Кубрякова Е. С., Демьяненко В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ, 1997. 245 с.
14. КХРФС – Боргоякова Т. Г. Краткий хакасско-русский фразеологический словарь. Абакан: Изд-во Хакасского госуниверситета. 1996. 145 с.
15. РАС – Русско-алтайский словарь. В 2-х томах. Том I (А–О) / Редколлегия: канд. филол. наук А. Э. Чумакаев (отв. ред.), канд. филол. наук А. Н. Майзина, канд. филол. наук А. А. Озонава, канд. филол. наук Н. Д. Алмадакова; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». Горно-Алтайск, 2015. 800 с.
16. РАС – Русско-алтайский словарь. В 2-х томах. Том II (П–Я) / Редколлегия: канд. филол. наук А. Э. Чумакаев (отв. ред.), канд. филол. наук А. Н. Майзина, канд. филол. на-

- ук А. А. Озонова, канд. филол. наук Н. Д. Алмадакова; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». Горно-Алтайск, 2016. 896 с.
17. РКБС – Русско-карачаево-балкарский словарь: около 35000 слов / под ред. Х. И. Суюнчева и И. Х. Урусбиева. М.: Советская энциклопедия. 1965. 744 с. (Карачаево-черкесский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории).
 18. РКС – Русско-кыргызский словарь: 51 000 слов / под ред. К. К. Юдахина. 2000. Бишкек: «Шам». 992 с.
 19. РТС – Русско-тувинский словарь: 32000 слов / М. Д. Биче-оол, А. К. Делгер-оол, А. Ч. Кунаа [и др.]; под ред. Д. А. Монгуша. Абакан: ООО «Кооператив «Журналист». 2015. 664 с.
 20. ССХЯ – Кызласова И. Л., Чертыкова М. Д. Словарь синонимов хакасского языка / Хакас тілінің синонимнер сөстiгi: справочное издание. Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2014. 228 с.
 21. СТРИПТ – Рассадин В. И. Словарь тофаларско-русский и русско-тофаларский: учебное пособие для учащихся средних школ. СПб: «Издательство «Дрофа» Санкт-Петербург», 2005. 295 с.
 22. СЯЯ – Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. Т. I. Вып. 1–4. М., 1958. 1265 с.
 23. ТатРС – Татарско-русский словарь. Около 25 000 слов / авторы: И. А. Абдуллин, Ф. А. Ганиев, М. Г. Мухамадиев, Р. А. Юналеева; под ред. проф. Ф. А. Ганиева. Казань: Татарское книжное изд-во, 1988. 462 с.
 24. ТелРС – Рюмина-Сыркашева Л. Т., Кучигашева Н. А. Телеут-орус сөслик = Телеутско-русский словарь / научный руководитель Н. Н. Широбокова. Кемерово: АО «Кемеровское книжное издательство», 1995. 117 с.
 25. ТРПТС – Рассадин В. И. Тофаларско-русский, русско-тофаларский словарь: учебное пособие для учащихся средних школ. СПб: «Дрофа. Санкт-Петербург», 2005, 295 с.
 26. ТРС – Тувинско-русский словарь: около 22000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. 648 с.
 27. ТСРГ – Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под ред. Л. Г. Бабенко. М: Аст-пресс, 1999. 704 с.
 28. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка: около 7 000 словарных статей: свыше 35 000 значений. Более 70 000 иллюстративных примеров / под ред. Д. В. Дмитриева. М.: ООО «Издательство «Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. 1582 с. (Словари Академии Российской).
 29. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. 1582 с.
 30. ТСРЯ – Ушаков – Толковый словарь русского языка: в 3 томах / сост. и ред.
 31. Д. Н. Ушаков. Т. 2. М.: Вече; Мир книги, 2001. онлайн-версия: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/0ush.htm>
 32. ТСРЯ – Ожегов, Шведова – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
 33. ТувРС – Тувинско-русский словарь: около 22000 слов / Тенишев Э. Р. (ред.). М.: Советская энциклопедия, 1968. 648 с. // Электронная версия: Самиздат. 2008. 465 с.

34. ТурРС – Турецко-русский словарь. 48 000 слов / авторы А. Н. Баскаков, Н. П. Голубева, А. А. Кямилава [и др.]. М.: Институт востоковедения АН СССР. Изд-во «Русский язык». 1977. 967 с.
35. ХРС – Хакасско-русский словарь / авторы: О. П. Анжиганова, Н. А. Баскаков, М. И. Боргояков, А. И. Инкижекова-Грекул Д. Ф. Патачакова, О. В. Субракова, П. Е. Белоглазов, З. Е. Каскаракова, А. С. Кызласов, Р. Д. Сунчугашев, М. Д. Чертыкова. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
36. ШРиРШС – Курпешко – Таннагашева Н. Н., Апонькин Ф. Я. Шорско-русский и русско-шорский словарь. Кемерово: Кемеровское книжное издательство. 1993. 153 с.
37. ЭСТувЯ – Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2000. 341 с.
38. ЭСТувЯ – Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Том III (К, Л) / отв. ред. к. ф. н. Д. А. Монгуш. Новосибирск: Наука. 2004. 440 с.
39. ЯРС – Якутско-русский словарь. 25 300 слов / под ред. П. А. Слепцова. М.: Изд-во «Советская энциклопедия». 1972. 568 с.

СПИСОК ТЕКСТОВЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. А – Халларов А. Акай. Повесть. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1986.
2. Аа – Алтын Арыг. Богатырские сказания, записанные от С. П. Кадышева. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1987. С. 7–132.
3. Ат – Ах тасхыл. Художественный альманах.
4. Ат – Татарова В. Аат табызы: повесть. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1991. 176 с.
5. Асаас – Ах сабдар аттыг Алтын Сейзек. Алыптыг ныхах / сост. В. Е. Майногашева. Абакан: Хак. кн. изд-во, 2010. 163 с.
6. Аух – Чарков С. Ах Ыўс хазында. Чоохтар. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1994. 176 с.
7. Ах – Алтын хыс: хакаские сказки. Абакан: Хак. книжн. изд-во, 1992. 77 с.
8. Ахс – Шулбаева В. Ах хазыннанар сарын. – Нанарга: Чоохтар // Ах тасхыл. 1989. № 37. С. 13–45.
9. Д – Айтматов Ч. Джамиля. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1992. 285 с.
10. О – Балтыжаков Т. Орис: повесть. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1964. 67 с.
11. Ках – Баинов М. Р. Килдiм Агбан хазынзар: стихи и поэмы. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1962. 80 с.
12. Кк – Тиников Н. Кавристин кӧглери. Повесть. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1977.
13. Кх – Нербышев К. Кӧгiм хорымнарда: роман. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1983. 243 с.
14. Кч – Чебодаев М. И. Кургенниг чазы. Курганная степь (на хакасском языке). Абакан: Хакаское книжное изд-во. 1967. 70 с.
15. Ио – Майнашев В. Ирбен от: стихтар. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1979. 94 с.
16. Ит – Иргенгi тан. Утренний ветерок (на хакасском языке). Абакан: Хакаское отделение Красноярского книжного изд-ва. 1986. 120 с.
17. Мт – Кобяков В. Мылтых табызы. Хасхыларның унадылган ордызы. Кiрӧске тӱзiргенi: Чоохтар // Мылтых табызы. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1966. С. 7–32.
18. Лч – Ленин чолы. Халых чон газетазы.
19. Сс – Туран М. Сайалбаан сӱрместер. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1972. 32 с.
20. Сс – Шулбаева В. Сарналбаан сарын. Пьесалар, чоохтар. Абакан: Абакан: Хак. кн. изд-во, 1987. 206 с.
21. Т – Казачинова Г., Халларов А. Той. Повесть паза чоохтар. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва. 1979. 157 с.
22. Т – Паин Саа. Таңма. Знак: сборник стихов на хакасском языке. Абакан: Дом литераторов Хакасии. 2013. 96 с.
23. Т – Топоев И. Туғаннар. Чоохтар. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1992.
24. Ткӧ – Тиников Н., Тiрiг кiзi ӧлбечек. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва. 1982. 239 с.

25. То – Бурнаков Ф. Тигір оды: повесть. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1977. 138 с.
26. Тс – Банинов Б. Тас сом: очерктер. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1967.
27. Тч – Казачинова Г. Г. Төлібіс чулазы (Древо жизни): стихи и переводы. На хакасском языке. Абакан: ДиалогСибирь-Абакан, 2010. 140 с.
28. П – Кильчичаков М. Е., Шулбаева В. Г., Митхас Туран, Котожеков Г. Г. Пьесалар: сборник пьес. Абакан: Хак. издат. 1991. 264 с.
29. По – Писательлер – олганнарга. Көглер, чоохтар, ныхахтар. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1988. 278 с.
30. Пт – Туран М. Пай тирек: повесть. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1981.
31. Птн – Бурнаков Ф. Пора тай нанчым. Улуг чоох. Мой друг каурый (на хакасском языке). Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1987. 163 с.
32. Р – Кичеев Геннадий. Рубаилер. Кибеліс чыындызы. Ағбан: САМиздат. 2000. 111 с.
33. Х – Тюкпиеков Н. Хыстагда. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1977. 109 с.
34. Х – Кильчичаков М. Е. Хулгалар: пьесалар. Абакан: Хак. кн. изд-во. 1991. С. 4–44.
35. Хл – Хакас литературазы. Хрестоматия 4 класса. Тимнеев У. Н. Кирбижекова, И. Ф. Коков. Абакан: Хызылчар книга издательствозының Хакасиядагы пөлігі. Абакан. 1977. 139 с.
36. Хо – Хакасия оттары. Литературно-художественный альманах. Абакан. Издаётся с 1952 г.
37. Хп – Хара паар. Ныхахтар. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1985.
38. Хт – Хан тигір. Альманах. № 2. Ағбан, 1995, 133 с.
39. Хх – Нербышев К. Хорлаңа хара суг. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1972. 98 с.
40. Хч – Хакас чир. Газета.
41. Хч – Кобяков В., Топанов А., Коков М., Кузугашев А. Хызыл чазы. Красная степь (на хакасском языке). Чоохтар, стихтар, пьесалар. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1982. 252 с.
42. Хчк – Хакас чирінің кізілері. Очерктер. Люди земли хакасской. Очерки (на хакасском языке). Абакан: Хакаское отд-е Красноярского книжного изд-ва, 1985. 238 с.
43. Хчн – Хакас чоңының ныхахтары. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1986. 128 с.
44. Ыа – Доможаков Н. Г. Ыраххы аалда. Роман. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1987. 328 с.
45. Чкч – Чарых күннің чирім. Солнечный мой край. Сб-к художественных произведений хакасских авторов / сост.: А. Е. Султреков, Л. В. Челтыгмашева, Н. С. Майнагашева. Абакан: Хак. кн. изд-во, 2007. 348 с.
46. Чхі – Кильчичаков М. Е. Чүректе халған істер. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1964.
47. Чт – Бурнаков Ф. Читон тайма. Чоох. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1972. 128 с.
48. Чт – Чирім тамырлары. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1982. 157 с.
49. Чх – Костяков И. Чібек хур: роман. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1989. 230 с.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

алт. – алтайский язык
башк. – башкирский язык
букв. – буквально
бур. – бурятский язык
вин. п. – винительный падеж
возвр. – возвратный залог
Грамматика – Грамматика хакасского языка
дат. п. – дательный падеж
ед. ч. – единственное число
мн. ч. – множественное число
ЛСВ – лексико-семантический вариант
ЛСГ – лексико-семантическая группа
им. п. – именительный падеж
исх. п. – исходный падеж
каз. – казахский язык
калм. – калмыцкий язык
кирг. – киргизский язык
монг. – монгольский язык
род. п. – родительный падеж
тв. п. – творительный падеж
напр. п. – направительный падеж
неопр. – неопределённый вид
побуд. – побудительный залог
пред. п. – предложный падеж
страд. – страдательный залог
тат. – татарский язык
телеут. – телеутский язык
тоф. – тофаларский язык
тув. – тувинский язык
ФЕ – фразеологическая единица
хак. – хакасский язык
шор. – шорский язык
як. – якутский язык

Научное издание

Мария Дмитриевна **Чертыкова**

**СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ХАКАССКИХ ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ВОСПРИЯТИЯ
И ИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ
В ДРУГИХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ**

Редактор – Т. М. Дудина.
Компьютерное обеспечение Ю. С. Танбаевой.

Подписано в печать 07.10.2019. Формат 60×84 1/16.
Гарнитура Times New Roman. Печать – ризограф. Бумага офсетная.
Физ.печ.л. 10. Усл.печ.л. 9,3. Уч.-изд.л. 8,72.
Тираж 50 экз. Заказ № 88.

Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова»
Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова»
655017, г. Абакан, пр. Ленина, 90а, тел. 22-51-13; e-mail: izdat@khsu.ru